

ISSN 2079-9160

Российская
ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
◆
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
◆
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 2(9)

МОСКВА-КАЗАНЬ 2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихамедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва)
Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Геляева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.-М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кароол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк).

Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 2(9)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2013

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M.
Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), M.Z.
Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)
G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik), E.A.
Grunina (Moscow), S.G. Klyashtorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A.
Nevskaya (Germany), Zh.S. Syzdykova (Moscow), E.A. Oganova (Moscow),
N.N. Telitsyn (St. Petersburg), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevesk), L.I. Chebodayeva
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk).

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 2(9)

MOSCOW–KAZAN 2013

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА**К СООТНОШЕНИЮ ВАРИАНТОВ ТЮРКСКОГО
РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА: ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ОБОСНОВАНИЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ОЦЕНОК¹**

И.В.Кормушин (г. Москва)

Резюме. Для снижения уровня неопределенности в отношении недатированных рунических надписей в статье предлагается метод «учета относительной последовательности структурных изменений графем», основанный на следующей аксиоме: «некоторые последовательности изменений в начертательной структуре ряда рунических графем имеют свою логику, поскольку часть таких изменений не может наступить раньше, чем осуществляются изменения, препятствующие им». Среди иллюстраций предлагаемого методического приема новизной отличается сопоставительный анализ особой графемы Ъ: ор/ур, отсутствующей в орхонском дукте, но имеющийся в дукте восточнотуркестанском, а также выявленный впервые А.С. Аманжоловым и автором статьи в енисейских памятниках Е-45 и Е-28, что позволяет нам упозднить датировку «Ырк битиг» до начала X в. следуя здесь Л. Базэну, но не В. Томсену (предполагавшего более раннюю дату), а также значительно упозднить датировку надписей с Алтын-Кёля – как минимум до конца IX в., следуя автору статьи, но не С.Г. Кляшторному, относившему Е-28 к началу VIII в.

Ключевые слова: древнетюркское руническое письмо, палеография, датирование недатированных надписей, палеографические основания

С учетом исторических, географических и этно-политических факторов можно говорить о следующих хронологических вариантах, или этапах существования тюркского рунического письма (ТРП): 1) отюкено-тюркский (орхонский), конец VII – сер. VIII в.; 2) отюкено-уйгурский, сер. VIII – сер. IX в.; 3) восточнотуркестанско-уйгурский, сер. IX – X/XI вв.; 4) енисейско-кыргызский (разные оценки: в пределах VIII–XI вв.); 5) таласско-кыргызский (очень разные оценки: VIII в.; либо: IX в. и позже); 6) горно-алтайско-кыргызский (нет оценок; по моему мнению, на уровне позднеенисейских надписей, т.е. вторая пол. IX в. и/или позже). Представленные на этих этапах письменные памятники различаются, причем иногда довольно значительно, по характеру и объему содержания, а также по некоторым общим от этапа к этапу изменениям в структуре начертаний определенной группы алфавитных знаков. Однако во

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-24-03552е/Мон и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика».

всех памятниках перечисленных выше хронологических этапов применен единый для этой части тюркского языкового мира того времени (т.е. VII–XI вв.) литературный язык и реализована единая система письма – тюркский рунический алфавит, изменяющийся в части графем, и правила использования алфавита – принципы орфографирования тюркских слов.

На момент создания первых тюркоязычных письменных памятников в языках тюркской семьи уже не менее 3–4 столетий как произошло и крепло размежевание на основные диалектные группы, существующие, в принципе, и поныне. У какой-то одной (и есть уверенность, что мы знаем, у какой именно) из этих разделившихся групп еще в дописьменную эпоху начинают складываться нормированные формы речи, которые со временем используются другими диалектами в качестве койне, или общего (наддиалектного) литературного языка. Другие тюркские наречия вносят в койне свои лексические и грамматические элементы, устойчивые речения, усиливая его наддиалектный характер. Некоторая ирония ранней культурно-письменной истории тюркских племен состоит в том, что койне зиждется на языковых признаках одной группы – уйгурской (токуз-огузско-уйгурской), а письменность возникла в эпоху политического главенства другой – тюркской. И поскольку первые письменные памятники создавались тюрками (в узком этническом смысле), то и язык этих памятников несет на себе больший удельный вес их племенного наречия, чем это обнаруживается, скажем, при сопоставлении с памятниками наиболее близкими по времени – отюкено-уйгурскими.

Однако не происхождение и история общетюркского литературного языка – тема важнейшая для исторической и сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, а единство алфавитной системы ТРП и ее естественная вариативность, свойственная любой длительной письменной традиции, нашедшей применение в различной этнической среде, являются темой данной статьи. Языковые / диалектные особенности текстов памятников (лингвистические критерии) и особенности алфавитно-графической вариативности ТРП разных этапов (палеографические критерии) – вещи, не связанные друг с другом, однако вместе они составляют независимые, но взаимодополняющие друг друга критерии экспертных оценок по приблизительному датированию недатированных памятников. Причем внешние, независимые от содержания памятников палеографические приметы часто способны дать однозначные ответы, в отличие от размытых содержательных подсказок.

Фундамент палеографии составляет совокупность датирующих примет данного письма, выведенных на основе обращения к хронологически определенным памятникам. Для памятников ТРП число точно датированных памятников исчисляется единицами: это памятники в честь Кюль-тегина (734 г.) и Бильге-кагана (735 г.) в группе памятников первого этапа, и надписи Тарьятская (753 г.) и из Шинэ-усу (760 г.) – из группы памятников второго этапа. Вся остальная масса надписей, числом свыше 300 (правда, разной текстовой величины и содержательной ценности) не датированы. Недатированность же большинства надписей

усугубляется достаточно неопределенными, широкими временными рамками этапов с 3 по 6, тексты которых сразу приобрели бы ценность исторического источника, если получили бы хронологическую привязку.

Классический путь палеографического анализа – сопоставление палеографических особенностей недатированных памятников с датируемыми приметами, в данном случае не реализуется, т.к. невозможно получить эталонные хронологические вехи (= датирующие приметы). Поэтому для достижения хотя бы минимального уровня хронологической определенности в отношении тех или иных изменчивых рун нами предлагается метод «учета относительной последовательности структурных изменений графем», основанный на следующей аксиоме: «некоторые последовательности изменений в начертательной структуре ряда рунических графем имеют свою логику, поскольку часть таких изменений не может наступить раньше, чем осуществляются изменения, препятствующие им». Например, мною эмпирически получена вот такая последовательность типовых вариантов графем для велярного t^1 :

(1) \mathcal{D} , (2) \mathcal{E} , (3) \mathcal{F} , (4) \mathcal{G} , (5) \mathcal{H} .

Начертание t^1 в виде двух «крыш», тип (5), является стойкой хронологической приметой рунического письма эпохи, последовавшей вслед за окончанием периода древнеуйгурско-рунического, т.е. со второй половины IX в. Этот рубеж отделяет бытование тюркской руники в среднецентральной Монголии (др.-тюрк. Отюкен = совр. монг. Хангай и др. регионы) – в древнетюркский и древнеуйгурский периоды, – от ее изводов на Енисей, в Северо-Западную Монголию, в Среднюю Азию, на Алтай. Наиболее близкая этой форме предшествующая конструкция, тип (4), содержится именно в надписях второй половины IX в. – на памятниках Уйгурского каганата: \mathcal{G} , где нижняя черта еще не «крыша», но уже и не полностью закрытое кольцо как в типе (2) \mathcal{E} , – фиксируется в ранних орхонских надписях (Чойренской, Тоньюкука, Онгинской и др.). Здесь же, в надписях Онгинской и Кюли-чора, спорадически встречается такая форма $\mathcal{D} : t^1$, тип (1), которую по причине ее ассиметричности следует принять за прототип велярного t . Логика соотношения всех этих форм в конструктивной очередности изменений: сначала графема \mathcal{D} должна была симметризоваться в \mathcal{E} , далее в этой графеме должно было произойти укорочение вертикального штамба и раскрыться нижнее кольцо. На последнем этапе идет дальнейшая симметризация составных элементов графемы: нижнее кольцо логично становится сочетанием двух прямых, параллельных верхнему козырьку крыши, а отросток от бывшего соединения нижней части руны с верхней становится излишним. Представляется, что нельзя поменять местами эти изменения, так как нарушится принцип постепенности изменений в виде элементарных шагов к следующему типовому варианту.

Точно так же я интерпретировал набор зафиксированных вариантов графем для палатального b^2 :

(1) \mathcal{I} , (2) \mathcal{J} , (3) \mathcal{K} , (4) \mathcal{L} , (5) \mathcal{M} , (6) \mathcal{N} , (7) \mathcal{O} .

В этой серии орхонский классический тип (3) восходит к курсивному начертанию b^2 с округлой головкой, тип (2), из ранних орхонских надписей – Тоньюкука и др. Удача для рунической палеографии состоит в том, что и здесь, как и в случае с t^2 , удается выйти на прототип (1), единично отмеченный в Онгинской надписи. Вся цепочка развития начинается с момента, когда верхние хвостики двух пересекающихся дуг элиминируются, давая тип (2), а затем оставшаяся часть принимает прямолинейные формы, тип (3). Енисейские варианты начинаются с 4 типа, когда у головки руны образуются навесы, придавая графеме вид «домика». (Из этого, кстати, следует, что «домик» не является начальной стадией рисунка знака для b^2 , и это – неприятное обстоятельство для гипотез об автохтонно-рисуночном происхождении тюркского рунического алфавита). Деформирование внутренней крестовины, типы 6 и 7, – свидетельство более позднего развития данной графемы.

Начертательная идентичность знака для полуширокого e в ряде енисейских памятников прототипу знака b^2 в самых ранних орхонских памятниках может быть объяснена следующим образом: енисейская графема \mathfrak{X} для e могла появиться тогда, когда идентичный по рисунку прототип орхонского b^2 был уже совершенно забыт.

С похожим случаем мы сталкиваемся при обращении к руне, получившей и графическое, и фонетическое развитие на разных этапах существования тюркского рунического алфавита. Речь пойдет о графеме для syllabic сочетания переднего огубленного гласного с палатальным заднеязычным согласным, который мог читаться как $\overset{o}{\underset{u}{k}}$ или $\overset{u}{\underset{o}{k}}$, а также как $\overset{o}{\underset{u}{k}}$ или $\overset{u}{\underset{o}{k}}$. Данное звукосочетание составляло фонетическую пару с другим syllабом – знаком стрелы, являвшимся велярным его антиподом и имевшим чтения $\overset{o}{q}/\overset{u}{q}/\overset{o}{q'}/\overset{u}{q'}$. Палатальный syllаб имел начертание: \mathfrak{F} – вертикальная прямая (штамб), к которой справа друг над другом крепятся два коленца. Таково классическое орхонское прямолинейное начертание, которое спрямило округлое (курсивное) начертание более раннего времени: \mathfrak{F} (Тоньюкук, Кюли-чор и др.). Уже в этих ранних памятниках развитие данной графемы шло в сторону большего закругления колен, сначала верхнего, а затем и нижнего. На последующем этапе, в древнеуйгурско-рунических (Тарьят, Шинэ-усу), колена смыкаются со штамбом, образуя рисунок «очков»: \mathfrak{V} .

Все выше названные памятники достаточно точно датируются. Так называемые «ранние орхонские» считаются созданными до классических орхонских, Кюль-тегина и Бильге-кагана, т.е. до 730-х гг. Памятники уйгурского каганата, естественно, позже: Тарьят – 753 г., Шинэ-усу – 760 г. Следовательно, хронологические оценки палеографических явлений, в данном случае – вариантов руны для $\overset{o}{k}/\overset{u}{k}$, на этих стадиях существования древнетюркского рунического письма – вполне однозначны и определены. Более сложны вопросы хронологизации памятников следующих стадий существования рунического письма за пределами древней территории Тюркского и Уйгурского каганатов (в нынешней Монголии) – в Восточном Туркестане (в нынешнем Китае) и на Верхнем и

Среднем Енисее (в нынешней Российской Федерации, Республики Хакасия и Тыва).

После поражения от енисейских кыркызов в 840 г. уйгуры покинули Отюкен и ушли в Восточный Туркестан. В здешней полиэтничной, поликонфессиональной и поликультурной среде они смогли сохранить свою новую религию – манихейство, воспринятое ими в 762 г. из Китая, и отчасти свое руническое письмо. Каких-либо эпиграфических памятников руническим письмом (помимо краткой надписи на портике) в Восточном Туркестане не обнаружено, сохранилось небольшое количество рукописных фрагментов на бумаге, в том числе знаменитая «Irk bitig» («Книга гаданий») в 54 небольших листа, а также листки учебного, видимо, характера. Не будучи удобным для скорописи на бумаге (из-за отсутствия соединений букв), руническое письмо не могло конкурировать с другими видами курсивного письма, такими, как древнеуйгурское, манихейское, брахми (хотя, конечно по сложности начертания графем последние два письма значительно превосходят тюркские руны). Однако в сохранившемся небольшом рукописном материале мы находим нечто неожиданное в отношении интересующей нас графемы. В фонетическом значении $\overset{\circ}{k}/\overset{u}{k}$ вытупает руна-«очки»: В. Но наряду с «очками» есть графема идентичная руне для $\overset{\circ}{k}/\overset{u}{k}$ на этапе ранних орхонских памятников с незакругленными коленами: В только здесь этот знак передает силлаб $\overset{\circ}{p}/\overset{u}{p}$, довольно часто в деепричастии *-upan*. Огубленность гласного в силлабе видна из сравнения разных глаголов - с огубленными и неогубленными гласными в основе в одной и той же форме на *-upan/-cran*: $\mathfrak{V}\mathfrak{R}\mathfrak{C}\mathfrak{H}\mathfrak{J}$: *ohurup(a)n* ‘сидя (на дереве)’ (IB, 4), но: $\mathfrak{J}\mathfrak{A}\mathfrak{D}$: *j(a)t(i)p(a)n* ‘лежа (в море)’ (IB, 6). Расшифровка знака В как ора/ура уйгурскими буквами содержится также в упомянутых листках, объясняющих рунический алфавит.

А.С.Аманжолов был первым, кто нашел знак В : о/ур в енисейских памятниках [Аманжолов 1981: 24–25]. Он заметил эту руны на стеле из правобережной части Тувы (Е-45, Кёжээлиг-Хову), в одном только слове в следующей фразе:

toquz yégmenti yaşımğa ögsüz bolup qatıǵlanıp ‘на девятнадцатом году жизни я остался [также] без матери, [но] я мужался’.

Важно отметить, что в памятнике Е-45 зафиксирован дважды и знак В с фонетическим значением $\overset{\circ}{k}/\overset{u}{k}$ в словах *bäd^uk* ‘высокий’ и *b^okmädim* ‘я не пресытился’ (строка 10), что совершенно недвусмысленно подтверждает разный источник этих рунических букв.

Я присоединился к мнению А.С.Аманжолова позже, во второй своей книге, после дополнительного исследования этого знака [Кормушин 2008: 136]. В первой книге, где я довольно много внес новых уточнений для правильного прочтения памятника Е-45, сомнения в начертании знака не позволили мне согласиться с этой важной новеллой А.С.Аманжолова [Кормушин 1997: 214], хотя для другого енисейского памятника, Е-28, я уже тогда, в книге 1997 г., предложил этот же «восточно-туркестанский» знак при чтении одного из компонентов имени собственного меморианта памятника Е-28 (Алтын-Кель I, Хакасия):

𐰽𐰪: *o^opa – älig bört opa bars* (E-28, 2);

𐰽𐰪: *o^opa – opa barsim* (E-28, 9).

Принадлежность знака для *ök/ük* в виде раннего *В* с развитием в \rightarrow *В* к палатальному ряду, кажется, исключает какую-либо связь его с аналогичной графемой, передающей звуки велярного ряда *op/ur*. В связи с этим хотелось бы посмотреть на хронологические соотношения памятников, в которых зафиксировано присутствие знака *В* : *op/ur*, однако сделать это довольно затруднительно.

Рукописи руническим письмом из Восточного Туркестана, – и в этом случае речь идет, главным образом, об «Irk bitig», – не датированы, и не определена их конфессиональная принадлежность. В. Томсен предлагает довольно широкие хронологические рамки: конец VIII – начало IX в., тогда как Л. Базэн допускает гораздо более позднюю дату – 930 г. Что касается отнесенности к буддийской или манихейской конфессиям, то еще Томсен склонялся к мнению, что руническое письмо в Восточном Туркестане применялось главным образом в манихейских кругах [подробнее см.: Яковлев 2004: 17–23].

Конфессиональная принадлежность енисейских эпитафийных текстов во многих случаях остается текстуально не выраженной и потому для нас скрытой. Но что же касается текста E-28, то здесь случайно завеса неопределенности может быть приоткрыта. Дело в том, что, как нам удалось установить, памятники E-28 и E-29, очень похожие друг на друга и в тоже время уникально отличающиеся от всех прочих енисейских стел в отношении формы надгробий, расположения строк надписи на них, а также текстуально-содержательно, были сооружены в честь братьев-близнецов, которые, судя по имени старшего из них, принадлежали к кыргызскому правящему клану Барсов. Так вот, в тексте эпитафии в честь младшего брата, E-29, вполне определенно содержится манихейская сентенция.

Хронология енисейских текстов – вопрос, который вызывает острую полемику среди специалистов. Невозможно интерпретировать какие-либо события, отраженные в кратких, по сути, эпитафиях, привязав их к лицам и событиям, известным из других исторических источников и потому могущим получить точную или приблизительную хронологическую привязку. Возможно, что в будущем такие исторические зацепки найдутся. Но пока их нет, скромные выкладки можно предложить на основе палеографических сравнений.

Примем во внимание, что в рукописных фрагментах из Восточного Туркестана руна для *b²* имеет форму «домика с крышей с навесами»: *𐰽*, а руна для *t¹* – «две крыши друг над другом»: *𐰽*. Но такие аллографы **еще не** встречаются в памятниках уйгурского каганата из Отюкена, так же, как и руна *В* для силлаба *op/ur*, и это значит, что все эти графемы относятся к **послеотюкенскому** времени, т.е., видимо, не ранее второй половины IX в. Иными словами, датировка В. Томсена рукописи «Irk Bitig» (не самого произведения, которое могло быть создано в более раннее время) должна быть отодвинута на более позднее время. Учитывая, что памятник E-45 по признакам выписывания огубленных гласных, некото-

рым характерным словам (tul 'вдова'), вероятно, относится к кыргызскому языковому типу, местоположение памятника – в правобережной части Улуг-Хема (Енисей) может указывать на начало X в., когда по мнению историков (Г.В. Длужневская и др.) ставка кагана кыргызов, находившаяся после экспансии 840-х гг. в Северо-Западной Монголии, южнее гор Танну-Ола, была вновь отодвинута на север, в степи Тувы [История Тувы. Т. I. 2001: 133]. Такая датировка ближе к тому, что предлагал Л. Базэн. Памятники E-28 и E-29 из Хакасии явно должны быть отнесены к более раннему времени, т.е., по-видимому, к концу IX в. [см. полемику по вопросу датирования алты-кельских стел: Кормушин 1976: 89–90].

Литература

- Аманжолов А.* Тюркская руническая графика. 2. – Алма-Ата, 1981.
История Тувы. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск, 2001.
Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследование. – М., 1997.
Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. – М., 2008.
Яковлев В.М. Ырк Битиг. Древнетюркская гадательная книга // РАН. Общество востоковедов / Бюллетень. Приложение 4. – М., 2004.

Kormushin Igor. On the Relations of Turcic Runic Script's Versions: Paleographic Justification of the Chronological Assessments

Summary. To reduce uncertainty regarding undated runic inscriptions in this article we suggest method of «consideration of the relative sequence of structural changes of graphemes» based on the following axiom: "Some sequences of changes in the graphic structure of a number of runic signs have their own logic, as long as some of these changes couldn't *begin* earlier than changes which prevent them had been realized. Among the illustrations of the proposed methodological technique has special novelty the comparative analysis of specific letter R : op / up, which is lacking in the Orkhon ductus, but there is in Turkestan's one and also in the Yenisei inscriptions E -45 and E -28 as it revealed for the first time by A.S.Amanzholov and by author of this article. This finding allows me to date «Irk bitig» with the beginning 10th century following L.Bazen but not according to V.Tomsen who dated it some earlier, and also date inscriptions from Altyn-Köl - at least until the 9th century according to the author of this article, but not into beginning of 8th according to S.G.Klyashtorny.

Key words. Old Turkic Runic Script, paleography, dating undated inscriptions based on the paleography

**О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ФОРМАНТА -П ОДЫР В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ**

Т.Н. Боргоякова (г. Москва)

Резюме. В хакасском языкознании до настоящего времени не получили развернутого научного описания бивербальные конструкции с бытийными глаголами. В статье предпринимается попытка определить статус конструкций с бытийным глаголом *одыр*- 'сидеть, садиться', структурные и функциональные особенности этих конструкций, а также функционально-семантические особенности глагольного аналитического форманта *-п одыр*.

Ключевые слова: аффикс, глагольная аналитическая конструкция, функция, семантика, поле, вспомогательный глагол, темпоральное значение

Тюркским вспомогательным глаголам (ВГ) и конструкциям, образованным с их участием, посвящено большое количество специальных исследований. Некоторые из них написаны на материале одного отдельно взятого языка [Харитонов 1947; Маманов 1949; Ганиев 1963; Оралбаева 1971; Тыбыкова 1966; Текуев 1973; Щербак 1981; Аркитская 1989], другие представляют собой сравнительно-сопоставительное исследование на примере двух или более родственных или неродственных языков [Юлдашев 1965; Насилов 1989; Кононов 1980; Лизунова 1988; Язиев 1991; Закамулина 1999 и др.].

Общее количество вспомогательных глаголов и их основные функции в системе языка были определены в тюркологических исследованиях более раннего периода в связи с решением различных вопросов лексики, морфологии, синтаксиса и истории языка. В научной литературе особого внимания заслужила их способность подвергаться полной или частичной грамматикализации, образовывать различные бивербальные или многокомпонентные конструкции [Насилов 1984; Шамина 2001], служить основой для образования временных форм. Все эти вопросы довольно хорошо исследованы и на материале тюркских языков Южной Сибири – шорского, алтайского и тувинского. Более детально изучены бивербальные конструкции (далее БВК) деспричастного типа, в состав которых в качестве обязательного компонента входят вспомогательные глаголы [Курпешко, Широбокова 1991; Невская 1993; Шенцова И.В. 1997; Тазранова 2005]. В этих работах дается системное описание аспектуально-темпоральной семантики таких конструкций и сочетаемости в них вспомогательных глаголов с глаголами разных лексико-семантических групп.

Несмотря на наличие серьезных научных исследований [Ганиев, Насилов, Оралбаева, Черемисина, Шамина], посвященных проблеме вспомогательных глаголов и глагольных аналитических образований, всё ещё остаются языки, в которых эти проблемы до сих пор не стали предметом специальных исследований [СИГТЯ. Морфология: 444]. Одним из таких языков является хакасский. Существующее на данный момент общее представление о хакасских вспомогательных глаголах, позволяет сделать вывод лишь о том, что они также имеются в языке, их немало, и они играют существенную роль в видовременной и модально-временной системах хакасского языка.

Так, например, бытийные глаголы в хакасском языке, как и в других тюркских языках, представлены в поле настоящего, прошедшего и будущего времени, в поле аспектуальности и акциональности, они также используются для выражения модальных значений. В хакасском языке они вступают в довольно тесное взаимодействие внутри каждого из названных функционально-семантических полей (далее ФСП), образуя микросистему синонимичных, но практически не взаимозаменяемых глагольных аналитических образований разного уровня. Внутри каждого функционально-семантического поля доминанта по своим семантическим и соответственно сочетательным признакам, как правило, четко противопоставляется остальным. Последние же, в свою очередь, также достаточно прочно удерживают свои позиции, хотя и с меньшей функциональной нагрузкой. Этот принцип взаимодействия глагольных аналитических образований с вспомогательными глаголами сохраняется всегда, когда они употребляются для выражения грамматического значения в пределах названных выше функционально-семантических полей.

Существующие исследования показывают, что сложно определить место и функционально-семантические особенности бивербальных конструкций, если сам вспомогательный глагол, являющийся составной частью данной конструкции, не получил должного детального описания. Именно из-за этого оказывается не до конца четко определенным место каждой ГАК внутри той микросистемы, которую они образуют. Например, общее значение длительности объединяет конструкции с бытийными глаголами в одну микросистему в обширном ФСП аспектуальности, но качество выражаемой ими длительности индивидуализирует и определяет место и функцию каждой из них.

Другой важный момент, на котором следует остановиться, это универсальность структурной схемы «*деепричастие + глагол*», которая проходит через все уровни языка, образуя всё новые и новые глагольные аналитические образования. Эту универсальность особенно наглядно можно показать на примере аналитических образований с бытийными глаголами. Так, например, аналитические образования с этими глаголами, однажды достигнув наивысшей степени грамматикализации, образовали в хакасском языке микросистему форм настоящего времени изъявительного наклонения, например: *тогын-ча* 'работает'. Форма настоящего времени на *-ча/-че /-пча/-пче*, восходящая к сочетанию деепричастия на *-n* с бытийным глаголом *чат* 'лежать', доминирует в поле настоящего времени в некоторых современных тюркских языках Южной Сибири. По этой же схеме и из этих же составляющих образовался аналитический формант с видовой семантикой длительности *-чат/-чет/-пчат/-пчет*, который также доминирует в ФСП аспектуальности, например: *тогын-чад-ып* 'работая', *тогын-чат-са* 'когда / если работает', *тогын-чат-тыр* 'оказывается, работал', *тогын-чад-адыр* 'обычно работает' и пр. П. Кнапп убедительно показал, что это не алломорфы, а разные морфемы с разной степенью грамматикализации, каждая из которых функционирует в своем ФСП, образуя свою микросистему вместе с другими синонимичными формами [Кнапп 2004]. Приведенные формы с *чат*- являются доминирующими, они синтезировались, их легче признать за отдельный показатель. Из всех синонимичных глагольных аналитических образований развитие до стадии аффикса проходит лишь доминанта, у которой шире сочетательный диапазон, так как она выражает данное грамматическое значение в наиболее общем виде. Иначе обстоит дело, если аналитический формант не является доминантой в данном синонимическом ряду, например, такой, как *-n одыр*. Он остается раздельнооформленным, потому что не стал главным выразителем данного значения в соответствующем

ФСП. В то же время он сохраняется в этом синонимическом ряду в виде цельной и монолитной единицы, т.е. аналитического форманта, содержащего в своей семантической структуре главное значение (длительность) в сочетании с какими-то другими значениями.

А.А. Юлдашев пишет о таких конструкциях так: «Они могут: 1) граничить со сложными словами, 2) граничить со свободными словосочетаниями, 3) в одном случае тяготеть к свободному словосочетанию, в другом – одновременно и к форме, и к сложному слову», т.е. «трудно определить, где кончается грамматическое значение и где начинается лексическое» [Юлдашев 1965: 60, 61]. Действительно, если функциональные и семантические особенности доминирующих в данной сфере аналитических образований вполне ясны, то этого нельзя сказать о тех ГАК, которые представляют оппозицию, т.е. являются второстепенными. Таковы конструкции с ВГ *одыр-*, *тур-*, *чёр-* по отношению к *-ча* или *-чат*. Они имеют сложную семантическую структуру, которая состоит из инвариантного значения, т.е. обобщенного значения длительности, и индивидуального, свойственного только данной конструкции значения, которое к тому же часто представляет собой неразложимый на составляющие клубок тонких оттенков. И эта ситуация накладывает на последний тип конструкций множество ограничений сочетательного и функционального характера. Не раскрыв всех этих характеристик ГАК, являющейся оппозицией по отношению к доминанте, невозможно определить её место в общей системе. В то же время, именно такое сочетание – общего и индивидуального – в семантической структуре ГАК определяет её место в системе языка. На лексико-грамматическом и грамматическом уровнях очень важно определить статус исследуемой ГАК в конкретном ФСП, не менее важно также выявить и другие формы, в оппозиции с которыми образуется определенная микросистема.

В статье, представляющей собой часть комплексного исследования бытийных глаголов хакасского языка, рассматривается бытийный глагол *одыр-* ‘сидеть, садиться’ в конструкциях деепричастного типа. В статье уточняются его функционально-семантические особенности: его отношение к ФСП аспектуальности и времени, статус внутри этих полей. ГАК с бытийным глаголом *одыр-* впервые подвергаются специальному исследованию на большом эмпирическом материале, полученном методом сплошной выборки из художественных произведений и публицистических текстов хакасских авторов и путем опроса носителей хакасского языка в местах, где он является основным средством общения.

Общий объем выборки с глаголом *одыр-* равен примерно 1000 единиц. Всё множество фраз мы, вслед за М.И.Черемисиной, делим на ГАК деепричастного типа и ГАК причастного типа [Черемисина 1995], часть примеров составили фразы, в которых глагол *одыр-* используется в своем основном лексическом значении. В статье для анализа привлечен материал в объеме 535 фраз. Подавляющее большинство из них, 86,69 %, является бивербальными конструкциями [Насилов 1984: 130], т.е. состоящими из двух глаголов – знаменательного в форме деепричастия на *-н* и вспомогательного *одыр-*: *Ол тѹк ирѹп одырча* ‘Она прядёт’; *Ол пеер килѹп одыр* ‘Он идёт сюда’; *Анзы сураглап одыр-ган* ‘Тот расспрашивал’.

Структурная характеристика ГАК с вспомогательным глаголом одыр-. Глагол *одыр-* образует ГАК в сочетании с соединительным деепричастием на *-н/ -ин / -ын*. Поскольку данный вспомогательный глагол начинается с гласной, то в знаменательной части этих конструкций никогда не употребляется усечённая форма деепричастия на *-н*, как это бывает с вспомогательными глаголами, начинающимися с согласного звука. Таким образом, в зависимости от фонемного состава исходного глагола, соединительное дее-

причастие может иметь три фонетических варианта аффикса: *хайха-н* 'удивляясь', *кӧр-ип* 'глядя', *хатхыр-ып* 'смеясь'. Сочетание этого деепричастия с ВГ *одыр-* образует глагольные аналитические конструкции, которые употребляются в простых и сложных предложениях, выступая в качестве конечного сказуемого в соответствующих формах изъявительного наклонения (*ылган одыр-ча* 'плачет'; *Учичил килп одыр* 'Учитель идет'), и нередко – повелительного наклонения (*чоохтан одыр* 'рассказывай'). В сложных предложениях ВГ *одыр-* может употребляться в составе зависимого сказуемого также в форме соединительного деепричастия на *-n* (*истип одыр-ып* 'слушая'), в форме условного наклонения на *-са* (*истип одыр-за* 'если/когда слушает'), в составе какой-либо причастно-падежной конструкции (*айланьп одыр-ган-да* 'когда возвращался') или причастно-последложной конструкции (*пӧгипп одыр-ган аразында* 'между тем, как обдумывал').

Аналитические конструкции могут иметь расширенную структуру. Они составляют 1,87 % из общего числа конструкций с *одыр-*. Расширение конструкции происходит за счет усилительной частицы *-ох/-ӧк* или ограничительной частицы *ла/ле*, например: *Анна хатхырыб-ох одыр-чатхан* 'Анна тоже смеялась'; *Чил тьып ла одырган* 'Ветер усиливался (и усиливался)'. В первом примере частица указывает на то, что участников действия было больше, чем указано в предложении. Во втором примере частица *ла* подчеркивает нарастание интенсивности действия.

Кроме БВК, возможны разные комбинации с другими вспомогательными глаголами, тогда получаются многокомпонентные ГАК. Таких конструкций немного. Из указанного выше общего количества только 1,47 % являются многокомпонентными конструкциями деепричастного типа.

Подвергаясь полной грамматикализации, глагол *одыр-* в сочетании с деепричастием на *-n* выступает в роли аналитического средства выражения аспектуального значения длительности (72,69 % фраз) и настоящего времени со сложной семантической структурой (27,31 %).

В трехкомпонентных конструкциях ВГ *одыр-* обычно выступает в качестве последнего компонента, например: *сыгын салып одырган* 'подмигивал (регулярно)', *читир тирп одырап* 'будет подавать, доставлять (регулярно)', *тогылахтан парьп одырап* 'будет катиться'. В этой позиции ВГ *одыр-*, как и в БВК, выражает длительность в определенный промежуток времени, а качество длительности зависит от второго компонента (непрерывность, прерывистость и пр.), например: *Анзы апсахнаң чоохтасхан аразында, позынзар харах сыгын салып одырган* (НД, БИА, 38) 'Тот, беседуя со стариком, подмигивал ей' (букв. *подмигивая-кладя-сидел*). В этой комбинации второй компонент *-n салып-* выражает завершенность действия, названного знаменательной частью, *-n одыр-* – длительность. Всё сказуемое выражает действие, которое регулярно повторяется в определенный отрезок времени в прошлом.

Таким образом, в трехкомпонентных конструкциях этого типа второй компонент практически всегда выражает законченность, завершенность действия, а ВГ *одыр-* продолжительность действия. Вся глагольная аналитическая конструкция передает длительность действия, состоящего из нескольких повторяющихся фрагментов.

В четырехкомпонентных ГАК функция вспомогательного глагола *одыр-* не отличается от той, что была в трехкомпонентных конструкциях, потому что и здесь он занимает позицию перед конечной временной формой, т.е. позицию завершающего компонента: *Бис пулгала тӱс парьп одырган* 'Дым клубился' (букв.: *смешиваясь- падая-идя-садился*). В этом аналитическом сказуемом каждый фрагмент с деепричастием наделен определенным значением: форма слитного деепричастия на *-а* в сочетании с ВГ *тӱс-* выражает акциональность – ко-

личественно-интенсивный способ действия; *-n nar-* векторность – выражает движение действия в противоположную от субъекта сторону; *-n одыр-* аспектуальное значение длительности. Для таких сочетаний, когда форма деепричастия и вспомогательный глагол становятся единым комплексом в выражении какого-нибудь грамматического или лексико-грамматического значения, уместно использование термина «аналитический формант» [Оралбаева 1971:7].

Все эти конструкции (БВК, трехкомпонентные и четырехкомпонентные) объединяет то, что формант *-n одыр* находится в позиции перед конечной временной формой, во всех случаях выполняя одну и ту же функцию – выражение грамматического значения длительности.

Существуют другие комбинации с глаголом *одыр-*, где он находится в середине, чаще всего на втором месте от знаменательной части, тогда функционально-семантические особенности сочетания *-n одыр* могут сохраниться, но могут быть совершенно иными. Многокомпонентность – сложная проблема, которая в данной статье специально не рассматривается.

Функционально-семантические особенности ГАК с вспомогательным глаголом одыр-. Все представленные выше структурные типы ГАК с ВГ *одыр-* имеют две особенности при употреблении в предложении: в одних случаях в них аналитический формант *-n одыр* употребляется в сочетании с временными формами изъявительного наклонения, в других случаях – используются без каких-либо показателей времени. Таким образом, конструкции деепричастного типа с ВГ *одыр-* бывают двух разновидностей:

1) конструкции, в которых *одыр* может принимать все показатели, свойственные финитному глагольному сказуемому, такие как аффиксы времени и лица: «*T_v-n + одыр-показатель времени-показатель лица*», *одыр-* в составе финитного сказуемого занимает обычно позицию перед показателем времени, и в этом случае он в сочетании с деепричастием на *-n* выражает аспектуальное значение длительности: например: *килп одыр-ган-нар* ‘они шли’;

2) конструкции, в которых *одыр-* не принимает показателей времени, но может принимать показатели лица так, как это видно из модели: «*T_v-n + одыр + показатель лица*», т.е. в этом случае выражается видовременное значение, например: *килп одыр-лар* ‘идут’.

В хакасской грамматической традиции не оформленный показателем времени формант *-n одыр-* представляют как средство выражения настоящего времени, в ней, в частности отмечается, что он может «обозначать действие настоящего времени данного момента» [ГХЯ: 200, 207]. Эта функция была отмечена и в трудах других тюркологов. Так, А.М. Щербак в своем исследовании, специально посвященном глаголу в тюркских языках, отмечает, что конструкции с бытийными глаголами «используются для образования перифрастических форм как настоящего конкретного, так и настоящего общего» в тюркских языках Южной Сибири [Щербак 1981: 137]. Однако в академической грамматике хакасского языка и в грамматическом справочнике в хакасско-русском словаре также отмечается, что формант *-n одыр* утрачивает лексическое значение и выполняет «грамматическую функцию, указывая только на длительность, повторяемость действия» [ГХЯ: 200, 207; ХРС 1953: 425]. Все эти особенности форманта *-n одыр* получили достаточно полное освещение и в известном исследовании аналитических форм глагола в тюркских языках А.А. Юлдашева. В нем автор дал исчерпывающий анализ этой формы, опираясь на материалы башкирского и татарского языков, и привлек большой сравнительный материал других тюркских языков, в том числе хакасского. Подводя итог анализу формы *-n отур* (включая как. *-n одыр*), автор обращает внимание на то, что она «в пределах настоящего времени употребляется без форматива этого времени» и это обстоятельство позволяет в языках Южной Сибири и в некото-

рых других тюркских языках рассматривать её как одну «из регулярных форм настоящего времени». Далее говорится о том, что эта форма, в отличие от *-n ят* (хак. *-n чат*), ни в одном языке не получила «сколько-нибудь полного развития», что в названных языках эта форма в сочетании с глаголами активного действия предназначена для обозначения «процессуальности (но не длительности)» [Юлдашев 1965: 61]. Это мнение было поддержано и Н. Оралбаевой [Оралбаева 1971: 31]. В связи с тем, что «глагольная основа в тюркских языках нейтральна в аспектуальном отношении» [Насилов 1984: 131], вполне естественно, что семантика длительности, процессности [Насилов 1984] выражается дополнительными средствами в виде аффиксов или аналитических форм. Одним из таких средств является формант *-n одыр*. Это не единственное средство выражения в хакасском языке семантики длительности или процессности, но в рамках данной статьи другие средства не рассматриваются. Частотность употребления этого форманта как с временными формами, так и без них показана в следующей таблице.

Таблица 1 – Частотность употребления аналитического форманта *-n одыр* в изъявительном наклонении

Поле темпоральности	Сочетание <i>-n одыр</i> с временными формами и их частотность	Общее количество
Поле прошедшего времени	<i>T_v-n одыр-ган</i> (29,51%) <i>T_v-n одыр-ган+частица</i> (1,47%) <i>T_v-n одыр-чатхан</i> (1,11%) <i>T_v-n одыр-чаң</i> (0,37%) <i>T_v-n одыр-тыр</i> (0,74%) <i>T_v-n одыр-арга</i> (0,74%)	33,93 %
Поле настоящего времени	<i>T_v-n одыр-ча</i> (20,29%) <i>T_v-хла-n одыр-ча</i> (0,74%) <i>T_v-n одыр-адыр</i> (1,11%) <i>T_v-n одыр-чадыр</i> (0,74%)	22,89 %
Поле настоящего времени + процессность	<i>T_v-n одыр</i> (26,56%) <i>T_v-б-ёк одыр</i> (0,74%)	27,30 %
Поле будущего времени	<i>T_v-n одыр-ар</i> (4,43%)	4,43%

Примечание: В таблицу не включены многокомпонентные конструкции. Условное обозначение *T_v-*, предложенное Новосибирской лингвистической школой, соответствует любой глагольной основе.

Из этой таблицы видно, что формант *-n одыр* функционирует во всем ФСП темпоральности, кроме ФСП будущего времени, на долю которого приходится 4,43%. (это объясняется спецификой будущего времени). Данный формант крайне редко сочетается с узко специализированными временными формами как в поле настоящего, так и в поле прошедшего времени (см. таблицу). Наиболее часто он употребляется с прошедшим неопределенным вре-

менем на *-ган*, с настоящим широким на *-ча* и без временных показателей. Судя по количественным данным именно употребление в этих временных формах является основной сферой функционирования форманта *-п одыр*.

Конструкции «Т_v-п + одыр» без показателей времени. Подавляющее большинство глагольных аналитических конструкций с ВГ *одыр*- бивербальны. Иногда они могут иметь в своем составе утвердительную частицу *-ох/ -ок*, которая не вносит каких-либо существенных изменений в семантику действия, выраженного бивербальной конструкцией, а указывает на то, что действие также повторяется другим лицом, например: *Анзыныц соонча ікі абацах килібök одыр* (АХ, А, 165) 'Два медвежонка тоже идут за ним'.

Сочетаемость *-п одыр* с глаголами знаменательной части. Формант *-п одыр*- может сочетаться с теми глаголами, которые имеют потенциальную способность выражать действия или состояния в их развитии в момент речи, в какой-нибудь конкретный отрезок времени в прошлом и редко – в будущем. На первом месте по частотности употребления оказались глаголы, реализующие различные способы движения; они составляют более 54% от общего количества фраз. На втором месте стоят глаголы говорения (13,5%), существенно реже этот формант сочетается с глаголами состояния и поведения (по 6,7%) и ещё реже с глаголами приема пищи, эмотивными и звучания (по 3, 4%), например: *улугсырхап одыр* 'важничает', *чуртаглап одырлар* 'они живут', *тарыгып одыр* 'сердится', *хоптанып одыр* 'жалуется', *киліп одыр* 'идет'. В каждой из приведенных ЛСГ глаголов могут быть какие-то ограничения сочетабельности с формантом *-п одыр*-; например, в наших материалах не встретилось сочетание этого форманта с глаголом *пар*- 'идти, уходить', потому что его семантика противоречит базовой семантике *-п одыр*- – направленности действия в сторону говорящего лица.

В целом, *-п одыр* выражает такие значения, как аспектуальное значение длительности действия или состояния, находящегося в процессе своего развития в настоящем, прошедшем или будущем времени при направленности действия в сторону говорящего лица (векторность); значение действия и состояния, происходящего в поле зрения говорящего (эвиденциальность); действия или состояния, происходящего в определенный отрезок настоящего времени (временная локализованность).

Этот формант без временного показателя совмещает в себе две функции – процессности и времени. Любые показатели времени «мешают» выражению специфического, наблюдаемого и направленного процесса, действия или состояния, делая этот процесс обычным длительным действием или состоянием в указанных временных рамках. В этом кроется причина, почему он довольно часто (см. таблицу) не принимает никаких других аффиксов времени, например: *Ам ибізініц хыринда одыр салган, харындазын с а г ы п о д ы р*. (ХЧН: 51) 'Теперь она села около дома, ждет брата'. В данном предложении формант *-п одыр* реализует все значения своей сложной семантической структуры, в том числе значение настоящего времени. В предложениях, подобных этим, возможно употребление настоящего на *-ча/-че*, но тогда исчезнет специфический колорит процессности происходящего, а в семантике аналитического сказуемого произойдет незначительный сдвиг в пользу свободного сочетания.

Формант *-п одыр* обычно не сочетается с формой настоящего времени на *-ыр*, с формой прошедшего ещё не осуществленного действия на *-галах* и с формой прошедшего времени на *-чых*. В формах прошедшего и будущего времени *-п одыр* является одним из основных средств выражения аспекту-

ального значения длительности с целым комплексом указанных дополнительных компонентов значения.

Несколько иначе обстоит дело с формой настоящего времени на *-ча/ -че*. *Маңат тогыс үчүн сыйык ахчаларын алып одырчабыс* (ИТ, ХО, 71) 'За хорошую работу мы получаем премиальные деньги'. Здесь *-п одыр* + *-ча/+че* выражает действие, которое повторяется регулярно через определенный промежуток времени, или всякий раз «когда (если) работа имеет такой результат». Здесь семантика длительности, связанная с моментом речи как бы нейтрализуется.

В конструкциях с формантом *-п одыр* используются определенные способы и средства, усиливающие различные аспекты семантики глагольного аналитического сказуемого (ГАС). В качестве актуализаторов, выполняющих функцию конкретизатора и уточнения процесса, используются следующие средства.

а) Эллиптические конструкции, усиливающие значение эвиденциальности. Это могут быть слова, чаще всего выражающие зрительное восприятие, и синтаксические конструкции в условном наклонении, иногда в повелительном. Они позволяют переключить внимание говорящего на конкретный отрезок времени в поле настоящего, прошедшего или будущего времени. Эвиденциальность довольно часто усиливается такими глаголами, как *көр* 'смотреть', *хара-* 'осматривать, обозревать пространство, территорию и пр.', которые употребляются в форме условного наклонения на *-са*, образуя эллиптическую конструкцию с временной семантикой типа: *Көр-зе, ...* «Видит ... / Смотрит, (и видит) ...» (в настоящем времени), «Когда посмотрел, (то увидел) ...» (в прошедшем времени), далее следует основная мысль; например: *Көрзе, аңызар хайдаг-да таныбас чиип ипчи маңзытта пастырып одыр* (АХ, А, 13) 'Видит, к нему какая-то незнакомая молодая женщина идет troppo'.

В настоящем времени их аналогом может быть конструкция с *Көріңердек, ...* «Посмотрите-ка ...». Эти конструкции всегда предшествуют главной предикативной единице с формантом *-п одыр*-, широко используются в описательных текстах, в которых действие излагается, как правило, в прошедшем времени, когда на фоне общего прошедшего времени возникает необходимость выразить процессуальность и эвиденциальность действия. Тогда происходит смена прошедшего времени на настоящее, которое выражает анализируемый формант *-п одыр*. Рассмотрим пример: *Машинаа чидип, кузовсар сыххлапчатханыбыста, к өр з е б і с, тайиадау (аба) сыиы-п одыр* (ИТ, ХО, 80) 'Когда (мы), добравшись до машины, взбирались в кузов, видим, из тайги (медведь) выходит'. В этом примере связанность эллиптической конструкции с анализируемым формантом прослеживается особенно ярко. Она буквально вклинивается в середину полипредикативной конструкции в связи с необходимостью употребления названного форманта, что, в свою очередь, обусловлено желанием автора выразить неожиданность происходящего, его эвиденциальность и процессность.

б) Обстоятельства, усиливающие значение направленности движения. К ним относятся различные местоимения в форме пространственных падежей, иногда уточненные послелогами, например: *Минзер ...* 'Ко мне ...', *Көни минзер ...* 'Прямо ко мне ...'; *Удур агаа...* 'Навстречу ему ...', *Магаа удур ...* 'Навстречу мне ...'; *тайгадаң...* 'из тайги ...' *хыринзар ...* 'к тому месту, где находится действующее лицо/ ближе к нему ...', *позынзар алдыра ...* 'в направлении к нему самому ...'. Формант *-п одыр* обладает способностью выражать значение направленности действия в сторону субъекта без каких-

либо дополнительных конкретизаторов. Наличие обстоятельств с пространственным значением служит лишь подтверждением этого его свойства: *Köni minzer aba ойлап одыр* (СК.Т,11) 'Прямо на меня медведь бежит'; *Pir köpen хыринаң хончың иңчи чүгүрпн одыр* (АХ, А, 118) 'Одна из соседок бежит со стороны копны'.

Чаще всего форманту *-п одыр-* сопутствует направительный падеж, но нередко обстоятельственный член предложения стоит в исходном падеже (*көпн хыринаң*). Эти примеры показывают насколько *-п одыр-* устойчив в выражении значения направленности действия в сторону говорящего лица.

в) Обстоятельства, усиливающие значение временной локализации действия, такие как: *Пу (чагынап одыр)* 'Вот (близится к ...)', *Ол туста ...* 'В это время...', *Амды* 'Теперь... / Сейчас ...'. Обстоятельство времени также служит вспомогательным элементом, подчеркивающим отношение действия к моменту речи или к определенному отрезку времени в прошлом: *Ол туста Торсых настырып одыр* (П, 222) 'В это время Торсых идет'; *Амды Совет үлгүзи минмин тпн одырлар* (НД, БИА, 44) 'Теперь говорят: «Советская власть – это я»'.

Формант *-п одыр-* может употребляться также в повелительном наклонении. В этом случае он существенно меняет свои обычные функции, которые были рассмотрены выше. Не всегда, но часто семантика повелительного наклонения в сочетании со способностью *-п одыр-* выражать находящееся в процессе действие дает модальный оттенок негативного отношения к происходящему: *Парып одыр!* 'Уходи! (= Скатертью дорога!); *Чип одыр!* 'Ешь!'; *Узуп одыр!* 'Спи!' Оттенок негативного отношения выражается самим сочетанием, а причины, побуждающие использовать эту форму, могут быть самые разные, но все они связаны с неодобрением того, что происходит или как всё происходит: *Парганнары парып одырзын, ниске көп чидер* (П,93) 'Те, кто уходят, пусть идут, нам больше достанется'. В этом примере ярко прослеживается нежелание говорящего расставаться с теми, кто уходит, т.е. выражается досада и пр. *Узуп одырба, чапчаң яблаң хаста!* 'Не спи! Быстро чисти картошку', – говорящий явно не одобряет скорость действия. Эти свойства вспомогательного глагола *одыр-* требуют дальнейшего специального рассмотрения.

ФСП темпоральности. Анализ глагольных аналитических конструкций деепричастного типа показал, что в подавляющем большинстве БВК (61, 25%) формант *-п одыр* сочетается с одной из временных форм изъявительного наклонения. Если посмотреть, как распределяется всё множество конструкций по временам, то оказывается, что на первом месте стоит ФСП прошедшего времени – 33,93 %, несколько ниже этот процент в поле настоящего времени – 22,89 % и только с показателем будущего времени вспомогательный глагол *одыр-* сочетается довольно редко (4,43%).

ФСП прошедшего времени. Времена ФСП прошедшего времени в хакасском языке представлены прошедшим неопределенным на *-ган*, формой прошедшего обычного на *-чаң*, формой прошедшего определенного на *-чатхан*, формой прошедшего «заглазного» на *-тыр*, формой прошедшего еще не осуществленного действия на *-галах*, формой прошедшего на *-чых*. Вспомогательный глагол *одыр-* не сочетается с двумя последними временными формами, поскольку основным значением формы на *-галах* является выражение семантики отсутствия результата к моменту речи (*кил-гелек* 'он ещё не пришел'). Это противоречит основному значению форманта *-п одыр*, выражающему значение длительности действия, эвиденциальности, направленности действия в сторону говорящего лица. Форма прошедшего времени

на *-чых* тоже не используется с анализируемым формантом, потому что является специфической формой не только с ярко выраженной модальностью, но и стилистически маркированной. Встречается эта форма только в некоторых фольклорных текстах, где автор излагает текст так «как-будто сам был очевидцем тех событий», но реально эту информацию он получил от других источников (сказителей и пр.), и эпизодически встречается в диалогической речи. Таким образом, формант *-н одыр* в подавляющем большинстве случаев употребляется с формой на *-ган* (29,51 %); например: *кил-ин одырган* ‘он шёл’, имеется в виду в конкретный отрезок времени в прошлом, и говорящий был свидетелем этого действия. Это сочетание может осложняться утвердительной частицей *-ох* или ограничительной частицей *ла*, таких фраз в картотеке оказалось всего 1, 47 %.

Иногда *-н одыр* употребляется с временной формой на *-чатхан* (1,11 %). Ограниченная употребительность мотивирована тем, что последняя форма сама по себе является сложной видовременной формой, содержащей показатель длительности *-чат* (*анзы хатхырыб-ох одыр-чатхан* ‘тот тоже посмеивался’); такая комбинация процессности и длительности показывает, что действие шло в течение длительного времени в прошлом, причем акцентруется именно его процессность.

Крайне редко аналитический формант может употребляться с формой на *-чаң*: *өринип одыр-чаң* ‘он радовался (всякий раз, когда...)’. Форма на *-чаң* выражает обычное действие, которое могло повторяться время от времени, с другой стороны, само действие наблюдалось кем-то в процессе его развития в прошлом.

Интересны примеры с временными формами на *-тыр* (0,74%) и на *-чаң* (0,37%). Основной функцией формы на *-тыр* является выражение действия, которое происходило вне поля зрения говорящего, и он говорит о нем, опираясь на собственное умозаключение или пользуясь каким-либо источником; например: *азыранып одыр-тыр* ‘он кушал (= оказывается, в тот момент кушал)’. Близкой к этой конструкции является следующее сочетание: *азыранып одыр-чат-тыр* ‘он ел’; *Кізілер чоохтарынаң, Еремей истіг ле азыранып одыр-чат-тыр*. ‘Как говорят люди, Еремей преспокойненько ел (= оказывается)’. В этом сочетании *азыранып одыр* выражает процесс приема пищи, *-чат* выражает длительность этого процесса, а форма времени *-тыр* выражает опосредованность информации.

ФСП настоящего времени. Для выражения настоящего времени изъявительного наклонения в хакасском языке используется несколько форм. В поле настоящего времени формант *-н одыр* никогда не сочетается с настоящим временем на *-ир*, поскольку эта форма может сочетаться только с двумя глаголами – *пар-* ‘идти/ уходить’, *кил-* ‘идти / приходиться’. Специальное исследование требуется и для «формы настоящего времени, образуемой при помощи глаголов *одыр-* ‘сидеть’, *тур-* ‘стоять’, *чөр-* ‘ходить» [ГХЯ 1975: 207]. Эти глаголы в хакасском языке никогда не исследовались должным образом, поэтому имеющиеся о них сведения носят противоречивый характер даже в пределах одного источника.

Среди БВК, относящихся к полю настоящего времени, особой активностью отличается форма настоящего времени на *-ча* (*кил-ин одыр-ча* ‘приходит’). На её долю приходится около 20,29 % фраз всей выборки. Форма настоящего времени на *-чадыр* употребляется крайне редко, поскольку она является специфической формой качинского диалекта. Форма настоящего времени на *-адыр* тоже очень редко сочетается с ВГ *одыр-*, она выражает обычные действия в настоящем, что редко можно сочетать с длительностью,

т.е. функционально-семантические особенности вспомогательного глагола не согласуются с этой временной формой. ВГ *одыр-* в сочетании с деепричастием на *-н* выражает процессность действия, а временная форма *-адыр* обозначает обычное, повторяемое, привычное действие, сама форма является видовременной, исторически восходящий к сочетанию слитного деепричастия на *-а* и ВГ *тур-* 'стоять'. Таким образом, в ФСП настоящего времени доминирует форма на *-ча*, поскольку именно она имеет семантику широкого настоящего, не маркированного с точки зрения аспектуальности и способа действия.

ФСП будущего времени. В хакасском языке большим количеством форм отличаются настоящее и прошедшее время, а для будущего времени имеется только одна синтетическая форма на *-ар*; например: *Хысхызын узун харааларда ічезі, хыңнанын ала, киндір сойын одыр-ар* (АХ, А, 21) 'Зимой в долгие зимние вечера мама, (тихо) напевая, будет снимать кожуру [со стебля] конопля'. Сочетание *-н одыр* с формой будущего времени является не совсем естественным, поэтому и частотность его употребления оказывается незначительной – 4,43%. Формант *-н одыр* в сочетании с аффиксом будущего времени выражает длительность действия, которое наверняка случится в силу сложившихся традиций жизни, порядка дел и пр.

Сочетаемость глаголов знаменательной части с *-н одыр*. Здесь речь идет о сочетаемости в ФСП темпоральности в целом, за исключением синкретичной формы *-н одыр*, не оформленной временными показателями изъявительного наклонения. В хакасском языке выявлено примерно десять ЛСГ глаголов, сочетающихся с этим формантом в временных формах. Ниже, процентное соотношение дано для данной группы конструкций, поэтому оно иное, чем приведенное для синкретичной формы *-н одыр*:

ЛСГ глаголов действия. Эта группа отличается высокой частотностью – 18,7 % фраз в выборке. Под этим общим названием объединены такие ЛСГ, как глаголы воздействия на объект (13,5 %): *хыймырадыт одыр-ган* 'шевелил'; глаголы управления действием объекта (2,8 %): *хогдырыт одыр-ган* 'вел за собой'; глаголы трудовой деятельности (1,4 %): *чызыт одырча* 'трёт'; глаголы физического действия (1 %): *күрезін одыр-чадыр* 'борется'. Приведенные данные показывают, что формант *-н одыр* сочетается главным образом с переходными глаголами и только иногда с непереходными глаголами.

ЛСГ глаголов движения. Данная группа является второй по частоте употребления с формантом *-н одыр* (16,9 %). Она включает в себя глаголы, обозначающие собственно движение (10,6%): *киліп одыр-ган* 'шёл (в конкретный отрезок времени в прошлом)'; глаголы, связанные с изменением положения тела (2,8 %): *түріліп одыр-ча* 'свёртывается (калачиком)'; глаголы, обозначающие движение, но не физического тела, а, например, времени: *чылызыт одыр-ган* 'шли (годы, дни и пр.)', букв.: двигаться ползком, зд. 'двигаться равномерно, размеренно'.

ЛСГ эмотивных глаголов. Сочетание *-н одыр* с эмотивными глаголами (12,1%) тоже можно отнести к категории частотных, например: *чапсыт одыр-ган* 'удивлялся'.

ЛСГ глаголов звучания, восприятия, потребления, говорения, приобретения. Все эти ЛСГ глаголов объединены в одну группу по принципу частотности сочетания с анализируемым формантом. Их частотность колеблется от 7,1 % до 10 %, т.е. нет больших расхождений в употреблении указанного форманта с этими ЛСГ основных глаголов. ЛСГ глаголов звучания составляет 10 %: *суулазыт одыр-ган-нар* 'шумели'; ЛСГ глаголов восприятия 10 %: *көрін одыр-ган* 'смотрел'; ЛСГ глаголов потребления принадлежит 9,2 %:

киміріп одыр-ча ‘грызёт’; ЛСГ глаголов говорения составляет 7,1 %: *чоохтазып одырган* ‘разговаривал’; ЛСГ глаголов приобретения равна тоже 7,1%: *алып одыр-ча* ‘берёт, принимает’.

Если в сочетании с глаголами движения ВГ *одыр-* ‘сидеть’ достигает наивысшей степени абстракции (*пастырып одырган* ‘шагал, букв. шагая + сидел’), то указанные выше ЛСГ глаголов не противоречат прямому лексическому значению самого вспомогательного глагола (*көріп одырганнар* ‘смотрели’, букв.: смотря + сидели). Такие сочетания с ВГ *одыр-* ‘сидеть’ могут вызвать сомнения в правомерности того, что здесь аналитический формант, а не свободное сочетание слов. Однако многочисленные примеры, подобные нижеприведенному, дают основание утверждать, что это формант, реализующий значение длительности: *Аныңзар аяс көк тигір осхас төрт чылыг харагастар өрністіг көріп одыр-ган-нар* (НД.БИА,56) ‘На него смотрели (букв.: смотря+сидели) четыре весёлых глаза, подобные ясному голубому небу’. Здесь субъект – *глаза* является наглядным подтверждением того, что здесь мы имеем дело с аналитическим формантом *-н одыр*, а не с глаголом «сидеть».

Глаголы интеллектуальной деятельности также могут сочетаться с рассматриваемым формантом, но их частотность невысока (2,8%) по сравнению с глаголами других ЛСГ глаголов.

Глаголы состояния. В этой группе объединены глаголы пребывания в определенном состоянии (3,5 %): *чуртап одыр-ган-нар* ‘жили’; глаголы изменения состояния (2,8 %): *киріп одыр-ган* ‘старел’. Такие сочетания довольно часто встречаются в хакасском языке, тем не менее они относятся к периферийным.

Приведенный список ЛСГ нельзя считать закрытым, но он дает достаточно полное представление о сфере употребления данного форманта, имеющего при себе показатели времени. Статистические данные об этом форманте служат основанием утверждать, что сочетательные свойства форманта *-н одыр* достаточно широко развиты и он проявляет большую активность с глаголами действия, с глаголами движения, с эмотивными глаголами, с глаголами восприятия, особенно зрительного восприятия, хотя их немало, но они проявляют высокую частотность употребления.

Сравнение сочетательных свойств форманта *-н одыр* с аналогичными данными по другим тюркским языкам Южной Сибири показало, что хакасский глагол *одыр-* имеет много общих свойств с другими сибирскими тюркскими языками, а именно по способности сочетаться примерно с теми же глаголами, что и в хакасском языке, по предрасположенности сочетаться с глаголами, которые не противоречат прямому лексическому значению самого глагола «сидеть», по особенностям не сочетаться с глаголами, обозначающими природные явления, и с глаголами чувства, прямо направленными на объект типа алтайского: *сүүүр-* ‘любить’, *јарар-* ‘нравиться’, по своему свойству полностью утрачивать свое лексическое значение «сидеть» (хак. *одыр-*, алт. *отур-*, тув. *олур-*) и выступать как вспомогательный элемент БВК с глаголами движения [Шамина 1995: 28; Тазранова 2005] и пр. Однако хакасский формант *-н одыр* имеет свои особенности, которые отличают его от других родственных языков. Так, например, его сочетаемость с глаголами движения в хакасском языке оценивается как высокая, но в специальном исследовании для алтайского глагола отмечается, что он только «в некоторых случаях» сочетается с этой группой глаголов [Тазранова 2005].

Следующий пример имеет отношение к утверждению о степени абстрагированности ВГ *одыр-*: *ылган одырча* ‘плачет’. Это сочетание может быть

переведено и как свободное сочетание 'плача сидит', и как бивербальная конструкция 'плачет'. Анализ показывает, если говорящий преподносит плач как длящийся процесс, то при глаголе *ылга-* употребляется аналитический формант *-n одыр*, если же говорящему важно подчеркнуть, что субъект действия сидит и плачет (плача сидит), то, как правило, это сочетание расширяется послелогом *ала*, т.е. *ылгап ала одырча*, уточняя таким образом обстоятельственный характер первого компонента. Далее этот пример можно расширить следующим образом: *ылгап ала одырып одырча* 'плача сидит', в этой фразе знаменательный глагол *одыр-* 'сидеть' усилен аналитическим формантом *-n одыр* для того, чтобы подчеркнуть, во-первых, длительность действия и эвиденциальность, во-вторых, добавить незначительный модальный оттенок значения, который можно расшифровать только при наличии более широкого контекста как неодобрение, раздражение, сочувствие, утомление и пр. Данный пример ещё раз показывает, что ВГ *одыр-* практически слился с соединительным деепричастием на *-n* и стал аналитическим формантом (*-n одыр*), выражающим значение длительности действия.

Обобщая приведенный в данной статье материал, можно сделать следующее заключение.

Глагольное аналитическое образование *-n одыр* в хакасском языке является аналитическим формантом, выражающим значение длительности или процессности действия (состояния). Длительность выражается в тех случаях, когда этот формант сочетается с показателем временной формы изъявительного наклонения, с аффиксом условного наклонения, с деепричастными формами и пр. Процессность выражается в тех случаях, когда формант *-n одыр* выступает сам по себе вне сочетаний с аффиксами временных форм, т.е. как синкретичная форма, сочетающая в себе значение настоящего времени и процессности.

Формант *-n одыр-* без показателей времени занимает четко определенное место как в ФСП аспектуальности, так и в ФСП настоящего времени, что подтверждается его способностью выражать следующие значения:

- процессность действия, состояния или движения, происходящее в момент речи или в какой-то конкретный отрезок в прошлом, в будущем;
- направленность движения в сторону говорящего лица или места, где оно находится;
- эвиденциальность действия, состояния или движения, т.е. всё произошло или происходит в поле зрения говорящего, который комментирует это в соответствующем времени.

В предложении глагольные аналитические сказуемые с *одыр-* часто сопровождаются разными обстоятельствами, уточняющими характер действия, состояния или движения.

Необычным оказывается значение форманта *-n одыр* в повелительном наклонении, но, возможно, здесь требуется более тщательное исследование, уточняющее его функции.

Литература

- Аркитская Л.С.* Сложные и составные глаголы кумыкского языка / АКД. – Махачкала, 1989.
- Ганиев Ф.А.* Видовая характеристика глаголов татарского языка (Проблема глагольного вида в татарском языке). – Казань: Тат.книжное изд-во, 1963. – 180 с.
- ГХЯ – Грамматика хакасского языка. – М., 1975.
- Закамулина М.Н.* Аспектуальность в татарском и французском языках (сопоставительное исследование). – Казань: Изд-во «Магариф», 1999. – 127 с.
- Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII – IX вв. – Л.: Наука ЛО, 1980. – 255 с.
- Курпешко Н.Н., Широкова Н.Н.* Бивербальные конструкции с глаголами бытия *-n чат, -n одур, -n тур, -n чор* в шорском языке: Учебное пособие. – Кемерово, 1991. – 74 с.
- Лизунова Р.Д.* Семантика аналитических конструкций с глаголами движения (на материале татарского и других тюркских языков). – Казань, 1988. – 205 с.
- Маманов И. Е.* Вспомогательные глаголы в казахском языке. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз.ССР, 1949. – 98 с., 1949. – 98 с.
- Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. – Л.: Наука ЛО, 1989. – 207 с.
- Насилов Д.М.* Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. – Л.: Наука ЛО, 1978.
- Насилов Д.М.* Аспектуальные значения аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. – Л.: Наука ЛО, 1984. – С.128 – 165.
- Невская И. А.* Формы деепричастного типа в шорском языке. – Новосибирск: НГУ, 1993.
- Оралбаева Н.* Аналитическая форма глагола современного казахского языка. Пособие для филологических факультетов вузов (на казах. языке). – Алма-Ата, 1975. – 136
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.
- Тазранова А.Р.* Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. – Новосибирск, 2005. – 226 с.
- Текуев М.М.* Сложные глаголы в карачаево-балкарском языке (Деепричастия с вспомогательными глаголами) в сравнительном плане / АКД. – М., 1973. – 27 с.
- Тыбыкова А. Т.* Сложные глаголы в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1966.
- Черемисина М.И.* Основные типы аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. – Новосибирск, 1995. – С. 3 – 21.
- Хакасско-русский словарь. – М., 1953.
- Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. – М.;Л., 1960. – 179 с.

Шамина Л.А. Многокомпонентные сказуемые тувинского языка // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. – Новосибирск, 2001. – С. 47 – 53.

Шамина Л.А. Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. – Вып.2. – Новосибирск, 1995. – С. 23 – 39.

Шенцова И.В. Акциональные формы глагола в шорском языке. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 148 с.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. – Л.: Наука; 1981. – 183 с.

Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М.: «Наука», 1965.

Язлиев О.О. Проблема функциональной морфологии аналитических форм английского и туркменского глаголов. – Ташкент, 1991.

***Borgoyakova T.N. On functional-semantic peculiarities of the formant
-п одыр in the Khakass language***

Summary. There are still has not been received any deployed scientific description of bi-verbal constructions with existential verbs in the Khakass linguistics. The article attempts to determine the status of structures with existential verb *одыр*- 'sit down', structural and functional features of these structures, as well as functional and semantic peculiarities of the verbal analytical formant *-п одыр*

Key Words: affix, verbal analytical construction, function, semantics, field, auxiliary verbs

**ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ТЕРМИНЫ
В СОГДИЙСКИХ ДОКУМЕНТАХ С ГОРЫ МУГ**

А.В. Кубатин (г. Ташкент)

Резюме. В согдоязычных документах (1-я четверть VIII в.), которые были найдены на горе Муг (современный Таджикистан), встречаются тюркские имена, титулы и термины, непосредственно или косвенно связанные с Тюркским каганатом. Несмотря на то, что в документах имеются оригинальные сведения по истории тюркских народов, в особенности Западнотюркского каганата, они не были в должной мере изучены тюркологами и историками, что вызвано также и спорной интерпретацией терминов в первых публикациях.

Ключевые слова: Согд, Западнотюркский каганат, гора Муг, Панч, Деваштич, древнетюркские титулы, личные имена, этнонимы.

Находка в 1932–1933 гг. документов на согдийском языке на территории собственно Согда (г. Муг, верховье Зеравшана, Таджикистан) стало большой научной сенсацией, т.к. до этого согдийский язык был известен только по письменным памятникам из Восточного Туркестана. Данные документы, представляющие собой архив последнего правителя Пенджикента Деваштича (708–722), претендента на верховную власть в Согде, были введены в научный оборот в 1960-х гг., они содержат ценные сведения не только о социально-политической и экономической жизни Согда конца VII – VIII вв., но и по истории древних тюрков.

Несмотря на изученность документов из архива г. Муг как в лингвистическом, так и в историческом плане, они практически до недавнего времени не являлись объектом изучения тюркологов. Хотя созданные на территории Тюркского каганата согдоязычные памятники (Бугутская в Монголии и Илийская в Восточном Туркестане стелы) активно привлекались в тюркологических исследованиях. Однако письменные памятники на согдийском языке, происходящие из территории собственно Согда, тюркологами практически не освоены. Следует отметить, что согдийцы, составлявшие некоторую часть населения Тюркского каганата и активно участвовавшие в его экономической и политической жизни, по сравнению с другими этносами были более осведомленными о древних тюрках. К тому же, самаркандский Согд, являясь одним из вассальных владений каганата, был регионом, где имел место синтез традиций древнетюркской и согдийской государственности.

Сред согдийских документов архива г. Муг, число которых превышает 70¹, для нас представляют интерес свыше 10 документов, в которых имеются све-

¹ В статье сохранены обозначения документов по сериям, введенные А.А. Фрейманом в «Согдийском сборнике» и принятые в других изданиях, касающихся согдийских документов с горы Муг: I.1 – документ, найденный весной 1932 г.; В – документы, извлеченные А. Пулоти в мае 1933 г.; А – документы, добытые А.И. Васильевым летом 1933 г.; Б – документы, найденные в ноябре 1933 г. экспедицией А.А. Фреймана; Nov. – документы, присланные А. Пулоти в Ленинград в 1934 г. [Лившиц 2008: 13]. После перевода фраз в круглых скобках приводится номер документа и строки, в которых встречается древнетюркский термин, напр. (Б-6: 2) = документ Б-6, строка 2.

дения, непосредственно или косвенно связанные с Тюркским каганатом. В частности, в них находим десятки древнетюркских терминов – титулы, личные имена, этнонимы и др. Итак, рассмотрим эти термины ниже:

bars (согд. *p'rs*) – имя собственное или эпитет – представитель общины Пахута (селение в верховьях Зеравшана до сих пор известное под своим именем).

ZY MN p'xwt'k n'β p'rs krzβy'rt – Из пахутской общины Барс Кажвйарт (Б-6: 2) [СДГМ 1962: 149, СДГМ 1963: 83].

П.Б. Лурье предлагает связывать первую часть имени Pārs с этнонимом “перс” (ср. *'nc''tk xwn* “Türk Ančāte” и др.), отмечая, что подобное чтение предпочитал и Н. Симс-Уильямс. Кроме того, исследователь не отрицает возможности связывать это имя с др.-тюрк. *bars* ‘тигр’ (ср. *'yl p'rs trx'n* “El bars tarhan” и др.) [Lurje 2010: 290]. В данном случае, на наш взгляд, более вероятно связывать первую часть имени с др.-тюрк. *bars* ‘тигр’, т.к. и по другим документам нам известны согдийцы, имеющие тюркские или тюрко-согдийские имена, как, например, в документе В-4 *'y-kkδ'k ZK n'nyc BRY* – ‘Иглиг сын Нанича’.

bilgä (согд. *βyδk''*) – эпитет; см. **čegin čor bilgä**.

čabiš (согд. *cp'yš*) – титул.

ZK | z/n'mrβ'z ZY ZK p-rsy-k cp-yš c'δrs'r xrt'nt w'n'kw – ‘Жамраваз и перс полководец пошли вниз...’ (А-14: 22) [СДГМ 1962: 78; Лившиц 2008: 86–87]. Как предполагает В.А. Лившиц, в документе речь идет о персе, принимавшем участие в военных действиях против арабов [Лившиц 2008: 96]. Не исключено, что здесь речь идет о тюркском полководце, который упомянут под своим титулом **bars čabiš*, переданном согдийским писцом в форме *p'rsyk cp'yš*.

По мнению В.А. Лившица, *čabiš* является согдийским словом в значении ‘военачальник’, от которого происходит др.-тюрк. *čaviš* [Лившиц 2008: 96]. Точки зрения об иранском происхождении слова придерживался Дж. Клосон и другие исследователи [EDT: 399; ДТС: 142]. Однако, как показывает лингвистический материал, термин *čabiš* является исконно тюркским словом в значении ‘военный командир’ и происходит от общеалтайского корня **č'abu* – ‘армия, война’ [EDAL: 406–407]. Данное слово идентично древнетюркскому термину *čabiš*, который часто упоминается как в древнетюркских стелах, так и в китайских хрониках в качестве военного титула ряда чиновников каганата [Gömeç 2000: 133; Yoshida 2004: 131].

čegin (согд. *ck'yn*) – титул; см. **čegin čor bilgä**

čor (согд. *cwr*) – титул; см. **čegin čor bilgä**

čegin čor bilgä (согд. *ck'yn cwr βyδk''*) – парный титул с эпитетом.

LKŠNT 'YKZY ZKn βxtyk | MLK' pncy MR'Y ck'yn cwr | βyδk'' ZKn pycw-tt BRY | XIII II ŠNT ‘z... – ‘Этот год, когда Вагдского | царя, государя Панча Чегин | чор Бильгä, сына Бичута | 15-й год был’ (В-8: 1-4) [СДГМ 1962: 47; Лившиц 2008: 52].

Данный парный титул с эпитетом носил правитель Вагдского владения, в состав которого входил и Панч (Пенджикент) и который, судя по имени, являлся тюрком [Лившиц 2008: 55, 49]. Чегин чор Бильгä, если судить из документа, владел Панчем не менее 15 лет (693–708) и был непосредственным предшест-

венником Деваштича [Смирнова 1963: 11]. А как считает П. Лурье, он был царем Пенджикента в промежутке между Джамукьяном (*cm'wky'n*) и Деваштичем (708–722) (*dyw'styc*) (вероятно раньше 708 г.) более 15 лет [Lurje 2010: 161].

В.А. Лившиц считает выражение *ck'yn cwr bydk''* тюркским именем, состоящим из трех компонентов: собственно имя, титул и эпитет. Первое слово *ck'yn* исследователь связывает с др.-тюрк. термином *čiqan* ‘племянник’, который встречается в составе титулов в енисейских памятниках (напр. *Čiqan Tonuqiq*), *cwr* с хорошо известным по многим источникам древнетюркским титулом *čor*, а *bydk''* с др.-тюрк. *bilgä* ‘мудрый’ [Лившиц 2008: 55]. Эпитет *bilgä* нашел свое отражение и на бронзовых монетах этого правителя, имеющих легенду *pncy MR'Y bydk'' xwβ/ Pančē xutāw Bilgä xūv* – ‘Государь Панча князь Бильге’ [Лившиц 2008: 49].

П.Б. Лурье, в свою очередь, также связывает термины *cwr* и *bydk''* с древнетюркскими титулом *čor* и эпитетом *bilgä* ‘мудрый’. Но при этом исследователь предлагает видеть *ck'yn* «монголизированный» (с переходом *tl > čl*) вариант др.-тюрк. титула *tegin* ‘царевич’ и пишет, что вряд ли в нем можно видеть титул *čiqan*, как это предлагает В.Л. Лившиц, т.к. обычно тюркский увулярный *q/γ* передается в согдийском через *x, γ* [Lurje 2010: 161]. Мнение В.Б. Лурье, на наш взгляд, кажется более приемлемым, если учесть следующие исторические факты. В документе В-8 имя отца *Чегин чор билгä* приводится в форме *Бичут* (*puswt*) и при этом немаловажен тот факт, что, как показал Ю. Йошида, это имя упомянуто в хронике «Суй-шу» в форме *Би-чжо* (ср. кит. *p'j^h-tcwiat*) в качестве правителя владения *Ми* (Маймург) [Лившиц, 2008: 56]. Владение *Ми* (Маймург) – небольшое владение на юго-востоке Самарканда, непосредственное граничившее с Панчем, по мнению японских ученых, составляло с ним единое владение. Свое мнение они обосновывают тем, что в китайских хрониках владение Панч не упоминается, а по отношению к данной территории использовался термин *Ми*, *Мимо* или *Мимохэ*, т.е. Маймург. Данное владение упоминается в хрониках в качестве активного участника политических событий, происходивших в Согде. Не исключено, что *Би-чжо* (*Бичут) являлся отцом *Чегин чор билгä*, при котором, согласно документу В-8, Панч считался частью более обширного *βyt* (Vayd)-ского владения, а его правитель носил титул *MLK'* «царь» [Лившиц, 2008: 54]. На наш взгляд, *βyt* (Vayd)-ское владение объединяло в себе Панч и Маймург и упоминалось в китайских хрониках как *Ми*, *Мимо* или *Мимохэ*. Как известно из китайских хроник, в 640-х гг. западотюркский Дулу каган во время своего похода на *Кан-гюй* (Согд) покорил также *Ми* (Маймург) [Бичурин 1950: 287; Chavannes 2007: 91] и скорее всего, он поставил сюда в качестве наместника представителя, имеющего тюркское происхождение, может быть из рода Ашина, потомком которого, возможно, являлся *Чегин чор билгä*.

edgü (согд. ‘*dkw*) – имя собственное – получатель предметов снаряжения или поставщик хлопка.

ZY 'yw wšwy-n'k ‘-*dkw* – ‘и один *wšwy-n'k* Едгю’ (Б-4: 3) [СДГМ 1962: 183; СДГМ 1963: 65].

В.А. Лившиц первоначально читал это имя как Идку, не давая ему никакого комментария [СДГМ 1962: 183]. П.В. Лурье характеризует его как трудное имя и не отрицает что для него возможны транскрипции *sdkw*, *βdrw*, *ydrw*, *drw* и т.д., если *dkw* не связано с др.-тюрк. *edgü* ‘хороший, добрый’ (ср. *'usyk 'dkw twtwy*

‘*wyk*’ (“İsīg Eδgū Tutuq Öge” и др.). В.А. Лившиц также позднее интерпретирует данный термин как тюркское имя Ильгу [Lurje 2010: 82]. Вариант отождествления данного имени с др.-тюрк. *eδgū* ‘хороший, добрый’, на наш взгляд, является самым оптимальным. При этом следует отметить, что передача др.-тюрк. *eδgū* ‘хороший, добрый’ через согдийское ‘*δkw*’ вполне закономерно, что видно на примере упомянутого выше титула.

elči (согд. ‘*δcykk*’) – термин, обозначение должности.

[...] (...) ‘*δcy-kk* ‘*y-s <pr’w>* - «... посол прибыл ...» (В-10: V 1) [Лившиц 2008: 115-116].

Плохая сохранность документа не позволяет точно сказать, кем являлась данная личность. В первой публикации документа В.А. Лившиц читал ‘*δcykk(?)*, приводя в ссылке и другой вариант чтения ‘*δyz-kk*. При этом исследователь считал слово, исходя из контекста, именем собственным [СДГМ 1962: 107-108]. В своей поздней работе В.А. Лившиц читает данное слово также как ‘*δcykk* и пишет, что судя по контексту это – имя собственное или обозначение должности, возможно, передача др.-тюрк. *elči* ‘1. посол, вестник; 2. правитель’ [Лившиц 2008: 116]. Мы также поддерживаем точку зрения В.А. Лившица о том, что транскрипцией ‘*δcykk* передано др.-тюрк. *elči* ‘посол, вестник’. В пользу этого говорит сам контекст документа. Данное письмо адресовано последнему согдийскому царю Девāштичу (708–722) и в нём говорится о политической ситуации в регионе. В данном случае скорее всего под термином ‘*δcykk* упоминается посол Тюркского каганата, посланный в Согд.

eltābār (согд. *rytptyr, δytpyr*) – титул.

pcwzy rty ZKn yw-sw ry-tpyr | ‘*yw βwδxwrt’kw mδw δβry*’- ‘... эльтеберу Қису (?) (Хису) | следует выдать немного благовонного вина’ (А-16: 5-6) [СДГМ 1962: 139; Лившиц 2008: 157];

MN ‘sk’tr-yh ZKw nym’k δytpyr δ’β rtšy MN mγδ’k ZKwh nym’k δ’βr rtβy MN – ‘дал эльтеберу половину (довольствия) из (селения) Эскāтар, и дал он ему эту половину фруктами. ...’ (Б-13: 5);

pr’m’y pcxwsty ZKw ‘zβ’r rty mn’ mδy ‘δwy × 100 kpcy δβ’nk pr’m’y δβwrty ZKn δytpyr rtšy 20 + 20 + 10 | ‘*stwr pr’m’y rty kwmy ‘stwrh ‘sty rtšn pr’m’y* – ‘... А мне здесь (государь) приказал выдачу эльтеберу 200 кафчей зерна и (еще) ему 50 | овец приказал (выдать) – тех овец, что у меня есть, их он и приказал (выдать)’ (Б-13: 7-8) [СДГМ 1962: 144; СДГМ 1963: 80; Лившиц 2008: 167-168];

L’ βyr-r’m rtβ(γ) ZKn rytptyr kw ‘sk’try-h MN mγδ’k βy-k ‘nyw | ‘*δy-cw L’ (prm)’y δβwrty rtβy* – ‘... И, господин, эльтеберу Эскāтаре кроме фруктов другого | ничего прикажи не выдавать. ...’ (Б-15: 5) [СДГМ 1962: 150; СДГМ 1963: 79; Лившиц 2008: 174];

rty ZK rytptyr mδyδ xwr’ – ‘И тот эльтебер здесь ел’ (Б-2: 3) [СДГМ 1963: 29-30].

Первоначально В.А. Лившиц считал термины *rytptyr, δytpyr* именем собственным *Lītpīr* [СДГМ 1962: 139], однако позднее исследователь считает их согдийскими передачами древнетюркского титула *eltābār* ‘военачальник’ [Лившиц 2008: 158]. Исходя из того, что все документы, в которых упоминается древнетюркский титул *eltābār*, являются письмами фрамандару Авату – управляющему дворцовым хозяйством царя Девāштича, то скорее всего в них под данным титулом упоминается чиновник Тюркского каганата.

Останавливаясь на титуле *eltäbär*, следует отметить, что данный титул предоставлялся каганом главам крупных вассальных племен и правителям вассальных оазисных владений [Doerfer 1965: 396-397]. Это нашло свое отражение в китайских хрониках в сообщении о присвоении Тун ябгу-каганом титула *сылу-фа* (*eltäbär*) правителям вассальных оазисных владений Западного края (Западный и Восточный Туркестан), а также в упоминании в древнетюркских стелах под этим титулом глав вассальных от каганата крупных племен (азы, карлуки и уйгуры) [Tekin 2003: 75, 77]. Упоминание местных правителей с титулом *eltäbär* в согдийском документе из Чинанчканда (Гаочан/Турфан) (639 г.), а также в легендах монет Чача и бактрийских документах из Роба (Руи, Афганистан) (639–682 гг.) [Grenet, de la Vaissiere 2002: 177-178; Бабаяров 2007: 42, 49; Sims-Williams 2000: 74, 82, 88], свидетельствует о внедрении данной системы в оазисные владения.

iglig (согд. *'ykkδ'k*) – имя собственное – свидетель в деле об аренде трех мельниц.

'ykkδ'k ZK n'nyс BRY – ‘Иглиг сын Нанича’ (B-4: V 5) [СДГМ 1962: 57; Лившиц 2008: 63-64].

В.А. Лившиц предварительно связывает имя *'ykkδ'k* с тюрк. *Ikläg* от др.тюрк. *iglä-* ‘болеть’ или *iglä-* ‘топтать’ [Лившиц 2008: 70]. П.Б. Лурье в качестве возможного чтения данного имени предлагает вариант *'ykkδyk* и связывает его с др.-тюрк. *iglig* «больной, заболевший» [Lurje 2010: 124].

irkäy (согд. *yrk'y*) – имя собственное – свидетель в деле об аренде трех мельниц.

y-rk'y | ZK xwt'y-nc BRY – ‘Иркай | сын Хутәнча’ (B-4: V 5-6) [СДГМ 1962: 57; Лившиц 2008: 63-64].

В.А. Лившиц пишет, что *y-rk'y* также, по-видимому, тюркское имя *Irkäy* [Лившиц 2008: 70]. Эту точку зрения поддерживает и П.Б. Лурье, считающий его тюркским именем, идентичным с уйг. *Irkäy* ‘маленький человек’ [Lurje 2010: 458-459].

irkin (согд. *'rk'yn*) – титул; см. **kül irkin**

inanču (согд. *ywn''ncw*) – титул.

'z-w'n rty ZKw ryth L' nm'w wy-t rtšw ywn-''ncw ZY 'LH | xwnt 'tw 'xš'wn'h w'xrš xwty ptyr yrβnt rtn cw z'wr | s'c't δβrt ZY m'xw 'z-rytw rtn 'z-ry-nc'nt k'm – ‘... А этот инанчу и эти | тюрки сами лучше, чем ты, узнают, (что случилось в согдийском) царстве, (о том), какие | нужно дать подкрепления, чтобы спасти нас, чтобы они нас спасли’ (B-18: 17-19) [Лившиц 2008: 132-135].

В.А. Лившиц читает данное имя как *Йүзәнч* и отмечает, что *ywz''ncw*, судя по контексту, имя собственное или иное обозначение лица [Лившиц 2008: 135-136]. Ф. Грене и Э. Де Вельер восстанавливают данное слово в форме *йүзбеши* и связывают его с др.-тюрк. *yüzbaši* ‘сотник, центурион’ [Grenet, de la Vaissiere 2002: 162]. Судя по контексту документа, под данным термином упоминается один из высших чиновников Тюркского каганата, являвшийся его представителем, который оказывал основную помощь в защите согдийцев во главе с Девāштичем против арабов. Надо отметить, что палеография документа позволяет читать этот термин как *ywn''ncw* – *Йунанчу* и он является согдийской

передачей древнетюркского титула *inanču*, обозначающего чиновника – доверенного лица кагана [см. Babayarov 2011].

kül (созд. *kwδ*) – эпитет; см. **kül irkin**

kül irkin (созд. *kwδ'rk'yn*) – титул с эпитетом.

'mk'm wβyw ZK prm'nd'r kwδ'rk'ynw w'c'tk'm rty δβ'nk βyrdk'm rty wβyw pts'δt pry-šy'mk[m....] – ‘... И фрамандар пусть отправит Кюль Иркина. А вы получите зерно, и также щиты я приш[лю...]’ (Б-18: 4) [СДГМ 1962: 154; Лившиц 2008: 180].

Здесь упомянуто должностное лицо, посланное для получения зерна, щитов и др. предметов. М.Н. Боголюбов и О.И. Смирнова, считая данное слово именем собственным, предлагали читать его как *kwδ'βtcynw / kwδ'ytcynw / kwδ'rtcynw* и интерпретировать на тюркской основе [СДГМ 1963: 95]. В.А. Лившиц, также считая данное слово именем собственным, читает его как *kwδ'rtcynw* “Күдартчин” [СДГМ 1963: 154; Лившиц 2008: 180]. Однако палеография документа позволяет восстанавливать этот термин как *kwδ'rk'ynw*, который скорее всего является согдийской передачей древнетюркского титула с эпитетом *kül-erkin* [см. Babayarov 2011].

Эпитет *kül* широко использовался в системе титулов Тюркского каганата и, присоединяясь к определенному титулу, возвышал его положение и ранг в иерархической лестнице. Военно-административный титул *erkin* в каганате обычно имели главы относительно малых племен и родов, что подтверждается данными письменных источников и мнением большинства исследователей [Барфилд 2009: 111]. Однако данным титулом с эпитетом *kül* обладали и главы конфедераций мелких племен. К примеру, во главе каждого из пяти племен, входивших в состав такого крыла Западнотюркского каганата, как *Hy-uui-bi*, стоял *erkin*, но при этом глава этого крыла имел титул *kül-erkin* [Малявкин 1989: 168]. Таким образом, можно предполагать, что в документе речь идет о чиновнике Тюркского каганата.

ot (созд. *'wt*) – эпитет; см. **ot tegin**.

ot tegin (созд. *'wttkyn*) – титул с эпитетом.

'wttkyn ky ZY ZK pyšn'm'k n/zyδnH... «От-тегин, прозвище которого Нидан/Жидан...» (Nov.3: R 3);

pδkh ZY pr KZNH y-w'r ZY δ'r't 'wttkyn 'mh – «... и на таком условии: пусть имеет От-тегин...» (Nov.3: R 8);

ctth 'mw 'wttkyn wy-rw pryw 'pryw rīšn šyr – «... этого От-тегина мужем любимым, почитаемым...» (Nov.3: R 13);

'zt'kw mrtyw wy-rw δ'rt rīny-štkδ 'wttkyn pr – «благородного мужчину мужем имеет. И в дальнейшем, если От-тегин» (Nov.3: R 16);

xwty L' ry-z't rty ZK wy-r' 'wttkyn ZNH wδyh – «будет не угодна, то муж От-тегин жене» (Nov.3: R 19);

štkδ 'wttkyn w'n'kw m'n β'ty ZY 'mh ctth wδwh – «если От-тегин так решит...» (Nov.3: Recto 23);

m'ny w'n'kw β'ty ZY 'M 'wttkyn pr'yw wδwh – «такой помысел будет, что От-тегину...» (Nov.3: V 3);

'cw ZY šy MN 'wttkyn βyrt'kw y-'t rty ZKw xypδ – «которые она получит от От-тегина...» (Nov.3: V 6);

mrty wy-rw kwn 'nty ky ZY šy xwty ryz 'ty rtkδ 'wtt | kyn γw 'nh ZY γnt 'kw kwn 'nty rts̄w xwty βr 'ty <ZY> twy – «мужчину она может взять в мужа, которого она сама пожелает. И если От-тегин совершит преступление, то то он за него пусть сам отвечает...» (Nov. 3: V 9-10);

ZY wn 'kh ZY xypδh n 'y 'ty rty 'wttkyn 'M 'krtcy – «или пленной? или (в качестве) зависимой будет уведена, то От-тегин...» (Nov.3: V 15);

'wttkyn – «От-тегин» (Nov.3: V приписка 1);

myδ 'sm 'n rwc MN 'wttkyn ky ZY ZK | pyšn 'm 'k ny-δnh MN γyšγ BRY kw – «... день Асман-роч. От От-тегина, прозвище которого Нидан, сына Кишиқа» (Nov.4: R 1-2);

ty 'wttkyn 'M' BRY 'M pδ ZKn cyr – «назначил От-тегин, с сыновьями и родом...» (Nov.4: V 2);

'xwšprn BRY pr 'wttkyn prm 'nh ZY pr(y)wyδ – «... по приказу От-тегина...» (Nov.4: V 15) [СДГМ 1962: 21-22; Лившиц 2008: 28-35].

ZY ZKn ('wttkyn 'ywh 'zyh – «и От-тегину один 'zyh (род оружия/копье (?) или бурдюк)» (Б-1: L 3);

rty 'st 'wt[tkyn] – «И взял От-тегин» (Б-1: L 4) [СДГМ 1963: 44-45].

Судя по имени, это представитель тюркской аристократии по прозвищу Нидан/Жидан, муж знатной согдианки Дугдгѳнча, подопечной правителя Навеката (Семиречье) Чѳра. Как считают некоторые исследователи, От-тегин документов Nov.3 и Nov.4, возможно, не один и тот же человек, который упомянут под этим именем в документе Б-1 [Lurje 2010: 119].

О.И. Смирнова сравнивала *'wttkyn* с тюркским именем *Ot-tegin* (досл. «принц огня») с монгольским *ot-čigin* 'статус младшего сына', заимствованным из тюркского [Смирнова 1970: 256, сн. 127]. В.А. Лившиц первоначально транскрибировал *'wttkyn* как *Ut-tegin* [СДГМ 1962: 21, 23, 26], но в дальнейшем поддержал точку зрения О.И. Смирновой [Лившиц, 2008: 35]. Подобной интерпретации придерживаются и другие согдологи [Lurje 2010: 119; Якубович 2009: 149]. По мнению И.С. Якубовича, в Согдиане VIII в. н.э. имя *Ot-tegin* не должно было иметь значение 'младший сын', а скорее всего это имя было связано с культом огня среди древних тюрков [Якубович 2009: 149].

Поддерживая вышеупомянутые интерпретации имени *Ot-tegin* как «принц огня», хотелось бы отметить, что здесь имеет место не древнетюркское имя, а титул с эпитетом, где *ot* 'огонь' эпитет, *tegin* 'принц, царевич' титул царевичей – младших братьев, сыновей и племянников кагана. В подтверждение этого следует отметить тот факт, что в китайских, древнетюркских и других источниках при описании различных событий большинство действующих лиц из древних тюрков упоминается не под личными именами, а под титулами и эпитетами. Кроме того нельзя не упомянуть и то, что обладатели этого титула также являлись имперскими наместниками, т.е. чиновниками, управлявшими племенами и некоторыми оседлыми вассальными владениями, входящими в состав каганата. Так, сведения письменных источников и нумизматический материал свидетельствует о том, что в Чаче (Ташкентский оазис) и Кабулистане правили династии, связанные своим происхождением с правящим домом тюркского кагана Ашина и имеющие титул *tegin* [Babayar 2007: 15-49]. Исходя из этого, на наш взгляд, в документах под *Ot-tegin* упомянут представитель дома Ашина.

söz + ün (созд. *swzwn*) – термин.

pty- | *βxš' ZNH cyr 'mh zy-nβr'nch xwty pr swzwn* | *pδkh ZY pr KZNH y-w'r ZY δ'r't ZNH 'wttkyn 'mh* – «И от-|дал эту находящуюся под опекой сам Чёр по традиционному (?) | закону и на таком условии: ...» (Nov.3: R 6-8) [Лившиц 2008: 28, 31].

В.А. Лившиц трактует выражение *pr swzwn pδkh* «по словесному (>устному, традиционному?) закону» следующим образом: «Слово *pδkh* хорошо известно в согдийском – «обычай, правило, закон». Значение *swzwn* неясно. Его, возможно, следует считать тюркским заимствованием в согдийском: «словесный», букв. «его слово», тюрк. *sözün*. Ср. *söz* «слово; приказ» (*sözüm* «мой приказ», *sözümüz* «наш приказ») в тюркских юридических текстах» [см. Лившиц 2008: 28,37; СГДМ 1962: 29]. И.С. Якубович по этому поводу пишет следующее: «*pr swzwn pδkh* 'в соответствии с обычным правом', так переводит уже О.И. Смирнова. С этим предложением можно сравнить выражение 'the established custom of the land', упоминаемое в бактрийском брачном контракте. Что касается происхождения *swzwn*, П. Циме, уточняя этимологию В.А. Лившица, предлагает видеть в этом слове древнетюркское *söz* 'слово' в инструментальном падеже (личное сообщение). «Обычное право, согласно этой этимологии, это законы, передаваемые на словах» [Якубович 2009: 150-151].

šad (созд. *šδ-*) – титул.

kw šδw s'r 'ywh [zyh] - «для шада один 'zyh (род оружия/копье (?) или бурдюк) (Б-1: L 5) [СГДМ 1963, 44-45]. Здесь упомянут получатель копья или бурдюка.

П.Б. Лурье предлагает связывать данное имя с *šād*, титулом правителя Ферганы, упоминающимся у мусульманских историков (из тюрк. *šad?*), но при этом отмечает, что имеются сложности в отношении количества гласных. Исследователь предлагает также ср. *šδ'kw*, *šδ'y* «шея»; *šudw* (#1185) [Lurje 2010: 370].

Если связывать данное слово со словом *šād*, как это делает П.Б. Лурье, то, действительно, здесь имеются сложности с фонетикой. В этом слове имеется долгая гласная «*ā*», которая обычно передается в согдийской орфографии через *алеф* ('), тогда как она отсутствует в слове *šδ*. Однако, если учитывать правила согдийской орфографии, согласно которой краткий звук «*a*» на письме в абсолютном большинстве случаев не отражается, то передача др.-тюрк. *šad* 'глава удела, принц' через согд. *šδ* будет вполне закономерной. Как известно, термин *šad*, как и *tegin*, имея значение 'принц, царевич', являлся титулом царевичей правящего дома – младших братьев, сыновей и племянников кагана. Согласно сведениям китайских хроник, царевичи, т.е. *тегины*, имевшие свое личное войско и получившие в качестве своего удела какую-либо область или племя, приобретали титул *šad* [Taşağil 1995: 96, 113–114]. На сегодня из письменных источников известно, что титул *šad* в эпоху Тюркского каганата имели некоторые правители Чача (Ташкентский оазис) и Тохаристана, происхождение которых связано с династией Ашина [Исхаков, Камолиддин, Бабаяров 2009: 15–25, 64; Babayar 2007: 40–44]. При этом, в источниках той эпохи тюркские правители Ферганы VII–VIII вв. упоминаются в основном под титулами **tegin*, *čor*, *tutuq*, *tarqan* [Babayar 2007: 29–33].

Исходя из вышеупомянутого не исключено, что в документе упоминается один из представителей династии Ашина с титулом *šad*. Однако дать ответ на вопрос о том, кем именно являлась эта личность, представляется трудным.

tarduš (согд. *trδ'wš*, *trδwš*) – этноним в качестве имени собственного или прозвища.

ZY ZKn | trδ'wš X w'ry'k ZY 'δw pwst | ZY 'δw w'ry'k yr'k – «И (я дал) | Тардушу 10 ягнячьих шкур и две овчины | и две ягнячьих овчины на *yr'k*² (Nov.1: R 31-33) [СДГМ 1963: 37-38, 40];

rtu 'st trδwš 'yw 'yz-h – «и взял Тардуш один (род оружия/копье (?) или бурдюк)» (Б-1: L 7) [СДГМ 1963: 44]. Речь идет о получателях овчины, а также копья или бурдюка.

Как считают исследователи, это прозвище (имя) произошло от этнонима, названия тюркского племени *Tarduš* (ср.: хот.-сак. *ttarādūsa*, *ttaridūsa*) [СДГМ 1982: 177, сн. 4; Lurje 2010: 389]. Не исключено, что прозвище указывает на этническую принадлежность его обладателя.

tarqan/tarxan (согд. *trx'n*) – титул.

MN pncy-kandyc β'zkr'm³ ZY | MN n'β kw trx'n ZY βyy | prnw... – «От пенджикентского сборщика податей и от (педжикентской) общины тархану и Вагфарну» (А-13: 1-3) [СДГМ 1963: 69; СДГМ 1963: 71; Лившиц 2008: 74-75].

Документ А-13 единственный из документов архива горы Муг, в котором упоминается *тархан*. Согласно данному документу, *тархан* должен был выдать из суммы годичной пошлины за пользование мостом 150 драхм. На основании этого В.А. Лившиц считает, что *тархан* являлся одним из чиновников при дворе пенджикентского князя [Лившиц 2008: 74]. Некоторые исследователи считают, что предмет документа (годичная пошлина, мост) не входил в обязанности обладателя титула *тархан*, и поэтому интерпретируют *trx'n* как имя личное. Но при этом отмечается, что оно связано с древнетюркским титулом *тархан* [Lurje 2010: 390].

По нашему мнению, в данном документе под *тарханом* упоминается чиновник Западнотюркского каганата при дворе правителя Пенджикента. Во-первых, чиновники с титулом *тархан* занимали в центральном управлении каганата, как и в управлении вассальных от него владений, низшие ступени или же являлись специальными представителями кагана на местах, направленными для управления в вассальные племена и оазисные владения. Во-вторых, титул *тархан*, являясь одним из широко распространенных в иерархии Тюркского каганата, совмещал в себе как административные, так и военные функции [Gömeç 2000: 139]. Поэтому не стоит удивляться тому, что в согдийском документе А-13 под титулом *тархан* упомянут чиновник, связанный со сбором налогов и различных денежных сборов.

tegin (согд. *tkyn*) – титул; см. **ot tegin**.

² *yr'k* – род одежды (снаряжения), которую изготавливали из шкур (овчины) [см. СДГМ 1963: 39].

³ В своем последнем исследовании В.А. Лившиц читает данное слово как *β'nkr'm*, сопоставляя его с буд. согд. *β'mkyr'n* «советник» и переводит данную фразу «От пенджикентского советника и от (педжикентской) общины тархану и Вагфарну» [Лившиц 2008: 74-75]. При этом первоначально исследователь читал его как *β'zkr'm* – «сборщик податей» [СДГМ 1962: 69]. Исходя из содержания самого документа, а также учитывая, что в согдийском курсиве буквы нун (*n*) и зайн (*z*) при написании в срединной позиции практически не различаются друг от друга [ОИЯ 1981: 369-370], на наш взгляд, более приемлемым в данном случае является первоначальное чтение В.Л. Лившица.

tudun (созд. *tōwn, tō'wn*) – титул – чиновник Тюркского каганата.

h m't rty 'sp-ikw 'pw p-r'y-kw p-ty-škwu-w wβyуw | 'kw tōwn s'r wβyуw 'kw 'z-tyryуw⁴ s'r rty βγ (Z)Kw – «я полностью, ничего не опуская, изложил – и тудуну и Азатриву. ...» (А-14: 7-8);

wy-n'n-cy-k L' 'sty rty βγ MN tō'wn (Z)[Y] MN | 'z-tyryуw p-wstk ZY p-'tcny-' βγ(y)r[w] (r)ty βγ – «... И, господин, от тудуна и от | Азатрива я получил письма и ответы. ...» (А-14: 13);

šyrw βzy-kw p-ckwyr'k 'skw'm rty-βγ ZK tōwn 'M | t'zy-ky pr'yw pr βr'z p-x'n-štk rty-βγ pr βr'z ZK – «... И, господин, тудун в соответствии с перемирием с арабами отступил. ...» (А-14: 20-21);

ty-m prm ''δk L' ''yt rty-βγ tōwn 'M t'rβnt pr'yw | βr'štw δ'rt rty-βγ z'y-th s'tw βγ-'rtw δ'rt rty βγ – «... И, господин, тудун (ранее) с Тарбандом | заключил соглашение, и, господин, все земли он (там) получил. ...» (А-14: 26-27) [Лившиц 2008: 86-89].

rty 'st [ZK] [...] tōwn 'δw ['zyh] – «и взял -тудун два 'zyh (род оружия/копье (?) или бурдюк)» (Б-1: L 2) [СДГМ 1963: 44].

Титул *tudun*, являясь распространенным титулом в иерархии каганата, встречается в системе управления ряда оазисных владений в связи с Западно-тюркским каганатом. В китайских хрониках данный титул упоминается в большинстве случаев после титула *eltābār* и отмечается, что его функциями были контроль над местными вассальными правителями и организация сбора налогов [Бичурин 1950: 283]. Титул *tudun* встречается во многих источниках, относящихся к каганату, из которых становится ясным, что он использовался по отношению к личностям, занимавших место возле местных правителей.

Так, судя по контексту документа А-14 (перая четверть VIII в.), личность с титулом *tudun*, упоминаемая вместе с правителем Чача, являлась чиновником каганата, решающим политические дела, связанные с Чачем. Этот титул получил распространение и в Чаче, что нашло отражение в письменных источниках, а также в легендах раннесредневековых монет Чача [Бабаяров 2007: 52–56, 61]. При этом следует отметить, что в китайских источниках в период между 640–740 гг. в качестве правителей, стоящих в центре всех связанных с Чачем событий, упоминаются отнюдь не *тегины*, а *тудуны*. По мнению В.А. Лившица, *тудун*, упоминаемый в документе А-14, может быть отождествлен с Моход Тутуном (Багатур-тудуном) китайских хроник, который «в первое лето Кхай-юань (713 г.) за оказанные на войне услуги был поставлен владельцем Ши (Чач)» [Лившиц 2008: 91]. Стоит отметить, что, скорее всего, *тудун*, упомянутый в А-14, и *тудун* упомянутый в Б-1 не одна и та же личность.

tutuq (созд. *twttk*) – титул – чиновник Тюркского каганата.

x'y'n pwstk ZY ZKn βrγ'nk MLK-' p(w)stk | ZKn βrγ'nk twttk-'y δsty-' 'kw (β)rγ'nk | MLK-' s'r p-r'šyуw rty-βγ 'zw cyуy-δ p-yδ'r '(s)k-y – «письмо кагану и

⁴ В своих предыдущих исследованиях В.А. Лившиц читал данное слово как *n'z-tyryуw* «помощник» [СДГМ 1962: 78-79, 83]. В своем последнем труде он читает его, как *'z-tyryуw* Азатрив, считая его личным именем [Лившиц 2008: 86-87]. Однако, исходя из контекста документа, первая трактовка данного слова как *n'z-tyryуw* «помощник», на наш взгляд, является более верной.

письмо ферганскому царю | я через ферганского тутука ферганскому | царю переслал. ...» (А-14, 9-11) [Лившиц 2008: 86-87].

Как известно, титул *тутук* в системе управления Тюркского каганата носило лицо, исполнявшее должность «военного правителя области», т.е. военного наместника (ДТС: 593). Упоминание в документе А-14, относящемся к пер. пол. VIII в., в связи с Ферганой в качестве одного из должностных лиц «ферганского тутука» (*βry'n'k twtk*), через которого было передано письмо Девāштича тюркскому кагану [СДГМ 1962: 80-85; Grenet, de la Vaissiere 2002: 170], указывает на то, что в Фергане в качестве представителя тюркских каганов находились *тутуки*. Свидетельством активного участия *тутуков* в политической жизни региона является также монеты с квадратным отверстием и согдийской легендой *'δpw x'γ'n twtwγ* – “Тутук Алп хакана” [Babayar 2007: 155–156]. Эти монеты позволяют говорить, что *тутуки*, подобно *тудунам* и *тегинам* Чача, также выпускали свои монеты, но в отличие от них упоминали на них своего верховного сюзерена кагана.

О.И. Смирнова читала легенду на этих монетах как *lpw? γ'γ'n twtwγ* – “Алпу хакана тутук” [Смирнова 1981: 341, No. 1445]. Нумизматы, начиная с О.И. Смирновой, относили данные монеты к чекану Ферганы. Однако новый нумизматический материал из Южного Казахстана позволил пересмотреть автору совместно с нумизматом Г. Бабаяровым эту точку зрения и отнести данные монеты к чекану Отрара.

türk (согд. *twrk*) – этноним в качестве имени собственного.

rty 'st 'y-wh y-ywth | ptywk'yk pyštyw | kwrtšyš ZY 'ywh ZK twrk – «И взял один яхонт, | прокаленный в сере (?), готовый | Куртшиш, и один - Тюрк (Түрак)» (В-9: V 1-3) [СДГМ 1962: 160; СДГМ 1963: 55; Лившиц 2008: 187].

ZY tw(rk 's)t 'ywh] '(z-y-)h – «и Тюрк (Түрак) взял один 'zyh (род оружия/копье (?) или бурдюк)» (Б-1: L 6) [СДГМ 1963: 44-45];

rty (npxš) | t twrk – «И написано | Тюрк (Түрак)ом» (В-5: 13-14) [СДГМ 1963: 58-59]. В документах речь идет о получателях рубина, копья или бурдюка, или писаре.

Мы не можем дать утвердительный ответ на вопрос о том, имеем ли мы дело с одним человеком, упоминающимся в трех документах, или же это три разных личности. П.Б. Лурье справедливо предполагает, что данный термин является прозвищем от этнонима *türk* [Lurje 2010: 396]. Следует отметить, что в согдийских документах и текстах тюрки обозначаются в основном этнонимом *xwn* (*xūn*), который мы рассматриваем ниже. Несмотря на это, в Бугутской, Карабалгасунской стелах и нескольких типах раннесредневековых монет Чача (Ташкентский оазис) и Тарбанда (Отрар) этноним *türk* передан через *tr'wk*, *trwk*, *twrk* [Kljaštornyj, Livšic 1972: 87; Бабаяров, Кубатин 2011: 147; Babayarov 2012].

türkmen (согд. *trwkkm'n*) – этноним в качестве имени собственного и прозвища.

rty 'st trwk-k-m'(n) 'ywh ['z-y-h] – «И взял Туркмен один 'zyh (род оружия/копье (?) или бурдюк)» (Б-1: L 5) [СДГМ 1963: 44-45]. Здесь это слово указывает получателя копья или бурдюка.

В.А. Лившиц предварительно слово *trwkkm'n* соотносит с этнонимом *türkmän*. Но при этом он отмечает, что слово *trwkkm'n* можно было бы понимать и как «драгоман, переводчик» (ср. парф.-ман. *trkwmt'n* (из арамейского)),

однако тогда ожидался бы артикль: **ZK trwkkm'n*. Как пишет исследователь, мугское *trwkkm'n* является, по-видимому, старейшим упоминанием туркмен в письменных источниках [СДГМ 1984: 177, сн. 4].

qaγan/xaγan (согд. *x'y'n*) – титул – верховный правитель Тюркского каганата, возглавлявший антиарабскую коалицию.

x'y'n pwstk ZY ZKn βry'nk MLK-' p(w)stk | ZKn βry'nk twttk-'y δsty-' kw (β)ry'nk | MLK-' s'r p-r'syww rty-βy 'zw cywy-δ p-yδ'r '(s)'k-y – «письмо кагану и письмо ферганскому царю | я через ферганского тутука ферганскому | царю переслал. ...» (А-14: 9-11);

MLK-' s'r p-r'syww rty-βy 'zw cywy-δ p-yδ'r '(s)'k-y | s'r L' xrtw β'm p'r-ZY βy ZK x'y'n w'x(r)š 'δc | wy-n'n-cy-k L' 'sty rty βy MN tδ'wn (Z)[Y] MN – «... И, господин, я потому дальше | не могу пойти, ибо, господин, кагана, по слухам, совсем | нельзя увидеть. ...» (А-14: 11-13) [Лившиц 2008: 86-87];

mrts-'r δr'w w'nk ZY ZKh m'xw 'z-yntt cnn 'sky mrts-'r | '-y-snt rty mn' cnn x'y-'n mrts'r RB pδβrw ZY 'γ-r'n'wkw | 'βr'nt rtcnn 'sky-s'r tγm γ-rβ 'sp'δ w'x' wβyww xwn ZY – «у меня известия таковы: наши гонцы сюда | спустились и мне от кагана высокий чин и великий почет | принесли. ...» (В-17: R 10-12) [Лившиц 2008: 128-129];

wyty c'nk w'nf' kδry w'cw rty nwkr 'zw t'βk kw x'y-'nw s'r | 'z-yntw w'cw rty tyw MN xw'ty-'kh ZY MN wy'βty-'kh pyδ'r tδyδ | pry-šy-δy rty nwkr kδry t'βk 'sky-s'r y-t'kw L' k'm p'rZY 'zw | – «...: ведь я тебя к кагану | отправил послом, а ты из-за трусости и своеволия у себя | отсиделся. Но теперь вот я не хочу, чтобы ты шел наверх...» (В-18: 5-7);

yw'r ZY MN w'nk w'sxnt L' kwny-' ZY ZKw cy-n rytkw cntn | kyZY w'nk p'styw MN 'γrywy pyrnmstr 'tsw kw x'y-'nw s'r 'z-ynt | w'c ršw kδ L' wytw δ'ry ršw ywny-δ L' w'c L' ZKwh – «Но только такой глупости не делай – Чандана (?), китайского парня, | о котором я так наставлял тебя: “к кагану его послом | отправь!”», если ты его уже не послал, то сейчас не отправляй» (В-18: 9-11) [Лившиц 2008: 132-135].

Титул *qaγan/xaγan*, широко употреблявшийся в течение столетий в системе управления ряда государственных объединений Евразии, имел верховный правитель независимой державы [СИГТЯ 2006: 531]. Данный титул в качестве титула верховных правителей тюркских государств зафиксирован в письменных источниках на различных языках, а также в монетных легендах: др.-тюрк. *qaγan*, крх.-тюрк. *xāqān*; кит. *ke-han* (**kā-gān*, *k'ā-gān*); согд. *x'y'n*; греч. *χαγάνος*; арм. *xak'an*; груз. *xaqan-i* / *xağan-i*; лат. *chacanus*; араб. *xāqān*; сир. *kgn*; иврит. *kgn*; хот.-сак. *khaha:nä*, *ha:h:nä*; бактр. *χαγανο*; тиб. *kha-gan*; слав. *хагань*, *кагань* [Moravcsik 1958: 332-334; Golden 1992: 71; Sims-Williams 2000: 75, 89, 145; Бабаяр, Кубатин 2005: 97-105].

По мнению В.А. Лившица, как следует из документа В-17, Дёвāштич считал себя вассалом кагана и пользовался его поддержкой, о чем говорят следующие строки: «наши [Дёвāштича] гонцы сюда спустились и мне от кагана высокий чин и великий почет принесли. И прибыло также много войск – тюрки и китайцы» [СДГМ 1962: 84]. Первоначально исследователь предполагал, что под каганом в документах упомянут верховный правитель восточных тюрков, приводя в пользу этого ряд исторических фактов [СДГМ 1962: 84]. Но в своем новом исследовании В.А. Лившиц, отмечает, что это, по-видимому, был тюркешский каган Сулу [Лившиц 2008: 92]. Однако, первая точка зрения исследователя, на наш взгляд, более верная, тем более в пользу этого говорит и тот

факт, что в документах по отношению к тюркам упомянут этноним *xwn* (*xūn*), употреблявшийся по отношению к восточным тюркам. При этом следует отметить, что на одном из типов собственных монет Западнотюркского каганата в качестве этнополитического названия употреблен этноним *twrk* – *Türk* /**Türk*, а не *xwn* – *Xūn* [Babayarov 2012].

qīšiq (согд. *xyšyx*) - имя собственное или прозвище.

MN wttkyn ky ZY ZK | pyšn 'm 'k ny-δnh MN xyšyx BRY – «От От-тегина, | прозвище которого Нидан, сына Қишиқа» (Nov.4: R 2-3) [СДГМ 1962: 21-22; Лившиц 2008: 29, 33].

Отец От-тегина, представителя тюркской аристократии по прозвищу Нидан/Жидан, упомянутого документах Nov.3 и Nov.4 – брачных контрактах. В.Л. Лившиц считает, что *xyšyx* является именем-прозвищем, связанным с тюркским *qisiq* «стесненный, узкий» или *qīšiq* «кривой, согнутый» [Лившиц 2008: 35]. На наш взгляд, второй вариант интерпретации имени как *Qīšiq* «кривой, согнутый» является более приемлемым, т.к. данное имя-прозвище широко представлено в тюркской ономастике [Rasonyi, Baski 2007: 452].

qurčī (согд. *kwrcy*) - имя собственное – жрец, посланец эмира Абдурахмана ибн Субха к Деваштичу.

δy-w'styc 'sp's ZKn βyу rty nwkr py-'n'kh ZK ny-z-tk 'ys ZY ZK | kwrcy βynptw rty MN xmyr w'nkw pwstkw 'βrnt pr <xmyr> (mnt) xws'nty-'kh – «... Хвала богу! И вот вчера пришел (жрец) Нижитак | и жрец Кūrчи и принесли (мне) от эмира такое письмо с (выражением) недовольства» (1.I: 3-4);

rtms MN pwstkw ky kwny tym pr ny-z-ytkw δstw ZY pr kwrcy βynptw δstw | pty'm βr'y-štw δ'rt ZY pr pwstkw L' np'xštw δ'rty rty pts'r tyw xwty – «И также на письмо, которое ты составил, (эмир) через (жреца) Нижитака и жреца Кūrчи | прислал устный ответ, но он не написал (этот ответ) в письме. ...» (1.I, 13-14);

pty'm βr'y-štw δ'rt ZY pr pwstkw L' np'xštw δ'rty rty pts'r tyw xwty | w'nkw βrtpδ 'y-š ZY wβy-w ZNH ny-z-tk ZY ZNH kwrcy βynptw tw' 'z-γ'm šyrxwz-'kt – «... Но ты ведь сам | знаешь, что (жрец) Нижитак и жрец Кūrчи являются твоими самыми лучшими друзьями» Муγ, 1.I, 14-15;

ZY ZKw xmyr pwstkw ZNH δsty ptcxš rty 'cw ZK nyztk ZY ZK kwrcy βynptw | MN xmyr pty'm 'βr'nt rtšw nuxw (ny) 'wš rty 'y-w tywnw prywyd r'δh – «... А то, что (жрец) Нижитак и жрец Кūrчи | принесли от эмира (в качестве) устного ответа, ты (это) внимательно выслушай ...» (1.I, 18) [СДГМ 1962: 111-112; Лившиц 2008: 120-123].

В.А. Лившиц трактует имя *kwrcy* (*Kūrčī* или *Kōrčī*) как букв. «Ребячливый» от *kwr* | *kūr* | «ребенок». При этом он отмечает, что менее вероятным кажется толкование *kwrcy* как «слепец», от *kwr* | *kōr* |, *kwr* | *k* | *kōrē* | [Лившиц 2008: 124]. В качестве альтернативы П.Б. Лурье предлагает связывать это имя с др.-тюрк. титулом (эпитетом – *Авт.*) *kül/köl*, ср. *kwlcу x' snkwn* [Lurje 2010: 220]. Мы предлагаем связывать данное имя с др.-тюрк. словами *qur* 'пояс' или *qur* 'чин, достоинство' [ДТС: 466, 467] и интерпретировать его "обладатель пояса, носящий пояс" или "обладатель чина, достоинства; с чином, достоинством". Или в качестве альтернативы связать его с титулом *qōrčī*, употреблявшимся в средневековых тюркских и монгольских государственных объединениях [Erkoç 2008: 193].

хун (согд. **хwn**) – этноним.

z'wr sy-ny-'nty rtyβy ZK xwn'k w'xrš cp-δ' 'pw wyn | 'ncy-k хсу w'n'kw ZY c'n'kw 'sk-ys'r xrt'nt rty | ty-m prm ''δk L' ''yt rty-βy tδwn 'M trβnt pr'yw - «... И, господин, слухи относительно тюрок (таковы): (они) внезапно исчез-ли – потому что ушли он(и) наверх и | до сих пор никто не вернулся...» (А-14: 24-26) [СДГМ 1962: 78-79; Лившиц 2008: 86-88];

'βr'nt rtcnn 'sky-s'r tym γrβ 'sp'δ w'x' wβyw xwn ZY | cy-n rtcnn ZK βry'nk MLK' ZKn ''pwx' rwc mδyδ kw - «... И прибыло также много войск – тюрки и | китайцы. ... » (В-17: R 12-13);

cy-n rtcnn ZK βry'nk MLK' ZKn ''pwx' rwc mδyδ kw | xwn'nk w š'y-kn ''ys rty 'zw mrdp'r š'y-kn 'z-ytw δ'rm - «... А в день Апвах-рōч ферганский царь сюда к | тюркскому военачальнику пришел, ...» (В-17: R 13-14) [СДГМ 1962: 116-117; Лившиц 2008: 128-129];

'z-w'n rity ZKw ryth L' nm'w wy-t rtšw ywn-'ncw ZY 'LH | xwnt 'tw 'xš'wn'h w'xrš хwty ptyr γrβnt rtn cw z'wr | s'c't δβrt ZY m'xw 'z-rytw rtn 'z-ry-nc'nt k'm – «... А этот инанчу и эти | тюрки сами лучше, чем ты, узнают, (что случилось в согдийском) царстве, (о том) какие | нужно дать подкрепления, чтобы спасти нас, чтобы они нас спасли» (В-18: 17-19) [СДГМ 1962: 123-124; Лившиц 2008: 132-135];

MN δry''wtk n'β ZK 'nc''t'k xwn ZY xrt'k – «Из даргаутской общины Анджатак Тюрк и Хартак» (Б-6: 3) [СДГМ 1962: 149; СДГМ 1963: 83].

Этноним, служащий для обозначения тюрок, скорее всего восточных, встречается в документах А-14, В-17 и В-18, как этноним в качестве прозвища представителя селения Даргаут в документе Б-6 (современное селение Дарг в верховьях Зеравшана).

В.А. Лившиц пишет, что на то, что термин *хwn* являлся названием народа, указывает контекст документов, в особенности выражение в документе В-17 *хwn ZY сун* «тюрки и китайцы», ср. хот.-сак. *huna cim̄gga*. Как считает автор, употребление *хwn* в значении «(восточные) тюрки» связано, по-видимому, с китайской традицией, где и в VII–VIII вв. термин *hiung-ni* выступает в ряде случаев как синоним к *t'u-küe* «тюрки» [СДГМ 1962: 120–121]. При этом следует отметить, что термин *xiong-ni* в путевых записках Сюань Цзана (1-пол. VIII в.) в тюркском переводе всегда передается через *türk* [Zieme 2011: 37–52]. Именованье тюрок этнонимом *хwn* «хун», по-видимому, связано не только с китайской традицией, но также и с согдийской письменной традицией. Так, первое упоминание данного термина в согдийских письменных памятниках относится к первым векам нашей эры. Точнее, он появляется в «Старых письмах», относящихся к III–IV вв. и найденных в Дуньхуане (Северо-Западный Китай), и используется по отношению к империи Хунов [Лившиц 2008а: 173]. Так как первым созданным кочевниками государственным объединением, с которым познакомились согдийцы, была империя Хуннов, не исключено, что они по аналогии стали использовать термин *хwn* по отношению к тюркам. По-видимому, всё-таки под этноним *хwn* в документах следует понимать восточных тюрок. Как отмечалось выше, на одном из типов собственных монет Западнотюркского каганата в качестве этнополитического названия употреблен этноним *twrk* “*Türk/*Türk*”, а не *xwn* “*Xün*” [Babayarov 2012].

Таким образом, рассмотренный выше материал мы можем сгруппировать следующим образом:

1) Титулы, эпитеты, имена собственные и др.: *bars* (*p'rs*), *bilgä* (*βyδk'*), *čabiš* (*cp'yš*), *čegin* (*ck'yn*), *čor* (*cwr*), *eđgü* (*'δkw*), *eltäbär* (*ryttypyr*, *dyttypyr*), *iglig* (*'ykkδ'k*), *irkäy* (*yrk'y*), *irkin* (*'rk'yn*), *inanču* (*ywn'ncw*), *kül* (*kwδ*), *ot* (*'wt*), *šad* (*šδ-*), *tarqan/tarxan* (*trx'n*), *tegin* (*tkyn*), *tudun* (*tδwn*, *tδ'wn*), *tutuq* (*twttk*), *qayan/xayan* (*x'y'n*), *qišiq* (*xušyx*), *qurči* (*kwrcy*);

2) Этнонимы: *tarduš* (*trδ'wš*, *trδwš*), *türk* (*twrk*), *türkmen* (*trwkkm'n*), *xun* (*xwn*);

3) Термины: *elči* (*'δcykk*), *söz* (*swz-*).

Как видно, большинство древнетюркских терминов, занявших место в согдийских документах с г. Муг, представляет собой титулы, эпитеты и имена собственные. При этом для нас немаловажен тот факт, что данные термины отмечены в документах, представляющих собой письма, юридические и хозяйственные документы, содержащих ряд ценных сведений, касающихся политической и социально-экономической истории региона эпохи раннего средневековья. Кроме того, они позволяют внести ясность в ряд вопросов, связанных с употреблением в системе управления вассальных владений титулов, присущих Тюркскому каганату, определению их места и положения в иерархии как Каганата, так и его вассалов. Наличие же в документах свыше двух десятков древнетюркских терминов, а также наличие в архиве г. Муг одного древнетюркского документа, написанного руническим письмом, свидетельствуют о том, что древние тюрки оказывали влияние не только на политические процессы в Согде, но и на их культуру, о чем говорят также тюркские имена согдийцев.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Бабаяров 2007 – *Бабаяров Г.* Древнетюркские монеты Чача (VI- VIII вв.). – Ташкент, 2007.

Бабаяр, Кубатин 2005 – *Бабаяр Г., Кубатин А.* К вопросу монетного чекана Западно-Тюркского каганата (на основе нумизматических материалов Ташкентского оазиса) // *Тюркология* (Туркестан), 2005, № 6. – С. 97 – 105.

Бабаяров, Кубатин 2011 – *Бабаяров Г., Кубатин А.* К новой интерпретации легенды на доисламских монетах Отырара с изображением льва // *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Казахстана и 20-летию Института археологии им. А.Н. Маргулана КН МОН РК*, том 3. – Алматы 2011. – С. 147–151.

Барфилд 2009 – *Барфилд Т.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э – 1757 г. н.э.). – СПб., 2009.

Бичурин 1950 – *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1. – М.; Л., 1950.

ДТС – Древнетюркский словарь / Под. ред. В.М. Надеяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. – Л., 1969.

Исхаков, Камолиддин, Бабаяров 2009 – *Исхаков М., Камолиддин Ш., Бабаяров Г.* Титулатура доисламских правителей. – Ташкент, 2009.

- Лившиц 2008 – *Лившиц В.А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб., 2008.
- Лившиц 2008а – *Лившиц В.А.* Согдийские «Старые письма» (I, III) // Письменные памятники Востока, весна–лето 2008, № 1 (8). – С. 173–177.
- ОИЯ 1981 – Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. – М., 1981.
- Смирнова 1963 – *Смирнова О.И.* Каталог монет с городища Пеннджикент (Материаллы 1949–1956 гг.). – М., 1963.
- Смирнова 1970 – *Смирнова О.И.* Очерки из истории Согда. – М., 1970.
- Смирнова 1981 – *Смирнова О.И.* Сводный каталог согдийских монет. – М., 1981.
- СДГМ 1962 – Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод, комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма / Чтение, перевод, комментарии В.А. Лившица. – М., 1962.
- СДГМ 1963 – Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод, комментарий. Вып. III. Хозяйственные документы и письма / Чтение, перевод, комментарии М.Н. Боголюбова и О.И. Смирновой. – М., 1963.
- Якубович 2009 – *Якубович И.С.* Проблемы согдийской этимологии / Диссер. ... канд. филол. наук, РГГУ. – М., 2009.
- Babayar 2007 – *Babayar G.* Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu - The Catalogue of coins of Turkic Qaghanate. – Ankara, 2007.
- Babayarov 2011 – *Babayarov G.* Two additional Turkic title in Sogdian documents of Mugh Mountain // <http://www.groups.yahoo.com/group/Sogdian-L> (October, 2011)).
- Babayarov 2012 – *Babayarov G.* The Phrase of “Türk-qaghan” on the Coins of the Western Turkic Qaghanate // <http://www.groups.yahoo.com/group/Sogdian-L> (Jury, 2012)).
- EDT – Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford, 1972.
- Doerfer 1965 – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Band II. – Wiesbaden, 1965.
- Erkoç 2008 – *Erkoç H.İ.* Eski Türklerde Devlet Teşkilatı. Basılmamış Yüksek Lisans Tezi, Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. – Ankara, 2008.
- Golden 1992 – *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples. – Wiesbaden, 1992.
- Gömeç 2000 – *Gömeç S.* Kök türkçe yazılı belgelerde yer alan unvanlar // Türk kültürü, 2000, № 443. – S. 129–142.
- Grenet, de la Vaissiere 2002 – *Grenet F., de la Vaissiere E.* The last days of Panjikent // Silk Road Art and Archaeology, 2002, № 8. – P. 155–196.
- Kljaštornyj, Livšic 1972 – *Kljaštornyj S.G., Livšic V.A.* The Sogdian Inscription of Bugut Revised // Acta Orientalia Hungarica, 1972, No. 26:1. – P. 69–102.
- Lurje 2010 – *Lurje P.B.* Personal Names in Sogdian Texts. – Wien, 2010.
- Moravcsik 1958 – *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica II. Sprachreste der Türkvölker in den Bizantischen Quellen. – Berlin, 1958.
- Rásonyi, Baski 2007 – *Rásonyi L., Baski I.* Onomasticon Turcicum. Vol. I-II. – Bloomington, 2007.
- Sims-Williams 2000 – *Sims-Williams N.* Bactrian Documents from Northern Afghanistan, I: Legal and Economic Documents. – Oxford, 2000.

EDAL – *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. – Brill-Leiden – Boston, 2003.

Таşağыл 1995 – *Таşağыл A.* Gök-Türkler I. – Ankara, 1995.

Tekin 2003 – *Tekin T.* Orhon yazıtları. Kül tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk. – İstanbul, 2003.

Yoshida 2004 – *Yoshida Y.* Some Reflektions about the Origin of *čamuk* // Papers on the Pre-Islamic Documents and Others Materials Unearthed from Central Asia. – Kyoto, 2004. – P. 126–135.

Zieme 2011 – *Zieme P.* Where the Xiongnu identical with the Türk? // Ötüken'den İstanbul'a. Türkçenin 1290 Yılı (720-2010), 3-5 Aralık, 2010, İstanbul, Bildiriler. – İstanbul, 2011. – S. 37–52.

***Kubatin A. V.* Ancient Turkic terms in Sogdian documents from Mount Mug**

Summary. In Sogdian documents relating to the first quarter of the 8th century and found in the territory of modern Tajikistan on Mount Mug, took the place of ancient Turkic names, titles, terms, directly and indirectly related to the Turkic Khanate. Despite the fact that they are the original information on the history of the Turkic peoples, in particular Western Turk Empire (568–740), their importance in this regard has not been adequately studied in Türkologists and historians. If one of the reasons for this is the erroneous and controversial reading of many of the terms.

Keywords: Soghd, Western Turkic Qaghanate, Mugh Mountain, Panch, Divashtich, Old Turkic titles, Personal names, Ethnic names.

ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ФИННО-УГОРСКИХ
НАЗВАНИЯХ ОДЕЖДЫ¹*А.В. Дыбо, Ю.В. Норманская (г. Москва)*

Резюме. Анализ тюркских названий одежды в финно-угорских языках с точки зрения их хронологии и источника заимствования показал, что большинство поздних «татарских» заимствований являются на самом деле адаптацией персидских или арабских популярных деталей и предметов одежды, освоенных большинством тюркских и близкими к ним финно-угорскими народами (мордвой, мари, удмуртами) в середине и конце II тыс. н.э. Это значит, что какие-то детали татарского костюма не были столь популярны у соседей, а реально перенимались (были самыми модными) арабо-персидские фасоны.

Ключевые слова: тюркские языки, финно-угорские языки, арабский язык, персидский язык, заимствования, этимология, хронология

Тюркские заимствования в финно-угорских языках, начиная с XVIII в. [Strahlenberg 1730: 346], исследовались как финно-угроведами, так и тюркологами (укажем некоторые работы, посвященных данной проблеме: [Beke: 1914-1915; Beke: 1935; Donner: 1924; Fuchs: 1937; Gombocz: 1908, 1912; Kannisto: 1925; Paasonen: 1902; Räsänen: 1920, 1923, 1935, 1937; Rédei, Róna-Tas 1972; OWT; Дыбо 2007, Дыбо 2009, Дыбо 2010, Дыбо 2011, Норманская 2008]). Но в большей части этих исследований в полной мере не было проведено разграничение разных источников и этапов заимствования, сделанное на основании строгих фонетических критериев.

Представляется, что дальнейшее исследование тюркских заимствований в финно-угорских языках должно двигаться в двух направлениях. Это, с одной стороны, поиск новых заимствований, с другой, выявление конкретного источника заимствования и правил фонетической адаптации фонем в уже известных заимствованиях. Эти два вида работ должны дополнять друг друга, потому что без четких фонетических критериев в ряде случаев невозможно точно определить, является ли слово заимствованием и откуда конкретно. Поиск новых заимствований позволит уточнить знания о правилах адаптации и фонетической системе предполагаемого языка-источника.

В работе [Дыбо, Норманская, в печати] на основании выборки полных корпусов тюркских заимствований в финно-угорских языках² была установлена относительная хронология этих заимствований. Оказалось, что в мордовских, марийском и удмуртском языках выделяется два этапа заимст

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00269 «Реконструкция названий предметов материальной культуры в мордовских языках» и программы ОИФН Типологическое и историческое изучение языковых явлений в их соотношении с культурной эволюцией, реконструкция культуры по данным языка, проект «Реконструкция названий одежды в уральских и алтайских языках».

² В мордовских языках были проанализированы заимствования, представленные в работах [Paasonen 1990-1996; Бутылов 1998], в марийском – в [Räsänen 1935], в удмуртском – в [Wichmann 1987; Тараканов 1993], в хантыйском – в [DEWOS], в мансийском – в [Munkácsi 1986; Kannisto 1925], в венгерском – в [OWT].

ний из татарского языка. В татарском языке около XV в. произошло изменение системы вокализма, когда изменилось качество пракыпчакских узких и средних гласных: $*i > e$, $*e > i$, $*u > o$, $*o > u$, $*ü > ö$, $*ö > ü$. В марийском, мордовских и удмуртском языках можно различать заимствования, которые произошли до татарского «перелома» гласных и после. В тех случаях, когда в финно-угорских языках в заимствованных словах представлен тот же гласный, что и в татарском слове-источнике, мы имеем дело с поздними заимствованиями. Если же гласные в татарском и финно-угорских словах различаются, то, вероятно, заимствование произошло еще до качественного изменения татарской системы гласных. Приведем примеры ранних и поздних татарских заимствований в мордовских и марийском языках.

Таблица 1. Отражение гласных в татарских заимствованиях, представленных в обоих мордовских языках или только в эрзянском языке³.

Тат.	Примеры	Эрз.	Мок.
<i>a</i>	мокш. эрз. <i>alaša</i> ‘лошадь’ < тат. <i>алаша</i> ‘лошадь’; мокш. <i>ajgər</i> , эрз. <i>ajgor</i> ‘жеребец’ < тат. <i>айгыр</i> ‘жеребец’;	<i>a</i>	<i>a</i>
<i>i</i>	мокш. <i>peññ</i> , эрз. <i>beññ</i> / <i>beññ</i> ‘плохой’ < тат. <i>бирән</i> ‘плохой, обжора’; мокш. <i>keñmeđ</i> , эрз. <i>keñmet</i> / <i>käñmäđ</i> ‘божество’ < тат. <i>кирәмәт</i> ;	<i>e</i>	<i>e</i>
<i>i</i>	мокш. <i>iLiems</i> , эрз. <i>iłems</i> ‘проводить’ < тат. <i>илт-</i> ‘отнести, отвести, доставить’;	<i>i</i>	<i>i</i>
<i>ü</i>	эрз. <i>ordadoms</i> , мокш. <i>ordadəms</i> ‘осерчать’ < тат. <i>үртә-</i> ‘дразнить’	<i>o</i>	<i>o</i>
<i>ü</i>	эрз. <i>ulov</i> ‘покойник’ < тат. <i>үлү</i> ‘смерть’	<i>u</i>	
<i>ö</i>	эрз. <i>izum</i> ‘изюм’ < тат. <i>йөзем</i> , диал. <i>өзөм</i> ‘изюм’ мокш. <i>tüs</i> ‘цвет’ < тат. <i>төс</i> ‘цвет’	<i>u</i>	<i>ü</i>
<i>o</i>	мокш. <i>tušman</i> , эрз. <i>dušman</i> ‘враг’ < тат. <i>дошман</i> ‘враг, злой дух’; мокш. эрз. <i>ulav</i> ‘воз, подвода’ < тат. <i>олау</i> ‘подвода’	<i>u</i>	<i>u</i>
<i>o</i>	эрз. <i>košta</i> ‘кошма’ < тат. <i>кошма</i> ‘войлочный плащ’;	<i>o</i>	<i>o</i>
<i>u</i>	мокш. <i>kože</i> , эрз. <i>koža</i> ‘богатый’ < тат. <i>хужа</i> ‘богатый хозяин’ мокш. <i>šolak</i> , эрз. <i>šolak</i> ‘ленивый’ < тат. <i>чулак/цулак</i> ‘сухорукий’. мокш. <i>nokta</i> , эрз. <i>novta</i> ‘недоуздок’ < тат. <i>нукта</i> ‘недоуздок’;	<i>o</i>	<i>o</i>
<i>u</i>	мокш. <i>tugan</i> , эрз. <i>duga</i> ‘младший брат’ < тат. <i>туган</i> ‘родственник, родной’;	<i>u</i>	<i>u</i>
<i>i</i>	мокш. эрз. <i>kujar</i> ‘огурец’ < тат. <i>кыйар</i> ‘огурец’	<i>u</i>	<i>u</i>

³ Здесь и далее в таблицах формы цитируются по [Paasonen 1990–1996], для экономии места приводится только первая данная в словаре эрзянская и мокшанская словоформа.

Таблица 2. Отражение гласных в татарских заимствованиях, представленных в марийском языке.⁴

Тат.	Примеры	Мар.
<i>a</i>	мар. <i>avúzi</i> 'неряха; нечистоплотный, грязный человек' < тат. <i>ачык авыз</i> 'растяпа' мар. <i>azú</i> 'клык' < тат. <i>azaу</i> 'клык' мар. <i>jáštyk</i> 'клин в одежде' < тат. <i>ястык</i> 'перина, подушка'	<i>a</i>
<i>ä</i>	мар. <i>ägär</i> 'борзая' < тат. <i>эгәр</i> 'борзая' мар. <i>ataś, ätäc</i> 'петух' < тат. <i>этәч</i> 'петух' мар. <i>äkämät, akamat</i> 'потеха, диво; странности; приключение' < тат. <i>экәмәт</i> 'потеха, диво; странности; приключение'	<i>ä</i> ~ <i>a</i>
<i>i</i>	мар. <i>bez</i> 'железа; желвак' < тат. <i>биз</i> 'железа; желвак' мар. <i>jéтуž</i> 'плоды, ягоды, фрукты' < тат. <i>жимеш</i> , диал. <i>йемеш</i> 'плоды, ягоды, фрукты' мар. <i>eťak</i> 'кайма (узкая полоса материи, нашитая на полу платья)' < тат. <i>итәк</i> 'подол, юбка'	<i>e</i>
<i>i</i>	мар. <i>ugäи</i> 'напильник, подпилоч' < тат. <i>игәү</i> 'напильник, подпилоч' мар. <i>uzü</i> 'разрез, украшенный вырез на груди платья, рубашки' < тат. <i>изеү</i> 'разрез, украшенный вырез на груди платья, рубашки' мар. <i>ияк, ил</i> 'сито' < тат. <i>иләк</i> 'сито'	<i>i</i>
<i>o</i>	мар. <i>bulan</i> 'олень' < тат. <i>болан</i> 'олень' мар. <i>jüla</i> 'обычай, обряд' < тат. <i>йола</i> 'обычай, обряд'	<i>u</i>
<i>o</i>	мар. <i>jotkan</i> 'злой дух, упырь; алчный' < тат. <i>йоткын</i> 'злой дух, упырь; алчный'	<i>o</i>
<i>ö</i>	мар. <i>tüyur</i> 'горб (у человека)' < тат. <i>бөкер</i> 'горб (у человека)' мар. <i>tüe</i> 'верблюд' < тат. <i>дөя</i> 'верблюд'	<i>ü</i>
<i>ii</i>	мар. <i>rös</i> 'белая хлопчатобумажная ткань' < тат. <i>буз</i> 'грубая белая хлопчатобумажная ткань (на толстых нитках), миткаль, коленкор'	<i>ö</i>
<i>u</i>	мар. <i>poluš</i> 'помощь' < тат. <i>булыш</i> 'помощь' мар. <i>В. тоңгуз</i> 'свинья, боров' < тат. <i>дуңгуз</i> 'свинья, боров' мар. <i>joj</i> 'хитрый' < тат. диал. <i>жуй</i> вторая часть парного слова <i>уй-жуй</i> 'замысел (недобрый); хитросплетение; козни'	<i>o</i>
<i>u</i>	мар. <i>rikaј, rigaj</i> 'видимо, вероятно; кажется' < тат. <i>бугай</i> 'видимо, вероятно; кажется' мар. <i>viјunča, viјunča</i> 'по, согласно; сообразно; соответственно' < тат. <i>буенча</i> 'по, согласно; сообразно; соответственно'	<i>u</i>
<i>i</i>	мар. <i>jylku</i> 'лошадь, как скот; лошадиные' < тат. <i>жылкы</i> 'лошадь, как скот; лошадиные' мар. <i>jylut</i> 'невод, трал, мрежи' > тат. диал. <i>жылым</i> 'невод, трал, мрежи'	<i>i</i>

⁴ В таблице формы цитируются по [Ахметьянов 2004], для экономии места приводится только первая данная в словаре эрзянская и мокшанская форма.

В результате анализа татарских заимствований в удмуртском языке была выявлена еще более интересная закономерность отражения татарских гласных, подвергшихся «преломлению». Оказалось, что передача гласных различается в заимствованиях, представленных только в южно-удмуртских говорах, и в словах, зафиксированных во всех удмуртских диалектах. В тех лексемах, которые были заимствованы только в южные говоры удмуртского языка⁵, зафиксированы два возможных отражения татарских гласных. Ниже в таблице 3 приведено по два-три примера слов для всех возможных адаптаций узких и средних татарских гласных в южных диалектах удмуртского языка.

Таблица 3. Отражение татарских гласных при заимствовании в южно-удмуртские диалекты⁶

Соответствие	Татарский	Южно-удмуртский
<i>i > e</i>	<i>биз</i> 'железа' <i>дистэ</i> 'десяток' <i>киже</i> 'хлопок'	<i>bez</i> 'железа' <i>désta</i> 'десяток' <i>kežə</i> 'хлопок'
<i>i > i</i>	<i>бирэн</i> 'обжора' <i>инде</i> 'уже' <i>интек-</i> 'мучиться'	<i>biran</i> 'обжора' <i>iñi</i> 'уже' <i>iñtəgəñə</i> 'мучиться'
<i>ə > e</i>	<i>пэри</i> 'нечистая сила' <i>сэндэрэ</i> 'полати'	<i>peri</i> 'нечистая сила' <i>sendra</i> 'полати'
<i>e > i</i>	<i>генэ</i> 'только' <i>кесэ</i> 'карман' <i>кендек эбисе</i> 'повивальная бабка'	<i>gine</i> 'только' <i>kisi</i> 'карман' <i>kindiķej</i> 'повивальная бабка'
<i>u > u</i>	<i>буга</i> 'бык' <i>кувыч</i> 'голенище' <i>курай</i> 'муз. инструмент'	<i>buga</i> 'бык' <i>kuniš</i> 'голенище' <i>kurai</i> 'муз. инструмент'
<i>u > o</i>	<i>бусага</i> 'порог' <i>умыр-</i> 'вырвать' <i>узгар-</i> 'измениться'	<i>bozgo</i> 'порог' <i>omıyañi</i> 'черпать' <i>ozgarəñə</i> 'измениться'
<i>o > o</i>	<i>боерок</i> 'приказ' <i>оста</i> 'мастер'	<i>boıorok</i> 'приказ' <i>osto</i> 'Господи'
<i>o > u</i>	<i>богла-</i> 'заковать' <i>йончу</i> 'природа' <i>йонч-</i> 'утомляться'	<i>bugoulavni</i> 'заковать' <i>šunčik</i> 'природа' <i>šunčini</i> 'придираться'
<i>ı̄ > ö</i>	<i>бүлек</i> 'комнатка' <i>күгэн</i> 'пробой' күзлек 'очки'	<i>bölet</i> 'комнатка' <i>kögän</i> 'крючок' <i>közlək</i> 'очки'
<i>ı̄ > ü</i>	<i>сүрел-</i> 'разочароваться' <i>үлэксэ</i> 'живой труп' <i>үлэт</i> 'падеж, мор'	<i>sürələnə</i> 'разочароваться' <i>ülaksa</i> 'живой труп' <i>ülat</i> 'падеж'
<i>ö > ü</i>	<i>дөге</i> 'рис' <i>дөрлэ-</i> 'гореть' <i>дөрес</i> 'верный'	<i>dügü</i> 'рис' <i>dürlanə</i> 'гореть с гудением' <i>dürəs</i> 'верный'
<i>ö > ö</i>	<i>өрэк</i> 'привидение'	<i>örekčani</i> 'обмануть'

⁵ Носители южно-удмуртских говоров и в настоящее время имеют контакты с татарами и башкирами.

⁶ В таблице формы цитируются по [Тараканов 1993], для экономии места приводится только первая данная в монографии диалектная форма.

Этот факт может быть объяснен так же, как и отражение гласных в мордовских и марийском языках, возникшее вследствие двух этапов заимствования татарских слов. Первый этап имел место до преломления гласных, и в заимствованиях этого периода наблюдаются соответствия: старотат. **e* (> тат. *u*) > удм., морд., мар. *e*, старотат. **i* (> тат. *e*) > удм., морд., мар. *i*, старотат. **o* (> тат. *y*) > удм., морд., мар. *o*, старотат. *ö* (> тат. *ü*) > удм., мар. *ö*, старотат. *ü* (> тат. *ö*) > удм., мар. *ü*.

Во второй группе источником заимствования были уже современные татарские формы, и поэтому соответствия, наблюдаемые в них следующие: старотат. **e* > тат. *u* > удм., мар., морд. *i*, старотат. **o* > тат. *y* > удм., мар., морд. *u*, старотат. **ö* > тат. *ü* > удм., мар. *ü*, старотат. **ü* > тат. *ö* > удм., мар. *ö*.

Отметим, что в южно-удмуртских диалектах заимствования из старотатарского языка, в котором еще не произошло преломление гласных, по-прежнему преобладают, но все же количество заимствованных лексем из современного татарского языка возрастает. Интересно отметить, что эта ситуация кардинально меняется лишь в буйско-таныпских говорах южного диалекта удмуртского языка, распространенных на территории Башкирии и Татарстана. В них по материалам, собранных в [Тараканов 1993], зафиксировано значительное количество заимствований из современного татарского языка.

Совершенно иная картина отражения гласных, подвергавшихся «преломлению», наблюдается в словах, рефлекс которых по [Тараканов 1993; Wichmann 1987] отсутствуют в южных говорах, и зафиксированы только в северных и/или срединных удмуртских диалектах. В этих словах для всех гласных, кроме старотат. *o*, представлены только старотатарские рефлекс гласных, то есть отсутствуют заимствования из современных татарских говоров. Ниже в таблице 4 приводятся примеры возможных отражений татарских гласных узкого и среднего подъема в северных и срединных диалектах удмуртского языка:

Таблица 4. Отражение татарских гласных при заимствовании в северные и срединные удмуртские диалекты⁷

Соответствие	Татарский	Северно- и/или срединно-удмуртский
<i>i</i> > <i>e</i>	<i>игез</i> 'сирота' <i>игу</i> 'напильник' <i>кисмэк</i> 'кадка'	<i>egiz</i> 'сирота' <i>eg'u</i> 'напильник' <i>kesmek</i> 'кадка'
<i>e</i> > <i>i</i>	<i>жигәр</i> 'сила' <i>инде</i> 'теперь' <i>черки</i> 'мушка'	<i>d'z'igar</i> 'сила' <i>inde</i> 'теперь' <i>ísirikei</i> 'мушка'
<i>u</i> > <i>o</i>	<i>сунар</i> 'охота'	<i>soñeräni</i> 'охотничать'
<i>u</i> > <i>u</i>	<i>буй</i> 'черты лица' <i>буя-</i> 'красить' <i>бур</i> 'мел'	<i>bui</i> 'черты лица' <i>bujanı</i> 'красить' <i>bur</i> 'мел'
<i>o</i> > <i>u</i>	<i>Бохар</i> 'бухарский'	<i>bukar</i> 'бухарский'
<i>ü</i> > <i>ö</i>	<i>үләт</i> 'вред' <i>шүрлек</i> 'полка' <i>түши</i> 'грудь'	<i>ölet</i> 'вред' <i>šörlük</i> 'доска' <i>teš</i> [töš] 'грудь'
<i>ö</i> > <i>ü</i>	<i>көек</i> 'печаль'	<i>kujuk</i> [küjuk] 'печаль'

⁷ В таблице формы цитируются по [Wichmann 1987], для экономии места приводится только первая данная в словаре диалектная форма.

Таким образом, можно сделать вывод, что было, вероятно, два этапа заимствования татарских слов в удмуртские диалекты. На первом этапе старотатарские слова, в которых еще не произошло «преломление» гласных, заимствовались в общеудмуртский и в отдельные северные, срединные и южные диалекты. На втором этапе были заимствованы слова из современных татарских диалектов, предположительно, заимствование происходило только в южно-удмуртские диалекты, из которых потом несколько слов проникло в северные и срединные диалекты. Мы предполагаем, что эти слова не были заимствованы в общеудмуртский язык, поскольку практически нет примеров заимствований в северные или срединные диалекты удмуртского из современного татарского языка, которые бы отсутствовали в южно-удмуртских диалектах.

Анализ фонетической адаптации сибирско-татарских заимствований в хантыйском и мансийском языках, наоборот, не дает возможности выделить несколько этапов заимствования.

Традиционно выделяется несколько этапов заимствования из тюркских языков в венгерский. Нас из них больше всего интересуют те два (ранние), которые относятся к заимствованиям из болгарской группы, раньше всех отделившейся от остальных тюркских языков. Рассмотрение их может помочь хронологизировать болгарские фонетические изменения и понять, которые из них существенны для момента отделения болгарской группы, а которые являются результатом самостоятельного развития в течение длительного периода отдельного существования и сепаратных (по отношению к другим тюркам) контактов. Первый этап («the Pre-Conquest Layer») [Róna-Tas 1992: 752, в русскоязычной литературе – «до Переселения»] – это заимствования, происходившие при тесном контакте древневенгерского языка с болгарским до прихода венгров на нынешнюю территорию (до X в.).

Эти контакты, учитывая, по-видимому, одновременный контакт венгров и болгар с аланами, (т.е. данные заимствований прежде всего из предка осетинского языка в венгерский и из болгарского в осетинский), локализуют либо в Волго-Камском регионе, либо, скорее, – как попытался показать в своих последних статьях А.Рона-Таш (основываясь на заимствованных названиях растений: [Róna-Tas 2005, 2005a]) – в Доно-Кубанском регионе. Вторым пластом тюркских заимствований обычно считают «кумано-печенежскую» лексику, проникшую в венгерский в X - XIII вв. К сожалению, разделить «печенежские» и «куманские» заимствования в венгерском не представляется возможным (хотя в отдельных случаях такие гипотезы и предлагаются в этимологической литературе). К этой группе, по-видимому, относятся все формально не-болгарские ранние заимствования, характер которых определяется по ранней фиксации и прошедшими в старовенгерском в их фонетике процессам.

Кажется необходимым, однако, выделять еще чуть более ранние контакты с дунайско-болгарским, уже обосновавшимся на территории Болгарии (с VII в.), возможно, частично через славянское посредство (о некоторых возможных заимствованиях в венгерский из дунайско-болгарского через славянский писал еще Л. Лигети). Заметим, что заимствования из дунайско-болгарского и кумано-печенежского в венгерский протекают примерно в одно и то же время и должны подвергаться одним и тем же правилам адаптации. Есть еще одна, довольно небольшая и проникающая как экзотизмы группа «послемонгольских» кыпчакских заимствований, скорее ногайского типа. Наконец, имеются поздние (после XIV в.) турецкие заимствования в венгерский, которые относительно легко определяются.

Итак, на основании предложенной в статье [Дыбо, Норманская 2013] классификации заимствований представляются целесообразными, во-первых, поиск новых заимствований в тематических группах, наиболее подверженных про-никновению новых слов, в первую очередь, в «культурной лексике»; во-вторых,

классификация их по описанным выше принципам. Такой подход позволит уточнить время, место и степень интенсивности взаимодействия между тюркскими и финно-угорскими народами.

Ниже мы рассмотрим названия одежды, заимствованные из тюркских языков в финно-угорские: мордовские, марийский, коми, удмуртский, хантыйский, мансийский, венгерский языки.

Мордовские языки

Заимствования исконной татарской лексики.

Ранние старотатарские заимствования

- мокш. *kesak* (M:P Jurtk), эрз. *kesak* (E:Mar Kad Kal Kažl Večk NSurk Ššant Gor Va) 'моток' [Paasonen 729] < тат. *кисәк* 'моток' [Ахметьянов II: 76] < ПТю **kes-* [EDAL; VEWT: 257, ЭСТЯ 5: 55-57, 58].

- эрз. *t'ošak* (E:Atr, Večk, NBajt, Jeg, Va) 'перина' [Paasonen: 2411] < тат. *түщек* 'перина' < ПТю **döle-* 'расстлать (циновку), циновка, подстилка, тюфяк' [Ахметьянов III: 188; EDAL; ЭСТЯ III : 335; Федотов II : 265-266].

Современные татарские заимствования

- эрз. *košta* (E:Mar Večk Ššant) 'кошма' [Paasonen 877] < тат. *кошма* 'войлочный плащ' или рус. *кошма* 'войлок из овечьей шерсти'; ПТ **kol-* 'сдваивать, соединять, смешивать; валять' ЭСТЯ 90-93.

Заимствование, время которых установить не удастся

- мокш. *uškar* (M:Sp) 'гашник (шнурок для завязывания брюк)' [Paasonen: 2487] < тат. *ычкыр* 'гашник, поясок' < ПТю *ič* 'внутренность' + *kur* 'пояс' [Ахметьянов IV: 114; VEWT : 168; EDAL];

- мокш. *jabəñcä* (M:Pš), *jabeñcä* (M:P), *jarəñcä*, *jarəñca* (M:Sel), эрз. *jabiñca* (E:Večk), *jabiñca* (E:Kažl) 'покрывало' [Paasonen: 476] < тат. диал. *ябынча* 'плащ, женское покрывало' < ПТю **jar-* 'покрывать; закрывать (дверь)' [Ахметьянов IV: 134; EDAL].

- мокш. *šiblək* (M:P), *žiblək* (M:Sel), *čibələk*, *čibəlak* (M:Sučk), *šiblik* (M:Prol), эрз. *čibilik* (E:Večk Is Va), *šiblak* (E:Samara) 'полог' [Paasonen: 169] < тат. *чыбылдык* 'полог, занавес'; (См. Дыбо 1996, 157: Слово, встречающееся в вариантах *čimildirik/čibildirik/čimildirik/čibildirik* (или *-dik*), со значением 'балдахин, занавеска, за которой сидит невеста', перен. 'повилика' и традиционно этимологизируемое как 'занавеска от мух' (к *čibin* 'муха'), скорее всего, сближается с названием мухи вторично, вследствие народной этимологии. Фонетическое варьирование основы и «культурный» характер значения позволяет предполагать здесь заимствование из чагат. *čimildirik*, производного от глагола *čim-* 'вышивать', заимствованного из ср.-монг., ср. ср.-монг. *čimektə perde* 'вышитая занавеска' МА 133.).

Заимствования неисконной татарской лексики.

- мокш. *šokä* (ChrM M:P), *čoka* (M:Sel); эрз. *šoko* (ChrE), *čoko* (E:Mar Večk Atr Sob StZach), *čokä* (E:Petr), *čoku* (E:Kal) 'кисть, бахрома, пучок, вихор' [Paasonen 183] < тат. *чук* 'бахрома, кисть'; чаг. *čok* [VEWT: 128; Ахметьянов IV: 59: китаизм?];

- мокш. *butar* (M:Sel) 'имущество, пожитки, тряпки', [Paasonen: 152] < тат. *бөктәр* 'узел; заплечный мешок' < монг. *бөктүр*, *бөктэр* 'узел; заплечный мешок' [Ахметьянов I: 144].

Заимствования из персидского или арабского языков через татарский

- мокш. *šerä*, *šerä* (M:P), *šerä* (M:Pš), *šerä* (M:Gor Vod), *žerä* (M:Sučk), *žer* (M:Temn) 'карман', эрз. *žere* (E:Mar Atr Gor Večk Is Vez Kozl), *žerä* (E:Ba) 'карман'

- [Paasonen: 2136] < тат. *жип* 'карман на груди' < перс. *džib* 'карман' [Ахметьянов I: 202; Рубинчик 1985 I: 453];

- мокш. *oka* (M:P Katm) ‘золотая или серебряная нить, позумент’ [Raasonen: 1439] < тат. *ука* ‘золотой или серебряный позумент’ [Ахметьянов III: 198] < ? араб. *зукка* или *окка* ‘золотой или серебряный позумент’ [Фасмер 3: 129];
- эрз. *čarčav* (E:Mar), *šaršav* (E:VVr Is), *šarčav* (E:?Bug) ‘занавеска’ [Raasonen: 219] < тат. *чаршаву* ‘занавес’ < перс. *čadoršāb* ‘кусоч материи (для за-вертывания постельных принадлежностей’ [Ахметьянов IV: 22; Рубинчик 1985 I: 456];
- мокш. *tak’jä* (M:Sel), *tak’ijä* (M:Sp) ‘шапка’ [Raasonen: 2258] < тат. *такия* ‘женская шапочка’ < перс. *tākje* ‘большой шатер, пристанище дервишей’ [Ахметьянов III: 85; Рубинчик 1985 I: 392];
- мокш. *čunžar*, *čunžar* (M:P), *čunžar* (M:Pš), *čindär* (M:Prol), *čändär* (M:Jurtk), эрз. *činder’* (E:Večk), *šinder’* (E:Jeg) ‘пробой у дверей, цепи, оковы’ [Raasonen: 176] < тат. *зынжыр* ‘цепь, цепочка; кандалы’ < перс. *zāndžir* ‘цепь, цепочка’ [Ахметьянов I: 213; Рубинчик 1985 I: 767].

Марийский язык

Займствования в марийский язык из болгарского языка исконной тюркской лексики.

- Л. *ólto* ‘ластовица (четырёхугольная вставка под мышкой)’, Г. *áltu* ‘ластовица (в рубахе и т.п.)’ < булг., чуваш. *ульть*, которое может быть рефлексом **altī* из сочетания *qoltuq altī* (букв. ‘низ подмышки’) ‘подмышечная впадина’ (тур., гагауз., азерб.), ‘ластовица’ (азерб.); ср. аналогичное образование с другим словом для «низ»: *qoltuq astī* тат., казах., узб. ‘подмышка, подмышечная впадина’ [Дыбо 1996: 155].
- Л. *аҥ* ‘полотнище; ширина полотна, холста’, *аңушур* ‘узкий (в ширину, в поперечнике)’, Г. *аңгысур* ‘узкий’ < булг., чув. *ан* ‘ширина’ < ПТю **ēŋ* [Федотов I: 42].
- В. *jakár kúryk* ‘шуба с вылезшей шерстью’ < булг. чув. *яка* ‘гладкий’ < чув. *кёрёк* ‘шуба’ [Федотов I: 280] < ПТю **kürk* ‘мех, меховая одежда’ [ЭСТЯ 5: 148]
- Л. *jolvá* ‘кисть, бахрома; сережки (соцветие деревьев)’, Г. *jaláva* ‘кисть (украшение)’ < булг., чув. *ялав* ‘флаг’, [Федотов II: 498] < ПТю **jala-ga* ‘лента на шапке, кисть, бахрома, завязка’ [ЭСТЯ 1989: 99–100; VEWT: 181]⁸.
- Л. *kandan-úštö* ‘пояс, сотканный из шерстяных ниток’ < булг., чув. *кантӓра* ‘веревка, бечевка’, [Федотов I: 224], ПТю **kendir* (**kentir*) ‘конопля’ EDT 729, VEWT 252, ЭСТЯ 5, 39-40, СИГТЯ 2000, 127-128. Тюрк. > венг. *kender* (Gombocz 1912); > рус. *кендырь* (Аникин 282).
- Г. *kómzu* ‘голенище’ < булг., чув. *кунча*, *конча* ‘голенище’, [Федотов I: 308] < ПТю **Konč* ‘голенище’ [EDAL; ЭСТЯ 6, 58-59, Федотов 1, 308].
- Л. *пӓргенчык* ‘платок, которым невеста покрывает голову’, мар.Г. *пӓрканзык* ‘старинный широкий женский пояс’ < булг., чув. *пёрке* ‘покрывать’, [Федотов I: 423] < ПТю **bürü-*, **bür-ke-* ‘покрывать, закрывать’ [EDT: 363, 367, ДТС: 133, VEWT: 92, ЭСТЯ 2: 296-298].
- Л. *sólyk* ‘полотенце с вышитыми концами (повязывают голову победителю во время сабантуя; также повязывает невеста жениху); платок’ < булг., чув. *сулак* ‘платок, надеваемый женихом во время свадьбы’, [Федотов II: 132] < ПТю **jaglik* [Ахметьянов IV: 159].
- Л. *soxa* ‘воротник; женское украшение из монет (вешают на грудь раздвоенным концом книзу)’ < булг., чув. *суха*, *соха*, [Федотов II, 146] < ПТю **jaka* ‘воротник; край’ [VEWT 180, 82-83, EDT 898, ЭСТЯ 4, 82-84].

⁸ Займствовано в ст.-рус. *еловец*, род. п. *-вца* ‘кусоч ткани, флажок, султан на шлеме’, XVII в. В [Фасм. 2: 16–17] ошибочно к **еломь* от кыпч. *alat* ‘знамя’. Этимология исправлена в [Рорре: 45].

- В. *sösá* 'кисть, бахрама' < булг., чув. *су́се* 'кисточка без бисера', [Федотов II: 151] < ПТю **sačuk* 'бахрома, платок с бахромой' [EDAL; VEWT 392, EDT 795, 796].

- Л. *šer* 'бусы'; *šerláš* (2) 'низать, нанизывать (бусы)', В. *šyrčá* 'бусы' < булг., чув. *шърча, шърча* 'бусы', [Федотов II: 449] < ПТю **siričga* 'стекло, горный хрусталь' [EDAL; EDT 846, VEWT 419, ЭСТЯ 7]

- Л. *taván* 'пятка; каблук; подкова' < булг., чув. *такан* 'подкова', [Федотов II: 164] < ПТю **tĀkan* 'подвеска, козлы, тренога, котел', [EDAL]

- Встретилось также два примера, которые могли бы считаться заимствованиями из какого-то тюркского языка типа чувашского по рефлексам гласных. Однако а) в чувашском рефлекс соответствующих тюркских корней незафиксированы; б) марийский здесь отражает начальное *č как *j-*, при нормальном отражении *s* (< чув. *ś* < ПТю *č - см. выше). А как *j-* нормально отражается в марийском татарское *ž*, см. ниже. Вопрос остается открытым; не может ли дело быть в каком-то языке-посреднике, который в период, когда в среднебулгарском уже не различались **j-* (> чув. *ś*) и *č- (> чув. *ś*), воспринял бы соответствующий звук как звонкий *ž* и так передал бы эти слова предкам марийцев.

- Л. *jalpáj* 'сафьян' < ПТю **čEl* 'пленка, кожица, подмездрина, бельмо, глазной гной, нешелушенный рис, тонкая лепешка, шелуха в крупе' > тат. *cilen* 'коровий послед', [VEWT: 103, EDT: 418-419].

- Л. *jorpák* 'лохмотья, рваные клочья, рваный клоч' < ПТю **čepürek* 'тряпка, лохмотья, изношенная одежда' > тат. *čüprek* 'тряпка, лохмотья' [EDT: 398, VEWT: 118].

Заимствования в марийский язык персидской лексики через чувашский язык.

- Л. *ислык, слек, слык* 'шляпа' < чув. *селёк, е́лёк* 'шапка' [Федотов II: 107] < перс. *jäläk* 'род головного убора' [Рубинчик II: 750].

- Л. *кусен, Г. кыйшен* 'карман' < чув. *касия, ке́ссе* 'карман'⁹, [Федотов I: 285] < перс. *kise* 'мешок, куль, сумка, кошелек' [Рубинчик II: 378].

- Л. *pórsyn* 'шелк', Г. *pársyn* 'шелк' < чув. *пурсай* 'шелк' [Федотов I: 447] < перс. *äbrišäm/ äbrišom* 'шелк'..

- Л. *šarpán* 'женский головной убор в виде полотенца, вышитого с обоих концов и по краям (у замужних луговых мариек)' < чув. *сурпан, сорпан, сорван* 'род вышитого полотенца, которым чувашские женщины обертывают голову (у низовых), шею (у верховых)', [Федотов II: 67] < перс. *särbänd* 'повязка на голове' [Рубинчик II: 26].

Заимствования в марийский язык из татарского языка¹⁰.

⁹ Фонетически с точки зрения адаптации гласного первого слога заимствование из тат. *кесө* менее вероятно.

¹⁰ Маловероятным кажется заимствование мар. Г. *jáštyk* 'клин в одежде' ? < тат. *ястык* 'перина, подушка', диал. *жастык* 'широкая подушка; подстилка' [ЭСТЯ 4 : 154-155]. Здесь не рассматриваются 1) В. *katá* 'ботинки, ботинок', для которого предполагалось (Ахметьянов 2, 43) заимствование < тат. *ката* 'тапки, коты; поршни, поскольку более вероятной представляется уральская этимология марийского слова, ср. коми *kot*, удм. *kut* 'обувь из одного куска кожи, валенки', ненец. *хуты* 'сапог', на связь этих слов с марийским указывается в [Аникин 2000: 319]. Можно так же указать на возможность сопоставления этих слов с сельк. *каде* 'ботинок; ботинки; сапог; сапоги; бродни' [Быкопя 2005]. 2) Для Л. *yštyr* 'суконая онуча'; Г. *эштыр* 'то же', которое имеет уральскую этимологию и, по мнению Е.А.Хелимского [Marginalia 2007], является рефлексом ПУ **jaje* [UEW: 90], предполагается, наоборот, заимствование в татарский язык.

Ранние старотатарские заимствования

- Л. *utrák* 'стелька (в лаптях)' < тат. *олтырак* 'стелька', [Ахметьянов II: 218] < ПТю **ul* 'дно, основание, подошва, подметка' [EDAL, EDT 124, 131, ЭСТЯ I, 449-451].

- В. *eták* 'кайма (узкая полоса материи, нашитая на полу платья)' < тат. *итэк* 'подол, юбка' < ПТю **Etek* 'подол, край одежды' [VEWT: 52, ЭСТЯ I: 313, Ахметьянов I: 234].

Заимствования, время которых определить не удается

- В. *jalúk* 'головной платок' [Raasonen: 2346] < тат. *яулык* [*jawliq*] 'платок' < ПТю **jag-lik* [Ахметьянов IV: 159].

- Г. *kóem* 'тесма' < тат. *кайма* 'кайма, бордюрь' [Ахметьянов II : 16] < ПТю **Кап* 'край, кайма' [EDAL, VEWT 221, Федотов 2, 338].

- Л. *našmák* 'часть головного убора женщин в виде короткой широкой ленты' < тат. *нашмак* 'головной убор невесты в виде широкой ленты, прикрывающий лоб и лицо (остаются видными только глаза); вуаль; покрывало' [Ахметьянов II: 205]. Происхождение слова неясно. Фонетически неубедительной выглядит гипотеза, предлагаемая в [Ахметьянов II: 205] о происхождении тат. *нашмак* < ПТю **jaš-* 'укрывать, покрывать'.

- В. *syrgá* 'название нагрудного женского украшения' < тат. *сырга* [Ахметьянов III: 77] < ПТю **sirga* 'серьга' [VEWT: 419, ЭСТЯ 7, Федотов II : 31].

- В. *časák* 'женское украшение из серебряных монет'? < тат. *чачак* 'бахрома' [Ахметьянов IV: 25] < ПТю **sačuk* 'бахрома, платок с бахромой' [EDAL; VEWT 392, EDT 795, 796].

Заимствования в марийский язык неисконной тюркской лексики через татарский язык.

- Л. *такя*, Г. *тайха* 'девичий головной убор' < тат. *такя* 'женская шапочка' < перс. *tákje* 'большой шатер, пристанище дервишей' [Ахметьянов III: 85; Рубинчик 1985 I: 392].

Л. *kásnyk* 'опушка (обшивка) во верхнем краю брюк (материя шириной в 2–3 пальца, которая пришивается по верхним краям штанов, образуя верхний край брюк)', Г. *käsnyk* 'то же' < тат. **каснэк* («в татарском языке это слово не закрепилось» [Ахметьянов II: 23]) < рус. *косник*, *накосник* 'тесма с монетами, которая вплетается в косу'.

Удмуртский язык

Заимствования из болгарского языка.

- *kudjri* (J) 'околыш шапки' [Wichmann 1987: 128a] < чув. *xýtě* 'защита, прикрытие' [Федотов II: 377-378] < ПТю **kūt-* 'закрывать, защищать' [VEWT: 312].

Заимствования из старотатарского языка.

- *kušaga* (MU) 'вид платка', [Wichmann 1987: 134b] < тат. *кушак* 'кушак, широкий пояс (ямщиков)' [Ахметьянов II: 116]; < ПТю **Koša-* (**Kula-*) 'подпоясывать, пояс, кушак' [EDAL].

- *böz* (J) 'хлопчатобумажный платок', [Wichmann 1987: 20b] < тат. *бүз* 'грубая белая хлопчатобумажная ткань (на толстых нитках), миткаль, колленкор' [Ахметьянов I: 158] < ПТю **böz* [Ахметьянов I: 158; ЭСТЯ II: 102]

Татарские заимствования, для которых более точное время установить не удается

- *iñzi* (M), *iñdžj* (MU), *indži*^(U) 'кнопка на рубашке, раковина' [Wichmann 1987: 40a] < тат. *энже* 'жемчужина' [VEWT: 203] < кит. *žen-žj*.

- *karjrtan* (G), *karjrtma* (U) 'одежный крючок', [Wichmann 1987: 89b] < тат. *каптырма* < ПТю **Kap-* 'брать, хватать, кусать' [EDAL; ЭСТЯ V : 271-273].

- *bařmak* (G MU) ‘ботинок, башмак’ [Wichmann 1987: 15b] < тат. *башмак* ‘башмак, туфля’ [Ахметьянов I: 117] < ПТю **bAl-mak* ‘ботинок, обувь’ [EDAL, EDT 382-383, ЭСТЯ 2, 93-95].

- *ĩsalma* (S M J), *ĩsũma* (J), *ĩsalma* (U) ‘женский головной платок (длинный, узкий)’, [Wichmann 1987: 278b] < тат. *чалма* ‘чалма’ [Ахметьянов IV: 14] < ПТю **č(i)al-* ‘тюрбан, аркан, лассо, заплетать, заворачивать’ [EDAL; VEWT: 97].

Заемствование неисконной тюркской лексики через татарский язык

- *kalpak* (M U), *kãurak* (J MU) ‘головной убор девочек’, [Wichmann 1987: 88a] < тат. *калпак* ‘заглушка (самоварной трубы), (ТТДС I : 189) вид женского головного убора, валяная шапка без наушников’ [Ахметьянов II: 224] < перс. *kolah* ‘шапка’ [Рубинчик II: 339]

- *kata* (M MU U) ‘башмак женщины’, [Wichmann 1987: 94] < тат. ‘тапки, коты; поршни’ < мар. В. *katã* ‘ботинки, ботинок’, которое, вероятно, имеет уральскую этимологию, ср. коми *kot*, удм. *kut* ‘обувь из одного куска кожи, валенки, ненец. *хумоги* ‘сапог, сельк. *каде* ‘ботинок; ботинки; сапог; сапоги; бродни на связь этих слов с марийским указывается в [Аникин 2000: 319; Быконя 2005].

- *puto* (G J MU) ‘сотканный пояс’, [Wichmann 1987: 214a] < тат. *пута* ‘широкий пояс, карниз дома (снаружи)’ [Ахметьянов III: 16] < перс. *fute* ‘кусочек ткани, которым обматывают нижнюю часть тела в бане, полотенце, салфетка’ [Рубинчик II: 245].

- *takja* (M J), *takja* (MU U), *taja* (MU) ‘головной убор девочек’, [Wichmann 1987: 256a] < тат. *такья* ‘женская шапочка’ < перс. *tãkje* ‘большой шатер, пристанище дервишей’ [Ахметьянов III: 85; Рубинчик 1985 I: 392].

- *uko* (S M J MU U) ‘серебряная нить’ [Wichmann 1987: 294a] < тат. *ука* ‘золотой или серебряный позумент’ [Ахметьянов III: 198] < ? араб. *зукка* или *окка* ‘золотой или серебряный позумент’ [Фасмер 3: 129];

Хантыйский язык

Заемствования в хантыйский язык из сибирско-татарских диалектов.

- *aħ* (DN) ‘миткаль, белая ткань, которая используется как платье для жертвы’, [DEWOs: 26] тат. *ак* ‘белый’ [Ахметьянов I: 51] < ПТю **ãk* [VEWT: 12].

- *kãurã* (V, Třj) ‘два шнура для привязывания одежды или обуви без кнопок’, *kãurã* (Vj) ‘галстук’, *kãurã* (VT) ‘шнурки, завязки на одежде, обуви, оборки’, *kãurã* (J) ‘пуговица’, *kãurã* (DN Kř) ‘галстук’, *kãurã* (Ts) ‘рубашка’, *kijã* (Ni Š Mul) ‘пуговица’, *kijã* (Kaz) ‘шнурки’, *kijã* (Sy) ‘малица’, *kijã* (Sy) ‘шнурки’, *kijã* (PB) ‘пуговица’ [DEWOs: 605] – манс. *kãurã* (KU-M) < тат. *kũrã* ‘веревка, к которой привязывают барашков – она имеет петли с пуговками, обхватывающие шеи животных’ [Ахметьянов II: 128] < ПТю **kõken* ‘веревка’ [ЭСТЯ 2000: 93-94]

- *pãřmaħ* (KoP) ‘башмак’ [DEWOs: 1099] < тат. *башмак* ‘башмаки, туфля’ [Ахметьянов I: 117] < ПТю **bAl-mak* ‘ботинок, обувь’ [EDAL, EDT 382-383, ЭСТЯ 2, 93-95].

- *sarawãt* (DN), *sařãwãt* (Kam), *sařawãt* (KoP), *sarawãt* (Kř) ‘налобник, головная повязка женщин, вышитая жемчугом’ [DEWOs: 1377] < тат. *саравыч* ‘платок, надетый козырьком над глазами’ [Ахметьянов III: 37], сиб.-тат. *саравуыц* ‘головной убор старух; налобник’ [Тумашева 1992: 185-186] < ПТю **řar(a)-* ‘окутывать, обматывать’ [ЭСТЯ 2003: 201-202].

- *šãurã* (Vj) ‘армяк’, *šãurã* (J) ‘сермяжина’ < тат. *sũkmãn*, *sãwkmãn* (KoP) ‘сермяжина’ [Ахметьянов III: 71], сиб.-тат. *сукман* ‘армяк’ [Тумашева 1992: 195], *sukmãn* (Ni, Kaz) ‘грубый наполовину шерстяной платок для верхней юбки’ [DEWOs: 1318] < рус. *сукман*. О разных возможностях этимологизации см [Фасмер III: 798-799].

- *-tawrāk* (VT), *-tawrak* (V) 'тряпица', *tāprāk* (Tṛj) 'шарф', *tāprek* (J) 'лоскуток, шарф', *tāprak* (SalT), *tāprāk* (DN, Kṛ) 'тряпица', *tāprāk* (KoP) 'лоскуток, шарф' [DEWOs: 1530] < тат. *чунрак, чунерак* 'тряпка, тряпье' < ПТю *čöprek [Ахметьянов IV: 71].

- *ürmä* (DN, KoP, Koš, Kṛ, Sog) 'рукавица' [DEWOs: 171] < тат. *ürmä* 'связанное', сиб.-тат. *Örmö* 'плетеное' [Тумашева 1992: 166] < ПТ *ör- 'плести, вязать' [ЭСТЯ 1: 544-546].

Заемствования неисконной тюркской лексики через сибирско-татарские диалекты

- *toḡim* (KoP) 'потник', *dhlogem* (Irt) 'штаны' [DEWOs: 740] < сиб.-тат. *töyüt* 'потник' [Тумашева 1992: 213] < монг. *toqum*, [СИГТЯ 2000 544-545].

- *šaj* (Vj) 'одежда' [DEWOs: 243] < сиб. тат. *šaj* 'прибор; убор, комплект; снаряжение' [Тумашева 1992: 248; Ахметьянов IV: 83]¹¹ < перс. *šej* 'вещь, предмет' [Рубинчик II: 122].

Мансийский язык

Заемствования в мансийский язык из сибирско-татарских диалектов.

- *čemčurä* (T) 'башмак', [Munkácsi 1986 : 592] < тат. оренбургский диал. *чанчур, чәнчур, чакиур* 'чувяки, сшитые из кожи домашней обработки' [ТТДС: 476] < перс. *čāqšūr* или монг. *чакчуур* 'вид обуви' [Ахметьянов 2004, 4, , 12]

- *čulkhaḡ* (T) 'чулок', [Munkácsi 1986: 605] < тат. диал. *чолка, цёлка, цылка, чолка, чулка, чылка, чөлкә, чилкә* 'носки, чулок' [ТТДС I : 467, 489, 491, 496] < ПТю *čig 'связка, связывать, упаковывать, обматывать' [VEWT: 119, EDT: 405, 407].

- *jaulaḡ* (LM), *jāoḡoḡ* (T) 'платок', [Munkácsi 1986: 152a] < тат. *яулык* [йаулык] 'платок' < ПТю *jaglik [Ахметьянов IV: 159].

- *jaḡi ~ jaḡä* (N), *jaḡh* (K) 'малица, шуба с капюшоном', [Munkácsi 1986: 164a] < сиб.-тат. *jayi* 'шуба', [Тумашева 1992: 64] < ПТю *jaku 'плащ, шуба' [EDAL; ЭСТЯ 4: 60-61; СИГТЯ 2000 476].

Венгерский язык

Заемствования в венгерский из болгарского языка

- 1. Венг. *sariü* 'ботинок' [MNYTESz 3: 497] < ПТю *čar- 'обвивать', [VEWT: 101].

- 2. Венг. *gyarjú* 'шерсть' < ПТю *jaraḡu < *jAp- 'масса, клубок волос или шерсти', [EDT: 870, 874-875; ЭСТЯ 4: 125-126].

- 3. Венг. *gyapot* 'хлопок', [MNYTESz 1: 1121], ср. крх. МК *jar-gut* 'войлок' [EDT: 874], см. предыдущее слово.

- 4. Венг. *gyúru*, [MNYTESz 1: 1141] < ПТю *jürük 'перстень', [EDT: 986; VEWT: 214; TMN 2: 146, 147-148; ЭСТЯ 1: 623-625, 4, 260, 261-262].

- 5. Венг. *gyöngy* 'жемчуг' [MNYTESz 1: 1134] < ПТю *jinčü 'жемчуг'.

- 6. Венг. *ēk* 'клин в одежде' < ПТю *āk 'клин в одежде'.

- 7. Венг. *tiló* 'трепало' [MNYTESz 3: 918-919] < ПТю *tälku 'мялка' [EDT: 496; Федотов 2: 266].

- 8. Венг. *bársony* 'парча, бархат' [MNYTESz 1: 254-255] < ПТю *bārčun.

- 9. Венг. *telek* 'ремень, ремешок' < ПТю *tilök < *til- 'резать на ломтики.

Заемствования в венгерский из дунайско-болгарского языка

- 1. Венг. *ing* 'рубашка' < ПТю *oḡmāk < *oḡ 'перед'.

¹¹ В [Ахметьянов IV: 83] предполагается связь татарского слова с древнетюркским *šaj-jarḡ* 'панцырь, древнетюркское на самом деле *šaj jaryq* [EDT: 858] зафиксировано только у Махмуда Кашгарского. Возможно, заимствовано из китайского по [EDT: 858]. В [VEWT: 440] приводятся формы чаг. *šaj-la-* 'готовить', каз. *сай-ла-* 'приводить в порядок, которые, возможно, заимствованы из монгольских языков.

- Заимствования в венгерский из ранне-кыпчакского или (дунайско)-булгарского языка
- 2. Венг. *kalpag* ‘ меховая шапка’ [MNYTESz 1: 330] < ПТю **Kalpak* ‘ шапка, шляпа’ [ЭСТЯ 5: 234-235]. Ср. славянское **klobukъ*, засвидетельствованное для XII в. Венг. считается турецким заимствованием, однако ср. конечное -g, что предполагает более ранний слой.
- Заимствования в венгерский из ранне-кыпчакского (куманского) языка:
- 1. Венг. *szirony* ‘ кожаный ремешок’ [MNYTESz 3: 764] < ПТю **sidrim* от ПТю **sidir-* ‘сдирать’ [EDT: 802, VEWT: 414, Федотов 2: 439]. Вопреки [EWUng], ранний (по фиксации) источник заимствования не может быть болгарским, поскольку отсутствует отражение болгарской палатализации *s* > *š* перед **i*.
- 2. Венг. *kīus* ‘ войлок, фетр’ < куманского **kijiz* ‘ войлок’ < ПТю *kiδiz* ‘ войлок’.
- 3. Венг. *csat* ‘ пряжка, застежка’ [MNYTESz 1: 484] < ПТ **čat-* ‘соединять’ [VEWT: 101], ср. тур. *çati* ‘каркас, сочленение’. Как предполагается в [EWUng], в венг. обратное отглагольное образование.
- 4. Венг. *kecse* ‘ войлочное покрывало’ [MNYTESz 2: 419] < ПТю **keče* ‘ войлок, кошма’, [EDT: 694b, Федотов 1: 287]. Огузско-булгарское слово. В [MNYTESz 2: 419] предполагается, что венг. форма заимствована из турецкого; но формально возможен также дунайский булгаризм.
- Заимствования в венгерский из позднекыпчакского языка (послеордынские, т.о. ногайские, из Крымского ханства; присутствуют монголизмы):
- 1. Венг. *daku* ‘шуба’, [MNYTESz 1: 588], ср. монг. *daqu* ‘шуба’, ср.-монг. *daqu* (SH), [KWb: 72, MGCD: 205, TMN 4: 283-284]. Заимств. в тюрк.: чаг. *daqu*. Венг. слово по [EWUng] вслед за Л. Лигети считается заимствованием из незафиксированного куманского; мы бы предпочли считать его поздним кыпчакским заимствованием.
- Заимствования в венгерский из турецкого языка.
- 1. Венг. *csalma* ‘чалма’ [MNYTESz 1: 474] < тур. *çalma* ‘чалма’ < ПТю **č(i)al-* [EDT: 420, VEWT: 97].
- 2. Венг. *csiriz* ‘сапожный клей’ [MNYTESz 2: 541] < тур. *çiriş*. Позднее, возможно турецкое, заимствование с передачей *i* источника венг. *i*.
- 3. Венг. *csibuk* ‘чубук’ [MNYTESz 1: 519] < тур. *çibik, çubuk* < ПТю **čip* ‘ветка’, [EDT: 393, 395, VEWT: 106, Федотов 2: 403-404]. По [MNYTESz 1: 519] - позднее турецкое заимствование, возможно также позднее кыпчакское.
- 4. Венг. *deli* ‘солдат; статный; короткие сапоги’ [MNYTESz 1: 608-609] < тур. *deli* ‘безумец; солдат из боснийской или албанской охраны великого визиря’ (сапоги - деталь обмундирования) < ПТю **dejl(b)e-* ‘сумасшедший, глупый’, [EDT: 493, VEWT: 472, ЭСТЯ 3: 214-216].
- 5. Венг. *körönyeg, köpönyű* ‘плащ’ [MNYTESz 2: 616] < тур. *kepeneg, köpeneğ* < ПТю **kepenek* ‘плащ’, [ЭСТЯ 5: 48-49]. Огузо-кыпчако-карлукская форма может быть связана с **köpe(n)* ‘(стеганое) изделие из войлока’: крх.-уйг. *köben* ‘войлочная подкладка под верблюжье седло’ МК, тур. *köpen* ‘вид ткани или ковра’, чаг. *köpen (köpen)* ‘верблюжья попона’ [EDT: 688, ЭСТЯ 5: 108]. В венг. наблюдается переразложение. Для венг. возможно как куманское заимствование, так и более позднее турецкое (вряд ли ногайское кыпчакское: нет озвончения -b-); куманское лучше объясняло бы -g.

Заключение

Результаты проделанной работы по классификации и периодизации тюркских заимствований в системе финно-угорских названий одежды можно представить в виде Таблицы 5 (см. с. 59–60).

Обзор тюркских заимствований в системах названий одежды показывает интенсивность контактов носителей финно-угорских языков с тюркскими племенами, начиная с V в. н.э. и до настоящего времени. Кратко для каждого из финно-угорских языков подведем итоги результатов этих контактов в области названий одежды.

Носители мордовских и удмуртского языков имели значительно более тесные связи с татарами, чем с носителями языка «чувашского типа», причем как до, так и после XV в. Но основное количество заимствованных названий одежды в мордовских и удмуртском языках не являются исконно тюркскими, а проникли через татарский язык из персидского или арабского языков. Обращает на себя внимание и то, что в большинстве случаев заимствовались одни и те же слова, например, в нескольких финно-угорских языках встречаются заимствования перс. *džib* 'карман' [Ахметьянов I: 202; Рубинчик 1985 I: 453]; араб. *зукка* или *окка* 'золотой или серебряный позумент' [Фасмер 3: 129]; перс. *täkje* 'большой шатер, пристанище дервишей' [Ахметьянов III: 85; Рубинчик 1985 I: 392] и т.д. Ясно, что эти слова обозначали популярные детали или предметы одежды, которые стали активно использовать как тюркские, так и финно-угорские племена. Интересно, что собственно тюркских заимствований в названиях одежды мордовских и удмуртского языков вообще весьма мало и они принадлежат к опеределенным лексическим группам: в мордовских – это названия ниток, пряжи и постельных принадлежностей, а в удмуртской – шапок.

В марийском языке также присутствуют персидские заимствования, фактически те же слова, что и в мордовских и удмуртском языках. Собственно татарские заимствования тематически близки к тем лексемам, которые были переняты удмуртами: обозначения головных уборов и названия украшений. Существенным отличием от мордовских и удмуртского языков является большое количество заимствований из болгарского языка, датируемых довольно ранним периодом IX–XI вв. – временем существования Великого Булгара¹². Наличие интенсивных контактов марийцев с носителями среднеболгарского языка в IX–XI вв. подтверждается и археологическими данными.

В хантыйском и мансийском языке зафиксировано определенное количество заимствований из сибирско-татарского языка, которые, вероятно, начали появляться в этих языках, начиная с рубежа I–II тыс. н.э. [Могильников 1997].

Наибольшее количество заимствований из тюркских языков, как из болгарского, так и из кыпчакского, представлено в венгерском. Несколько слов заимствовано в венгерский и из турецкого языка, но они описывают, в основном, специфические этнографические реалии: 'чалму', 'сапожный клей', 'чубук', 'особый вид сапог'.

Итак, проведенный анализ показывает, что, несмотря на большое количество «тюркских» заимствований в финно-угорских языках в названиях одежды, интенсивные контакты были не с татарами, а у марийцев и венгров с булгарами причем весьма рано в I – самом начале II тыс. н.э. А большинство более поздних «татарских» заимствований являются на самом деле адаптацией персидских, а в конечном счете, арабских популярных деталей и предметов одежды, освоенных большинством тюркских и близкими к ним финно-угорскими народами (мордвой, мари, удмуртами) в середине и конце II тыс. н.э.. Это значит, что какие-то детали татарского костюма не были столь популярны, а реально то, что перенималось (было самым модным) – это персидско-арабские фасоны. У татар же заимствовали определенные народы конкретные разные группы лексики: мордва

¹² Подробное обоснование именно такой датировки заимствований «чувашского» типа в марийском языке см. в [Норманская 2008].

– названия постельных принадлежностей, удмурты и мари – головных уборов, мари еще – украшений.

Литература

Аникин 2000 — *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.; Новосибирск, 2000.

Ахметьянов 2004 - *Ахметьянов Р.Г.* Татар теленең этимологиясы. Дүрт томда. Том 1(А – Й). – Бирск, 2004; далее – в печати.

Бутылов 1998 – *Бутылов Н.В.* Тюркские заимствования в мордовских языках. : дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1998.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

Дыбо 1996 – *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). – М., 1996.

Дыбо 2007 — *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. – М.: Вост. лит-ра, 2007.

Дыбо 2009 – *Дыбо А. В.* Ранние контакты тюркских народов по данным языка // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. – М, 2009.

Дыбо 2010 — *Дыбо А.В.* Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // In Gedenk von E. A. Helimsky. Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 32/33, Hamburg, 2010.

Дыбо 2011 — *Дыбо А.В.* Отражение болгарских палатализаций в болгаризмах венгерского языка // Материалы Международной тюркологической конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», Чебоксары 15–18 сентября 2010 г. – Чебоксары, 2011.

Дыбо, Норманская, в печати — *Дыбо А.В., Норманская Ю.В.* Периодизация тюркских заимствований в финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования, в печати.

Норманская 2008 – *Норманская Ю. В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. – М., 2008.

Рубинчик 1985 — Персидско-русский словарь / Под ред. Ю.А. Рубинчика. Т. I–II. – М., 1970.

Тараканов 1993 – *Тараканов И. В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке: (Удмуртско-тюркские языковые контакты). – Ижевск, 1993.

ТТДС – Диалектологический словарь татарского языка. – Казань, 1969.

Тумашева 1992 – *Тумашева Д. Г.* Словарь диалектов сибирских татар. – Казань, 1992.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – М., 1964–1973.

Федотов – *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. – Чебоксары, 1996.

ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974.

ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М., 1978.

ЭСТЯ 1980 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «Г», «Д». – М., 1980.

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э.В. Севортян, Л.С. Левитская. – М., 1989.

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. — М., 1997.

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. — М., 2000.

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский. — М., 2003.

ЭСТЯ VIII — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Т», «Х», «Ч» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский. Рукопись.

Beke 1914-1915 — *Beke O.* Türkische Einflüsse in der Syntas finnisch-ugrischer Sprachen // *Kéleti szemle*, 15. — Budapest, 1914-1915.

Beke 1935 — *Beke O.* Zur lautgeschichte der tschuwaschischen lehnwörter im tscheremissischen // *Finnisch-ugrische Forschungen*, 23. — Helsinki, 1935.

DEWos — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. — Berlin, 1966-1992.

Donner: 1924 — *Donner K.* Zu den ältesten Berührungen zwischen Samojuden und Turken // *Journal de la Société Finno-ougrienne*, 40. — Helsinki.

EDAL — *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

Fuchs 1937 — *Fuchs D.R.* Übereinstimmungen in den finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen // *Finnisch-ugrische Forschungen*, 24. — Helsinki, 1937.

Gombocz 1912 — *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. — Helsinki, 1912 (MSFOu. XXX).

Gombocz 1912 — *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // *Memories de la Société Finno-ougrienne*, 30. — Helsinki.

Kannisto 1925 — *Kannisto A.* Die tatarischen Lehnwörter im wogulischen // *Finnisch-ugrische Forschungen*, 17. — Helsinki, 1925.

KWb — *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. — Helsinki, 1935.

MGCD — *Menggu yuzu yuyen cidien*. — Qinghai, 1990.

MNyTESz — *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I-III.* — Budapest, 1967-1976.

Munkácsi 1986 — *Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch. — Budapest, 1986.

OWT — *Róna-Tas A., Berta A.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. — Wiesbaden, 2011.

Paasonen 1902 — *Paasonen H.* Über die türkischen Lehnwörter im ostjakischen // *Finnisch-ugrische Forschungen*, 2. — Helsinki, 1902.

Paasonen 1990-1996 — *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I-IV. — Helsinki, 1990-1996.

Poppe — *Poppe N., jn.* Studies of Turkic Loan Words in Russian // *AF 34*. Bonn, 1971.

Räsänen 1920 — *Räsänen M.* Die tshuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — Helsinki, 1920.

Räsänen 1923 — *Räsänen M.* Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — Helsinki, 1923.

Räsänen 1935 — *Räsänen M.* Türkische Lehnwörter in den permischen Sprachen und im Tscheremissischen // *FUF XXIII*, 1935.

Rédei, Róna-Tas 1972 — *Rédei K., Róna -Tas A.* Permi nyelvek ospermi kori bolgar-torok juvevenszavai. - *Nuk 74/2*. — Budapest.

Róna-Tas 1992 — *Róna-Tas A. A magyar írásbeliség török eredetéhez (ír és betű szavunk etimológiája)* // *Róvásírás a Kárpáti-medencében*. Szerk. Sándor Klára. – Szeged, 1992. P. 9–14.

Róna-Tas 2005 — *Róna-Tas A. Néhány megjegyzés faneveinkről (Bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyürüfa, éger, kóris, mogyoró, tölgy)* // *Magyar Nyelv*. 2005. S. 419–438.

Róna-Tas 2005a — *Róna-Tas A. Turkic–Alanian–Hungarian Contacts*. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* Vol. 58. 205–213.

Strahlenberg 1730 – *Strahlenberg Ph. J. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia*. – Stockholm.

TMN — *Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden, 1963. I. – Wiesbaden, 1965. II. – Wiesbaden, 1967. III.

VEWT – *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. – Helsinki, 1969.

Wichmann 1987 – *Wichmann Y. Wotjakische Wortschatz / Aufgezeichnet Y. Wichmann, bearb. T. E. Uotila, M. Korhonen, hrsg. M. Korhonen*. – Helsinki, 1987. (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, XXI).

Dybo Anna V., Normanskaya Julia V. Turkic loanwords in Fenno-Ugric clothes names

Summary. Article is devoted to the analysis of Turkic names of clothes in Finno-Ugric languages from the point of view of their chronology and a loan source. The carried-out analysis shows that the majority of late "Tatar" loans are actually adaptation Persian, and, eventually, the Arab popular details and the articles of clothing mastered by the majority of Turkic and the Finno-Ugric people close to them (Mordwians, Maris, Udmurts) in the middle and the end of II thousand AD. It means that any details of the Tatar suit weren't so popular, and that was adopted is real (was the most fashionable) are the Persian-Arab styles.

Keywords: Turkic languages, Finno-Ugric languages, Arabic language, Persian language, loans, etymology, chronology

Таблица 5. Тюркские названия одежды в финно-угорских языках

	Мордовские	Марийский	Удмуртский	Хантыйский	Мансийский	Венгерский
Ранне-булгар. V–VII вв.						‘ботинок’ ‘шерсть’ ‘хлопок’ ‘перстень’ ‘жемчуг’ ‘клин’ ‘трепало’ ‘парча’ ‘ремень’
Средне-булгар. IX–X		‘ластовица’ ‘шуба’ ‘кисть’ ‘пояс’ ‘голеннице’ ‘платок’ ‘полотенце’ ‘воротник’ ‘бусы’ ‘каблук’	‘околыш’			
Дунайско-булгар. X–						‘рубашка’ ‘шапка’ ‘пакля’
Кыпчак. с X в.						‘ремень’ ‘войлок’ ‘пряжка’ ‘покрывало’. ‘шуба’ ‘перед одежды’
Сиб.-тат. I – нач. II тыс. н.э.				‘миткаль’ ‘шнуры’ ‘башмак’ ‘налобник’ ‘сермяжина’ ‘тряпка’ ‘штаны’ ‘рукавица’	‘башмак’ ‘чулок’ ‘платок’ ‘малица’	

Продолжение Таблицы 5.

	Мордовские	Марийский	Удмуртский	Хантыйский	Мансийский	Венгерский
Тат. яз. после XV в. и заимств. без установленного времени	‘кошма’ ‘гашник’ ‘покрывало’ ‘полог’	‘платок’ ‘тесма’ ‘головной убор’ ‘часть украшения’ ‘украшение из серебряных монет’	‘кнопка’ ‘крючок’ ‘башмак’ ‘женский платок’			
Нетюркская лексика через тат. язык	‘кисть, бахрома’ ‘имущество, пожитки, тряпки’ ‘карман’ ‘золотая или серебряная нить, позумент’ ‘занавеска’ ‘женская шапочка’ ‘цепь’	‘женская шапочка’ ‘опушка’	‘головной убор девочек’ ‘башмак женщины’ ‘сотканный пояс’ ‘головной убор девочек’ ‘серебряная нить’	‘потник’ ‘одежда’		
Нетюркская лексика через чув. язык		‘шляпа’ ‘карман’ ‘шелк’ ‘головной убор’				
Турецкий						‘чалма’ ‘сап. клей’ ‘чубук’ ‘сапоги’ ‘плащ’

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ОТ «МАНАСА» К «БЕЛОМУ ПАРОХОДУ» ФЕНОМЕН ЭПИЧЕСКОГО В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДИНАМИКЕ

К.К. Султанов (г. Москва)

Резюме. Героическая эпопея «Манас» относится к числу великих эпических памятников. Эпическая традиция была и остается составной частью генетической памяти литературного творчества. В статье на конкретном материале (проза Л. Толстого и Ч. Айтматова) рассматриваются типы и структурно-семантические особенности трансформации эпического начала в литературе.

Ключевые слова: эпическая традиция, романное мышление, преображение, жанровая организация, целостность

Каждый человек смотрит на мир глазами своей культуры, сформированной исторически сложившейся системой ценностей, сакральных символов, уходящих в глубину мифа, сказки, песни, эпоса.

«Манас» как эпос «исключительно киргизский» был и остается высшим символом и выражением единства национального духа, воли к историко-культурному самоопределению киргизского народа, «собирателем и объединителем» которого выступает эпически масштабная личность [Мелетинский 1985: 584]. Как любой великий эпос, устный или книжный, он не просто олицетворяет спасительную идею консолидации, но и конкретизирует высший метафизический смысл исторической жизни народа, разворачиваясь как художественно-философское народоведение, сопрягая героику, этику, эстетику, жизнестроительную философию – всё то, что позволяет говорить об онтологических основах национального бытия.

Гегель, глубоко размышлявший о великих эпических памятниках, по понятным причинам не мог обратиться к «Манасу»: первые записи Чокана Валиханова (отрывок «Поминки по Кокетею», или «Тризна по Кокетей-хану») появились после его посещения Иссык-Кульской долины в 1856 г., т.е. через 25 лет после смерти немецкого философа. Но духовная энергетика и историко-культурная аксиоматика киргизского героического эпоса убедительно подтверждают основополагающие положения гегелевских эпосоведческих штудий.

Характеризуя эпос как «абсолютно первую книгу, где высказано то, что составляет изначальный дух народа», Гегель перебирал определения в поисках наиболее адекватного: Книга народа, эпическая Библия, народная Библия, Книга нации (таковой он считал «Рамаяну», «Илиаду», «Одиссею», «Песнь о Нибелунгах»). Содержательность эпического творения Гегель связывал с тем временем, когда «народ проснулся уже от тяжелого сна, а дух окреп уже в себе самом настолько, чтобы производить свой особый мир и чувствовать себя в нем

как под родным кровом». В поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» он, однако, не нашел этой «первозданной свежести своего героического состояния», способной превратить произведение в «основную Книгу целой нации», вновь и вновь напоминая о том что подлинный эпос «отыскивает слово для всего того, чем является нация в своих деяниях» – нация, которая «становится отдельным живым субъектом» [Гегель 1971: 470, 427, 489, 450, 446]. В истории мировой культуры «Манас» останется «абсолютно первой книгой» киргизов, свидетельством состоявшейся национальной консолидации, того «особого мира», который создается в процессе ее становления.

Деятельностный аспект или, как бы сказали сегодня, перформативность, динамическая открытость киргизского героического эпоса сообщают ему свойство духовного дальнего действия и смысловой неизолированности от любого вновь возникающего исторического контекста.

Важно подчеркнуть имманентно присущее эпическому повествованию качество всеохватности, вобравшей «в себя именно всю жизнь, не только в ее возвышенных, идеальных проявлениях, но и в ее повседневной обыкновенности». Суть в том, продолжает Ю.И. Айхенвальд, что «для эпика вся действительность еще нова и занимательна, не успела примелькаться, и оттого не упускает он ни одной детали явления, и всякая мелочь для него существенна» [Айхенвальд 1925].

Национальная эпика оказывается духовным ресурсом становящегося индивидуально-литературного сознания. Явственность и непрерывность присутствия эпической традиции в литературе позволяет по аналогии с исторической памятью говорить о генетической памяти литературы, о некоем субстрате сверхличностной художественной памяти, обладающим для литературного сознания статусом непреходящей значимости. В истории литературоведения неоднократно предпринимались попытки обосновать теоретические подходы к явлению генетической памяти – вспомним «литературные припоминания» А.Л. Бема, «засознательное» в творчестве или «память жанра» М.М. Бахтина, «резонантное пространство литературы» В.Н. Топорова [Бочаров 2012].

Взаимодействие эпической традиции и литературы, их «нераздельность» и «неслиянность» относится к числу давних и устойчивых филологических сюжетов. Эпическое творчество привлекало, о чем говорил Т. Манн в лекции «Искусство романа», сопряжением «титанического миниатюризма» или «возвышения малого» с всеобъемлющим мирозерцанием, не упускающим «из виду целое», ибо «ему нужно целое, весь мир...» (Манн 1961: 279, 282, 276). Опыт формирования романа как эпоса нового времени – будь это произведения Вальтера Скотта, которыми восхищались А.С. Пушкин и В.Г. Белинский, или такие шедевры, как «Война и мир», «Братья Карамазовы», «Шум и ярость», «Иосиф и его братья», «Улисс», «Человек без свойств», «Путь Абая», «Сто лет одиночества» – свидетельствует о презумпции взаимодополняемости индивидуального авторства и эпической традиции, которая выступает не столько как объект эстетического созерцания или извечный ценностный камертон, сколько как предпосылка и первотолчок романного слова.

Романное мышление, генетически и концептуально связанное с эпической традицией, унаследовало целостный взгляд на жизнь, который обнаруживается, по словам Гегеля, «в рамках индивидуальной ситуации, составляющей средоточие всего целого». При этом философ акцентирует и существенное различие: в романе «отсутствует изначально поэтическое состояние мира, из которого вырастает настоящий эпос» и потому «роман в современном смысле предполагает уже прозаически упорядоченную действительность...» [Гегель 1971: 474–475].

Символизируя переход в другое состояние мира, время романное «выламывалось» из рамок эпического времени как живая, пульсирующая, открытая современности художественная субстанция. Стихотворная эпическая поэма уступила место прозаическому типу повествования, принципу «движущегося содержания» (А.В. Михайлов), исторического развертывания жизненных смыслов в романном пространстве. Беспристрастности и объективности эпического сказания, отмеченных еще в «Поэтике» Аристотеля, роман Нового времени предпочел нарушение межжанровых границ, впитывая смысловые и эстетические интенции лирического и драматического жанров. На обобщенность народного сознания, на эпическую тягу к идеализации он ответил характерологической индивидуализацией героя, подвижностью точек зрения, многомерностью взаимодействия авторского сознания и мира героя, вариативностью типов человеческих отношений и общественных настроений. На пространственно-временную длительность эпического мира – напряженной событийностью и динамичной сюжетностью. Опознавательным знаком литературного психологизма стала повышенная чуткость к непредсказуемой сложности человеческой природы, к душевной жизни, взятой во всей полноте ее проявлений.

Понятно, что, прибегая к подобному рода обобщениям, следует воздерживаться от однозначных характеристик, жестко обозначающих разделительную границу двух эстетических миров при всей их несомненной преемственности. Недаром М.О. Ауэзов в исследовании «Киргизский героический эпос “Манас”» (1959) находил в эпосе качества, присущие, казалось бы, только роману: выделяя соратников Манаса, старших богатырей Бакая и Кошоя, он особо подчеркнул тот факт, что «здесь очень много тонких человеческих взаимоотношений, реалистически мотивированных бытовых деталей и уместно введенных сложных психологических моментов» [Ауэзов 1975: 402].

Если говорить о разнообразии типов трансформации эпического начала в литературе, то необходимо обратиться к литературной конкретике, точнее – к двум выразительным примерам из литературы XX в..

Избранная постановка вопроса требует неизбежного обращения к понятию или даже концепту «преображение». В недавно изданной монографии Н.К. Гея «Пушкин-прозаик» оно выделено как ключевое в пушкинской поэтике, если иметь в виду его семантико-функциональную роль во взаимодействии фактографического, исторического, онтологического планов.

«История Пугачева» и «Капитанская дочка» созданы на одном историческом материале, но как будто вышли из-под пера разных авторов. Если «История...» основана на прочной документированной базе, то в повести доминирующей оказалась обновленная и преобразующая логика внутритекстовых связей. Вл. Одоевский в свое время обратил внимание на то, что Пугачев в «Капитанской дочке» нападает настолько быстро, что читатель не успевает побояться за жителей Белогорской крепости. Но всё дело в том, как Пушкин сопрягает временные планы, тяготея к принципу «быстрого повествования». Столь любимый им Вальтер Скотт в эпически неспешной манере подготовил бы читателя к грядущему испытанию, но, отмечает автор, время сюжетное и время историческое даны Пушкиным не так как у английского классика: они втиснуты одно в другое и потому *преобразуют* друг друга. Скачкообразное движение времени в повести ничего общего не имеет с эпическим разворотом автора «Айвенго» и «Эдинбургской темницы». Именно поэтому двенадцатая глава, описывающая бунт крестьян в имении Гринева, не вошла в канониче-

ский текст: «замедленная повествовательная структура не встраивалась в компактную динамичную композицию» [Гей 2008: 359–360].

Когнитивная и методологическая ценность понятия «преображение» приобрела поистине парадигмальное значение в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат».

На рубеже XIX – XX вв., когда интенсифицировался поиск новых типов художественной организации текста, процесс создания «Хаджи-Мурата» можно сравнить с лабораторией обновленной повествовательности, сохраняющей ориентацию на многообразие жизни в ее эпической разновекторности и протяженности, но и явно тяготеющей к жанрово-стилевой уплотненности, смысловой концентрации, «поэтической экономии». По широте ничем не стесненного взгляда на жизнь, по охвату жизнепространства повесть, будучи предельно лаконичной, несла в себе безусловный масштаб романного мышления, имплицитно связанный с традицией героического эпоса. Фактически перед нами, по точному определению П.В. Палиевского, «конспективная эпопея», которая стала «сжатым завершением, итогом» и одновременно «выходом в будущее искусство» [Палиевский 1978: 7].

За год до завершения романа-эпопеи «Война и мир» Толстой счел нужным опубликовать в журнале «Русский архив» статью «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»» (1868). Он писал о своем разногласии с историками, называя его неизбежным и подчеркивая глубокое отличие художника от историка: описывая ту или иную эпоху, они «имеют два совершенно различные предмета». Неправота историка в его попытке «представить историческое лицо во всей его цельности», а художник «не исполнит своего дела, представляя лицо всегда в его значении историческом» – ведь «Кутузов не всегда с зрительной трубкой, указывая на врагов, ехал на белой лошади». Для историка есть герой «в смысле содействия» цели, но для художника «должны быть люди» – «в смысле ответственности ... всем сторонам жизни» [Толстой 1985: 63].

Через 30 лет после публикации «Нескольких слов...» Толстой стал вынашивать замысел «Хаджи-Мурата», реализуя свою давнюю установку на соответствие героя «всем сторонам жизни», но выбирая принципиально иной вариант жанрово-композиционной организации произведения.

Монументальная «Война и мир», которую Ю.И. Айхенвальд назвал «нашей Илиадой и нашей Одиссеей вместе» [Айхенвальд 1925], стала самым впечатляющим современным эпосом в литературе XIX в., но и «Хаджи-Мурат» при всем своем сверхпредельном лаконизме, при всей невероятной концентрации художественной мысли был ориентирован на «движение общей жизни», сохраняя в себе *преображенное* эпическое начало, кульминационным проявлением которого предстала финальная героическая, поистине эпического размаха смерть героя.

Посылая коллеге повесть «Хаджи-Мурат», Л. Витгенштейн уловил именно эту квинтэссенцию всеобъемлющего взгляда на жизнь: «надеюсь, что ты много почерпнешь из нее, потому что много в ней самой». Философ никак не акцентировал специфичность кавказского материала или точность его литературной презентации, как бы не обращая внимания на этнографический антураж. «Много в ней самой» отсылает к экзистенциальной глубине жизни, явленной в многозначности и ненарочитости художественного слова. «Когда Толстой просто повествует о чем-либо, он воздействует на меня бесконечно сильнее, чем когда он адресуется читателю. Когда он поворачивается к читателю спиной, тогда он производит наиболее сильное впечатление... Его философия представляется

мне самой верной, когда она скрыта в повествовании» [Толстой или Достоевский? 2003: 238]. Произведение, запечатлевшее экстремальный опыт в экзотическом антураже, воспринято в другом измерении, когда на первый план выходит скрытая в повествовании, но неоспоримо присутствующая философия человеческого бытия как такового, предполагающая универсальность смыслополагания поверх национальных и религиозных барьеров.

Иначе говоря, эпический масштаб реализуется не столько через реконструкцию прошлого в его событийной фактуре, сколько в судьбе человеческой в смысле ее «соответственности всем сторонам жизни». Композиционная структура повести адекватно отразила эпическую полноту замысла в форме смелой и неожиданной контаминации смысловых планов. Концентрические сюжетные круги, подчас никак не связанные между собой, раздвигают повествовательное пространство, разворачивающееся далеко за пределами биографии опального наиба.

Эпопейное качество проявляется и в том, как, по наблюдению В.А. Келдыша, «ускоренное время повествования соприкасается со значительно более «спокойным», эпически замедленным временем...». Если «событийный сюжет отличается «стремительностью», то нередкие «отступления в сторону от основного сюжета», инициирующие его дискретность, приносят «момент некоей статики в динамику». Это сопряжение времен – ускоренного и замедленного – автор закономерно трактует как признак эпической природы произведения [Келдыш 2009: 273, 252]. Еще одно подтверждение эпического статуса повести он находит в свободе композиционных решений, когда, например, сюжетная линия как бы «выпадает» из общего плана, обнаруживая автономность и в то же время оставаясь частью целого.

Повесть выстраивается не как последовательно-линейное повествование, а как пространство синхронического соположения сюжетных линий, когда фокус повествования перемещается, расширяя пространственный диапазон: Махкет, Петербург, Ведено, Воздвиженская, Тифлис, Нуха. Или: сакля Садо – ночной солдатский секрет – дом командира Куринского полка – дворец наместника – резиденция императора.

Повествовательная стратегия выбрана в полном соответствии с изначально заданным эпическим масштабом: «грандиозная ... начальная мысль: цивилизация – человек – неистребимость жизни, – требует исчерпать все «земные сферы». Идея «успокаивается» и достигает кульминации лишь тогда, когда проходит весь соответствующий себе план: от царского дворца... до Гамзало и чеченцев, гарцующих с пением «Ля иляха иль алла». Лишь тогда она становится произведением» [Палиевский, 1978: 18].

За направляющей и избирательной авторской волей, поднявшейся в обстановке войны над предрассудками вражды и ненависти во имя объективного взгляда на вещи, остается последнее слово – совсем неслучайно повествование начинается и завершается эпически значимым символом несломленного репея, ставшим сквозным авторским лейтмотивом.

Хаджи-Мурат, выпавший из родового гнезда, утративший связь с тем, что Гегель называл субстанциональной почвой, на первый взгляд не соответствует необходимым признакам эпического героя. В эпосе, по мысли Гегеля, человек находится «посередине некоей целостности», но толстовский герой обрек себя на позицию, которая не посередине и не на периферии, а вне покинутой им «целостности». Настолько «вне», что исключен даже вариант блудного сына, сохраняющего надежду на возвращение домой.

Как виднейший наиб имама Шамиля и необычайно мужественный человек, Хаджи-Мурат участвовал в формировании новой реальности или «всеобщего национального состояния мира» (Гегель), но добровольно покинул его пределы, чтобы оказаться в другом мире с иллюзорными надеждами на победное возвращение в родные пенаты при помощи русских штыков.

Но, с другой стороны, перед нами герой-протагонист, олицетворяющий несломленность человеческого духа с той очевидностью, которая побуждает думать о стиле эпической идеализации, столь характерной для архаического героя-богатыря. Дерзкие набеги Хаджи-Мурата, походы, поразительные, как пишет Толстой, «по необыкновенной быстроте переходов и смелости нападений», отчаянные поступки приобрели в народном сознании ореол эпического предания. О его редкостном бесстрашии «рассказывали чудеса», отсылавшие к коллективной памяти о былой эпической героике.

Реальная биография героя, ставшая основой повести, обростала реальными и приписанными молвой преданиями, которые усиливали его сакральную притягательность. «Баснословная храбрость» Хаджи-Мурата всецело отнесена к героическому прошлому, которое разворачивается как эпический сюжет, хотя он размещается в формате посещающих героя или записанных адъютантом наместника М. Лорис-Меликовым воспоминаний с оттенком ностальгии или невольного саморазоблачения (рассказ, например, об убийстве Абунунцал-хана). Вспомним, что именно необычайная, недоступная многим смертным личностная доблесть располагалась в ряду доминирующих констант эпического сознания как такового. В последнем акте жизненной драмы Хаджи-Мурата героика достигает предела эпической легендарности, становясь в то же время невообразимо реальной, злободневной, сиюминутной.

Логика художественного преобразования эпического сказалась и в том, что интенсивное погружение героя в прошлое, в оставленный за спиной горский мир всё больше напоминает прощание с настоящим, лишенным будущего. Чем ближе к гибели, тем очевиднее активизация этого экзистенциально значимого психологического ресурса.

В финале «Хаджи-Мурата» – сквозной, трижды использованный в одном предложении субстанциональный глагол «поднялся» (поднялась голова, поднялось туловище, поднялся весь). Толстовский герой – это то, что поднялось, а то, что «враги топтали и резали» уже «не имело... ничего общего с ним». Толстовское сопряжение несопрягаемого без наглядно выявленной предпосылки, сближение диссоциирующих состояний выдает параметры эпического действия, открытого живому многообразию жизненных ситуаций: «то, что казалось мертвым телом, вдруг зашевелилось...», «упал лицом, не двигался, но еще чувствовал». Или в ночь перед роковым побегом мистическое совпадение последнего чудного шелканья соловьев и «шипения и свистения железа по камню оттачиваемого кинжала».

Эпический герой, как отмечал Е.М. Мелетинский, мог проявить строптивость и непослушание, которые в архаической эпике нередко приводили к богоборчеству (Гильгамеш, Амирани, Мгер, Батраз), а в классическом героическом эпосе – к конфликту с властью. Исследователь ссылается на «гнев» Ахилла, на ссору Ильи Муромца с князем Владимиром, но дерзкий вызов власти, как правило, не доводил до разрыва с ней: в «Песне о моем Сиде» герой остается верным вассалом короля, хотя последний его изгнал: «Даже во многом “развенчанный”, князь остается средоточием идеального эпического. мира» [Мелетинский 1975: 929].

Но толстовский герой строптив, дерзок, независим до такой степени, что порывает с властью, открыто бросая вызов сначала имаму Шамилю, а затем и его врагам. Выбирая такого в высшей степени неоднозначного героя, Толстой заходит так далеко, насколько это возможно – от первоначальной негативной оценки («первый лихач и молодец во всей Чечне, а сделал подлость» – из письма брату от 23.12.1851г.) к принятию и пониманию *такого* человека как человека, не сдавая его до последнего, сохраняя верность идее самоценности человеческой жизни и своей любимой мысли о любви «ко всякому человеку, как к сыну божию». Савл может стать Павлом...

Поздний Толстой не только не реанимирует мотив подлости, заведомо постулирующий жесткие моральные рамки – он напрочь игнорирует его, как бы забывая о своем же давнем неодобрительном отклике. Толстому как художник и мыслитель стремился минимизировать разделительный импульс культурной дистанции, «вычитывая» при соприкосновении с иным национальным миром не его тривиальную статичность (неподвижное «азиатство», по А.А. Бестужеву-Марлинскому), а обнадеживающие признаки сближения с ним. В диалог с горским социумом толстовское слово вступало не от имени европоцентризма, заведомо знающего цену «азиатству». Толстой вовлекает кавказский мир в горизонт существования рода человеческого как такового: неевропейские корни, этнокультурный и вероисповедальный факторы, иная культурная традиция, иные ценностные приоритеты в толстовской картине мира утрачивают традиционный статус источника взаимонепонимания в пользу вечных категорий «жизнь–смерть», «добро–зло».

«Хаджи-Мурат» как художественное событие, как поступок – испытание на прочность толстовской этики, основанной на постулате «жизнь – тем более жизнь, чем теснее ее связь с жизнью других, с общей жизнью». Идея «общей жизни», ставшая в повести смысло- и структурообразующей вопреки реалиям военного противостояния, сродни идеальной установке эпического повествования на целостность бытия и полноту миропонимания. Она нашла свою реализацию не только в высочайшей художественности «Хаджи-Мурата», но и в теоретических размышлениях (трактат «Что такое искусство?»), в толстовской апелляции к соединению «всех людей без исключения», к «освобождению личности от своего отделения от других людей, от своего одиночества...» [Толстой, 1985: 246, 239]. Неизменно оставаясь художником и мыслителем, Толстой был и подвижником практической этики солидарности («люди-братья»), испытателем классических моральных (евангельских) заповедей на их неумолимость, неутопичность и насущность для каждого человека.

Не забудем, однако, о том, каким невероятно сложным был переход от монологазма враждовавших берегов Терека в «Казаках» и, соответственно, невероятно высокой оказалась цена диалога в «Хаджи-Мурате», который мог быть мгновенно сорван неточными словом и жестом – взаимоосуждающий пафос всегда был под рукой. Поэтому можно говорить не столько о диалоге как развернутом обмене словами и мыслями, сколько о его напряженном предвосхищении, когда не то что общение, а даже намек на его осуществимость приобретал особый ценностный вес.

Предельно лаконичным было общение Марьи Дмитриевны и Хаджи-Мурата, причем нередко на довербальной стадии обмена взглядами, но это уже было тем действием, которое по-своему участвовало в очеловечивании действительности, дезавуируя идею фатальной непримиримости сторон.

Тот же чистый звук преодолеваемого отчуждения, столь важный для понимания толстовской диагностики, нетрудно уловить даже в ситуации полного отсутствия диалогического взаимодействия – достаточно вспомнить эпизод в «Казаках», когда сидящий в засаде Лукашка вдруг подумал о живущих в горах людях.

Безошибочно угадывая напряженное психологическое состояние Хаджи-Мурата, Марья Дмитриевна находит нужные слова: «Дай Бог, дай Бог семью выручить» – и тут же автор продлевает эту интенцию встречного движения, не упуская возможность зафиксировать ответное понимание, прочувствовать мгновение родства человеческих душ: «Он не понял слов, но понял её участие к нему и кивнул ей головой». Но ведь «не понял слов» означает полное отсутствие понимания. Или возможно понимание помимо слов? Для Толстого с его художественной проницательностью и особым чутьем на тончайшие психологические нюансы возможно, о чем еще в 1855 г. написал П.В. Анненков: у Толстого «в одном жесте, в незначительной привычке, в необдуманном слове человека скрывается иногда душа его...» [Анненков 1855: 24].

Непреодолимый, казалось бы, водораздел обозначен репликой Хаджи-Мурата, который на вопрос о бале у кавказского наместника ответил так: «У каждого народа свои обычаи. У нас женщины так не одеваются». Далее следует ссылка на пословицу: «Угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном». Мораль такова: остались оба голодными. И как последний аккорд патриархальной назидательности: «всякому народу свой обычай хорош».

Толстой не был бы Толстым и не состоялся бы литературный шедевр под названием «Хаджи-Мурат», если бы писатель остановился на рубеже «каждому свое». Ишаку сено, собаке мясо и с мест, если вспомнить известные строки, они не сойдут. Толстой идет дальше и, верный эпическому масштабу замысла, вовлекает Хаджи-Мурата шаг за шагом в сеть теплых человеческих взаимоотношений, находит в глухой стене многолетнего кавказского конфликта заветную дверь, за которой открывается возможность движения навстречу друг другу.

В отношении Хаджи-Мурата к Марье Дмитриевне – «ему нравилась и ее простота, и особенная красота чуждой ему народности» – сошлись два масштаба: простота только ее, а вот красота как бы переадресована в другое измерение, явно укрупняющее смысловой сдвиг. Но почему все-таки не «чужая», которая может перестать быть таковой, а именно «чуждая», то есть изначально, абсолютно иная, чужая навсегда? Если все-таки «чуждая», то как могла появиться «особенная красота», которая даже несентиментального горца задела за живое? Обращением к «особенной красоте» тонко и убедительно дезавуируется чуждость «чуждой ему народности». Разделяющая дистанция вдруг обнаруживает драгоценное свойство самопреодоления, расширяющего горизонт понимания.

Эпическая интонация, неослабно присутствующая в жизнеописании Хаджи-Мурата, особенно четко дает знать о себе в этом непротиворечивом сосуществовании продекларированного героем приоритета «всякому народу свой обычай хорош» и не менее экзистенциально значимого ориентира – «особенной красотой» другого народа...

Другой тип соотнесенности эпического и собственно литературного начал обусловлен характерным для традиционалистских обществ мифопоэтическим восприятием действительности. Известно, что становление героического эпоса было связано со «взаимодействием героической песни-сказки и первобытного

мифологического эпоса о первопредках – культурных героях». Е.М. Мелетинский далее выделяет «историзацию эпического фона», которая, однако, «не исключает широчайшего применения к историческим персонажам и событиям мифических мерок, моделей и структур»: древняя государственность описывается как мифический «золотой век», события далекого прошлого «укрупняются до космических масштабов», мифологические модели «определяют сюжетные схемы», а в эпических богатырях обнаруживаются «пережитки мифологического образа культурного героя» [Мелетинский 1986: 62, 79–80, 70].

Мифопоэтические конструкции, вовлеченные в повествовательную структуру как ее органическая часть, участвуют в конструировании модели прошлого как незавершенного и всегда актуального. Подчас в современном романе иногда трудно проследить тот рубеж, когда заканчивается историческое и начинается мифопоэтическое – настолько интенсивна взаимопроницаемость мифологизации истории и историизация мифа. У М. Кандура, например, в трилогии «Кавказ» нартовское сказание о рожденном из камня Сосруко в исполнении бабушки входит в архитектуру текста, никак не обозначая свою несовместимость с реальностью. При описании рода в его генеалогической протяженности мифу придается этиологическая функция: «Род считает Сосруко своим предком (при упоминании имени героя в знак почитания его все встают). У старшей женщины рода хранится «полотенце Сосруко, которым герой перевязал свои раненные колени...». Отмена историко-культурной дистанции приводит к тому, что архетипический код нартовского богатырства и непобедимости интимно одомашнивается, максимально приближается к потомкам, символизируя некий поучительный образец. Реминисценции и аллюзии, отсылающие к эпическому времени нартов, нередко становятся ключевым элементом семейной хроники, создаваемой под знаком идеи эстафетной передачи от поколения к поколению священного огня традиции.

Поучительным и недостаточно изученным остался в истории литературы айтматовский опыт обращения к мифу как генератору непрерывности и незавершенности национального бытия. Многомерное присутствие мифопоэтического начала в прозе Ч.Т. Айтматова органично предопределено заданным уровнем духовного максимализма, остротой нравственного выбора, перед которым оказывается герой на последнем жизненном рубеже. Так было с Момунном из повести «Белый пароход», вынужденным поднять руку на нечто большее, чем убийство оленя. Так было с героями повести «Пегий пес, бегущий краем моря», в которой мифологизм, столь свойственный архаической эпике, заявлен не только во вступлении (сотворение земли, противостояние стихий, род Рыбы-женщины), но и в самой направленности архетипического сюжета: уход – испытание – возвращение.

Последнюю повесть обрамляет мифологическое кольцо: повествование буквально возвращается к начальному стилю мифологического сказа. На протяжении всего повествования выдерживается ритуально-магическое число «три»: три брата из легенды о роде Рыбы-женщины, трое мужчин едут к трем островам. Да и там, где начинается реальное действие (шторм), мифологический субстрат сказывается и в гиперболическом восприятии тумана («нечто невообразимо чудовищное, какая-то иная сущность, неземная, дышавшая промозглой влажностью, поглотила весь белый свет – и Землю, и Небо, и Море...»), и в обращении Мылгуна к Шаману ветров, и в обращении Кириска к утке Лувр, и в постоянном возвращении Органа во сне и в мыслях к Рыбе-женщине.

Прозаик графически четко обозначил соположение явлений в зоне прямого столкновения. С одной стороны, «мрак вечности», с другой – «четверо обреченных». Антиномии пронизывают повествование: «бушующее соприкосновение моря с берегом», «борьба двух стихий» – суши и моря, Жизни и Смерти, Начала и Конца, беспомощности (Кириск) и опыта (Орган). С одной стороны, первоначальный расчет плыть по испытанному маршруту к трем островам, с другой – «плыть было некуда». Герои оказались на пороге Предела, одинокий каяк – «перед лицом бесконечности». Все предусмотрено Органом: «на все он имел свой расчет». Но планы рухнули: «туман обрушился, как обвал, погребая их в пучину безмерного мрака». Предварительный расчет сменился полной неопределенностью.

Впечатляющие страницы повести связаны с душевной драмой отца, который должен покинуть каяк ради спасения Кириска. Мальчик упрекает себя, что не вскочил, когда почувствовал толчок. Психологически точно выписывает Айтматов состояние мальчика, но все-таки сбивается на уточняющий риторический вопрос: «Разве он допустил бы, чтобы отец выбросился в море? Разве он не кинулся бы с ним вместе в эту черную пучину?». Рациональная тяга к точке над «i» сказывается и в финальном обращении Кириска к звездам, ветру.

По мере продвижения к финалу становится очевидным исчезновение мифологического как доминирующей тональности, сообщавшей повествованию поэтическую полноту мировосприятия. В своем отзыве на повесть критик Л.А. Аннинский считает, что это «хорошо». Но ведь тогда получается, что писатель как бы вовремя освободился от мифологического балласта, сбрасывая его за борт повествования подобно тому, как его герои выбросили в шторм за борт каяка все вещи, кроме заветного бочонка.

Произошел, на мой взгляд, разрыв, разрушивший целостность художественной картины, ибо изначальный замысел исключал изъятие мифологической константы. Подверглась неоправданной деформации не только стилистическая партитура, но и смысловой строй, органично сформированный особой атмосферой, языком, тоном мифопоэтической парадигмы. Мифологизм «Пегего пса...» нейтрален в своей вневременности по отношению реальному событию, замкнут в себе, самодостаточен, ограниченный традиционной функцией обращать ситуации к извечным основам бытия, к вечному субстанциональному началу. Как активное переживание он затрагивает только старика Органа, превращаясь в личное его достояние. Орган говорит Эмрайну: «Я был великим человеком! Это я знаю». Почему? Вот продолжение: «Мне всегда снилась Рыба-женщина. Тебе этого не понять...». И, наконец: «Я хочу туда...».

Более глубоким и оправданным представляется обращение к мифу в «Белом пароходе». Если в «Пегем псе...» в противостоянии мира природы и мира людей миф наглядно функционален, сопровождая художественное решение, т.е. остается сопутствующей, но не активной содержательной силой, то в «Белом пароходе» миф выступает как нравственный закон, не посягающий и не отменяющий реальность, а сообщающий происходящему смысловую многозначность. В «Белом пароходе» между мифом и реальностью тонкое взаимопроникновение, взаимопродвижение: миф выступает неизбежным и надежным средством постижения целостности национального бытия, обеспечивая смысловое наполнение нравственной проблематики, открывая глубинный экзистенциальный смысл конкретной жизненной ситуации. Отсюда неопровержимость и притягательность морально-этического камертона замечательной повести, в согласии с которым именно миф становится надежным убежищем мальчика, у которого «было две сказки. Потом не осталось ни одной. Об этом речь».

Состоявшийся роковой выстрел Момуна и убийство оленя — аллегорическое обозначение смерти мифа и воплощенного в нем нравственного закона.

Обрывается трепетная связь с мальчиком и мальчика — с жизнью...

Литература

Айхенвальд 1925 – *Айхенвальд Ю.И.* Эпос // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. – М.;Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 2. – Стб. 1128–1134.

Анненков 1855 – *Анненков П.В.* О мысли в произведениях изящной словесности. Заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л.Н.Т. // Современник. 1855, № 1.

Ауэзов 1975 – *Ауэзов М.О.* Собрание сочинений: В 5 томах. – М.: Художественная литература, Т. 5, 1975.

Бочаров 2012 – *Бочаров С.Г.* Генетическая память литературы. – М.: РГГУ, 2012.

Гегель 1971 – *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: В 4 томах. – М.: Искусство, Т.3, 1971.

Гей 2008 – *Гей Н.К.* Пушкин-прозаик. Жизнь – творчество – произведение. – М.: ИМЛИ РАН, 2008.

Келдыш 2009 – *Келдыш В.А.* Преобразование эпика («Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого) // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Манн 1961 – *Манн Т.* Собрание сочинений: В 10 томах. – М.: ГИХЛ, Т. 10, 1961.

Мелетинский 1975 – *Мелетинский Е. М.* Эпос // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. – М.: Советская энциклопедия, 1975.

Мелетинский 1985 – *Мелетинский Е. М.* Киргизский эпос о Манасе // История всемирной литературы: В 8 томах. – М.: Наука, Т. 3, 1985.

Мелетинский 1986 – *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М.: Наука, 1986.

Палиевский 1978 – *Палиевский П.В.* Литература и теория. Изд. 2-е. – М.: Современник, 1978.

Толстой 1985 – *Толстой Л.Н.* Что такое искусство? – М.: Современник, 1985.

Толстой или Достоевский? 2003 – Толстой или Достоевский? Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада. – СПб.: Наука, 2003.

Sultanov Kazbek. From the “Manas” to the “White ship”. **The phenomenon of the epic in literary-historical dynamics**

Summary. Heroic epic "Manas" is one of the great epic monuments. Epic tradition has been and remains an integral part of the genetic memory of literary creation. The article on the specific material (prose of Tolstoy and Aitmatov) describes the types and structural and semantic features of the transformation of the epic beginning of the literature.

Keywords: epic tradition, novelistic thinking, transformation, genre organization, integrity

**ЭПОС «МАНАС» И МАНАСЧИ – САКРАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
КЫРГЫЗСКОЙ ДУХОВНОСТИ**

С.М. Абдрасулов (г. Бишкек)

Резюме. В статье рассматриваются правовые нормы кыргызов, которые могут быть реконструированы по эпосу «Манас». Дается характеристика феномена манасчи как трансляторов вековых духовных заветов кыргызов.

Ключевые слова: эпос, правовые нормы кыргызов, манасчи, традиционный кыргызский менталитет

Первые исследования эпоса «Манас» касались сюжетики и структуры произведения. Затем к нему обратились представители различных наук – лингвисты, философы, этнографы, политологи, культурологи. Ниже предлагается рассмотрение правовых норм кыргызов, которые могут быть реконструированы по версиям эпоса «Манас». Наиболее верным первым шагом к изучению основ правового общежития кыргызского народа по эпосу «Манас» будет рассмотрение сущности естественного и обычного права.

Естественное право – это основы существования всего живого, вытекающее из законов мироздания, оно является оценочной категорией и обладает объединительным посылом¹. По словам Ю.В. Тихонравова, «Естественное право ... по определению должно быть универсальным, всеобщим, т.е. предназначенным и пригодным для всех систем права ... Таким образом, естественное право становится нормативной базой и критерием оценки абсолютно любого права»².

В отличие от естественного права обычай – это правила поведения, которые благодаря многократному и длительному применению превращаются в привычку, эффективно регулиующую поведение людей³. Придание обычаю правового облика, «превращало обычаи в одну из форм права – правовой обычай ... а совокупность этих правовых обычаев – в обычное право»⁴.

Уместно вспомнить вышедший в 1814 г. знаменитый памфлет немецкого юриста Фридриха Карла Савиньи, направленный против основанной на Римском праве и Кодексе Наполеона кодификации законов немецких княжеств. «Право, считал он, есть продукт “внутренних, молчаливо действующих сил”. Оно глубоко укоренено в прошлом нации, и его истинные истоки находятся в

¹ «Естественное право, понятие политической и правовой мысли, обозначающее совокупность исходных ценностей, принципов, правил, прав, продиктованных естественной природой человека и как бы независимых от конкретных условий и государства. Естественное право выступало всегда как оценочная категория в отношении действующей в данном политическом обществе правовой системы, которое объявлялось соответствующим или несоответствующим естественному праву и естественной справедливости» [Философский энциклопедический словарь. – М. 1989. – С. 191].

² Тихонравов Ю.В. Основы философии права. – М., 1997. – С. 399.

³ См.: Общая теория права и государства. – М. «Юрист», 1996. – С. 113.

⁴ Тихонравов Ю.В. Основы философии права. – М., 1997. – С. 501.

народной вере, обычаях и “здравом смысле народа”. Подобно языку, государственному устройству, манере поведения народа, право определяется, прежде всего, особым характером нации, ее “национальным духом” (нем. Volksgeist). В каждом народе, указывал Савиньи, развиваются определенные традиции и обычаи, которые благодаря их непрерывному действию переходят в юридические нормы. Только путем тщательного изучения этих традиций и обычаев можно найти и подлинное содержание права»⁵.

В.И. Кычанов, изучая средневековое китайское право, заметил, что там обычаи (ли) не противопоставляются, не противоречат нормам положительного права (фа). В свою очередь «фа» должны соответствовать «ли». Нарушение соответствия, гармонии между ними является свидетельством того, что общество нездорово⁶.

Говоря о праве в кыргызской культуре, мы должны обратить внимание на специфику бытия кыргызов, которое базируется на кочевом способе ведения хозяйства и на их верованиях, часто именуемом теперь «тенгрианством». Общественные отношения кыргызов-кочевников регулировались собственными правилами. Одним из таких регуляторов является тенгрианский принцип «тен» (равный)⁷. Этот принцип, основанный изначально на признании существования мира духов и мира предков, переносится кыргызом-кочевником на реальный человеческий мир. Кочевник пытается строить свой земной мир, руководствуясь принципом «тен», который находит отражение также и в бинарном восприятии мира кыргызом-кочевником.

Бинарные оппозиции, такие как: мужское – женское, правое – левое, *төр* – *босого* (почетное место – порог = “старшее – младшее”), верх – низ, *түндүк* – *казан*, духовное – материальное, являющиеся основой кыргызской культуры, равны по форме, но различны по содержанию, что делает их дополняющими друг друга. В пользу вышеизложенного единства противоположностей говорит и то, что идеальной геометрической фигурой кыргызы признавали и признают сферу, шар и круг (*тоголок*, *томолок*, *тегерек*). Целостность мира рассматривается в кыргызской космогонии как сфера, круг; ср.: *Тегеректин төрт бурчу* ‘Четыре стороны света’ (букв. “четыре стороны круга”, т.е. целого).

Кыргыз-кочевник никогда не противопоставляет себя окружающему его миру. Он знает, что он является частью мироздания. Это можно увидеть и в строении жилища кыргыза-кочевника, которое по форме есть полусфера, т.е. является незаконченной фигурой, что делает его не самодостаточным. И лишь наличие второй полусферы способно сделать первую гармоничной и самодостаточной по сути.

Основой правового общежития не только внутри кыргызского семейного, родового, государственного образования, но и в общении с представителями других народов и культур является не принцип противопоставления и взаимного исключения, а принцип дополнения, ориентированный на целостность.

Внутренняя настроенность кыргызского мировоззрения на гармоничное существование с миром стала экологическим основанием кыргызской культуры, истоком кыргызского экологического права. Такое понимание кыргызом-

⁵ Там же, – С. 505.

⁶ См.: Кычанов В.И. Основы средневекового китайского права. – М., 1976. – С. 249–253.

⁷ Абдасулов С.М. О некоторых основаниях кыргызской государственности.// Правовые и экономические проблемы государства в переходный период. Материалы VIII международной научно-практической конференции. – Бишкек, 2003. – С. 99–104.

кочевником Вселенной говорит о его желании жить в гармонии, в единстве с окружающим миром. Подтверждением этому является эпическое наследие кыргызского народа, представленное прежде всего эпосом «Манас».

Отличительная черта кыргызской военной демократии заключалась в системе выборности поста кагана (хана ханов). Выборы кагана проходили на добровольной основе. Ханы имели право выразить свое доверие одному из присутствующих и отдать ему свой голос. Набравший наибольшее количество голосов хан становился каганом. Избравшие его ханы племен своим действием выражали свое доверие и добровольную готовность к подчинению, что являлось гарантом власти кагана. Например, в сороковые годы XIX в. возглавлявший племена саяк и бугу Ормон-хан, желая объединить северные племена кыргызов (*солто, кушчу, саруу, черик, чоңбагыш*), выступает инициатором созыва курултая, на котором он и был провозглашен Ормон ханом (каганом) по кыргызской традиции поднятием его на белой кошме⁸.

Стоит особо отметить и то, что единоначалие в армии строилось по такому же принципу: воины выбирали своих предводителей сами – десятника (*он-башчы*), сотника (*жүз-башчы*), тысячника (*миң-башчы*), десятитысячника (*түмөн-башчы*). Так, *он-башчы* выбирался среди десяти воинов, *жүз-башчы* – среди десяти *он-башчы*, *миң-башчы* – среди десяти *жүз-башчы*, *түмөн-башчы* – среди десяти *миң-башчы*. Однако их могли назначить также и сверху, учитывая настроение воинов. Но выбор или закрепление передачи жезла *аскер-башчы* (главнокомандующего армией) осуществлялся только советом мудрецов (аксакалов). Во время «Великого похода» кыргызов на Бейджин, Манас по собственной инициативе передает пост главнокомандующего армией мудрецу Бакаю и затем – батыру Алманбету. Это говорит о том, что у Манаса не было желания узурпировать власть. Это решение он согласует со своими советниками. Такую форму правления можно назвать «софиякратией»⁹.

Демократичность тенгрианского принципа «тен» проявляется в «Манасе» также в изображении кыргызских мужчин и женщин, ориентированных на высшие духовные ценности. Например, здесь мудрыми являются как мужчины – Кошой, Бакай, так и женщины – Чыйырды, Каныкей. «Особое место, – замечает С. Мусаев, – занимает в эпосе изображение Бакая и Каныкей. Сходство этих образов заключается, прежде всего, в присущей обоим мудрости»¹⁰.

На примере деления кыргызского жилища *боз үй* на правую и левую половины, равные друг другу по форме, можно судить о доступности духовного начала как мужчине, так и женщине. Каждая половина, как мужская, так и женская, имеет свое почетное место и порог (*төр* и *босого*). Каждая из них обладает только ей присущей мудростью, о чем свидетельствует содержательное несовпадение правого и левого, т.е. мужского и женского начал¹¹.

Изначальное равенство по форме бинарных начал есть выражение справедливости, являющейся основанием естественного права. Основа построения идеального государства, с точки зрения тенгрианства, как квинтэссенции тра-

⁸ Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (С древнейших времен до наших дней). – Б. 2005. – С.272.

⁹ См.: Абдрасулов С.М. Дух кыргыза-кочевника. // «Общественный рейтинг» / 23 июля 2009. Здесь говорится, что софиякратия – это власть мудрости, если демократия – это власть народа.

¹⁰ Мусаев С. Эпос «Манас». – Фрунзе.: «Илим». 1985. – С. 71.

¹¹ См.: Урманбетова Ж.К., Абдрасулов С.М. Истоки и тенденции развития кыргызской культуры. – Бишкек «Илим». 2009.

диционного кыргызского менталитета – следование естественному праву, правовому обычаю, призванных реализовывать принцип истинного мира, мира духов предков, что составляет сущность «тен», в мире земном, как необходимую и естественную справедливость, суть которой – единство и равенство бинарных начал. Осуществление принципа «тен» возможно только через правителя, отличительным свойством которого кыргызы-кочевники называют справедливость и великодушие. Именно такими качествами обладает правитель кыргызского народа – батыр Манас.

Именно справедливость названа в качестве главного отличительного свойства правителя (элика) Кюнтогды, одного из четырех основных героев классической поэмы Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг». Об этом в поэме сказано так:

«В делах справедливый, был прям он и строг,
Правдив был в речах он и духом высок.
Он, мудрый и умный, и скорый в делах,
Для злых – что огонь был, для недругов – страх»¹².

По тенгрианской традиции правитель должен быть справедливым и щедрым. Эти качества правителя дают основу гармоничному и благополучному существованию государства. Таковым является правитель кыргызского народа – Манас Великодушный.

Мудрое правление возможно при соответствующей организации внутренних и внешних правовых норм, действующих в обществе. Их можно в изобилии найти в эпосе «Манас».

Исследование правовых взаимоотношений кыргызского народа не целесообразно ограничивать изучением *эреже* (установление обычного права) и исторических хроник¹³. Обращение к эпической традиции кыргызского народа поможет лучше выявить специфику основ кыргызского права.

Известный кыргызский этнограф И.Б. Молдобаев в своей монографии «Эпос “Манас” как источник по истории государственности кыргызов» касается вопроса основ дипломатической службы кыргызов. Он пишет: «Таким образом, эпос «Манас» является важным источником дипломатической службы у кыргызов. Об этом свидетельствует наличие в нем таких терминов, как *элчи* (посол), *элчилик* (посольство), *тилмеч* (переводчик), *чечен* (государственный советник), *сынчы* (эксперт), *кашка* (вождь племени, член дружины) и другие. В «Манасе» неплохо описана и церемония отправления и принятия послов. Сообщения эпоса подтверждаются письменными источниками»¹⁴. В его работе целые главы посвящены торговым и брачным связям кыргызов; эти разделы могут стать хорошим фактологическим материалом в изучении юридических аспектов эпоса «Манас».

Интересны правила заключения брачных уз у кыргызов. Было бы весьма познавательным и полезным провести исследование специфики заключения брака с позиции юридической науки. Возьмем, к примеру, обращение Манаса к своему отцу, суть которого заключается в просьбе найти ему жену, как это полагается по кыргызскому обычаю. О этом же свидетельствует не только обра-

¹² Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. – М., «Наука». 1983. – С. 59.

¹³ Таковыми, например, являются исследования: Кожоналиев С.К. Обычное право кыргызов. – Бишкек 2000.; Он же. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. – Ф.: [б.и.], 1963.

¹⁴ Молодобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник по истории государственности кыргызов. – Б.: 2004. – С. 58.

щение Манаса, но и тщательный поиск невесты его отцом Жакыпом. Такое обращение Манаса говорит о неправильной трактовке современными специалистами обычая умыкания невесты как кыргызской национальной традиции¹⁵. Вот что об этом пишет И.Б. Молдобаев: «Для наглядности обратимся к отрывку из сводного издания «Манаса», где опять-таки устами самого Манаса, который обращался к своему отцу Жакыпу, сказано следующее:

<i>Ак никелеп өзүмө,</i>	Не состою я в браке,
<i>Катын алып бербедиң.</i>	Ты не женил меня.
<i>Уруш менен талашта,</i>	В сражениях и спорах,
<i>Өзүм алдым экини.</i>	Сам я женился дважды.
<i>Ушу турган калайык,</i>	О, мой народ,
<i>Же менин бул айтканым чекиби?</i>	Разве я говорю неправду?
<i>Калмактан алдым Карабөрк,</i>	Из калмаков я взял Караборк,
<i>Калчадан алдым Акылай.</i>	А из калчи Акылай.
<i>Экөө тең кабат төрөбөй,</i>	И обе они не родили до сих пор,
<i>Туяксыз өтүп кетем – деп</i>	Не останусь ли я без наследства.
<i>Муну үчүн болбойт көөнүм жсай.</i>	Думая об этом, я неспокоен.

(Манас. ССВ. 1958, с. 253)»¹⁶.

Схожесть принципов обычного и естественного права в кыргызской культурной традиции, основанной на перенесенном кыргызом-кочевником в мир земной тенгрианском принципе «тен», делает кыргызскую юридическую науку уникальной, обладающей своей культурно-правовой базой, и ее истоки не являются производными от Римского права. Все это дает нам основание говорить об эпосе «Манас» как об одном из источников кыргызского права.

Эпос «Манас», с точки зрения феноменальности явления, представляет собой энергоинформационный источник о трансцендентном мире, составляющий один из важнейших духовных истоков кыргызской культуры, а проводником и посредником двух миров – человеческого и трансцендентного – является ма-насчи .

Эпос «Манас» может подпитывать людей живительной силой и энергией и может обеспечивать их информацией, придающей их бытию в земном мире целостность и гармонию. Свидетельством этому являются факты, зафиксированные в наших исследованиях, которые проводили в различных уголках Кыргызской Республики группа «Инициатива по духовной консолидации Кыргызстана» и общественный фонд «Миротворческий центр», подержанный Фондом Кристенсена. Изучение этой темы реализуется в данное время как проект «Дух в действии: сказание эпоса “Манас”». В рамках данного проекта были проведены исследования прямого воздействия сказителя на слушающую аудиторию. В целях фиксации результатов проводилось анкетирование до начала и после исполнения эпоса «Манас». Показательно, что в городе Ноокат одна из женщин к своему удивлению не обнаружила и следов головной боли после прослушивания эпоса. Вместо нее она ощутила прилив сил и жизненной энергии.

Мы также экспериментально отметили, что к исполнению эпоса «Манас» неживая материя (например, обыкновенная монета) более восприимчива, нежели человек. Слушатель не сразу может настроиться на нужную волну, т.е.

¹⁵ См.: Абдрасулов С.М. Оскверненная драгоценность кыргыза кочевника. // «Общественный рейтинг» 3 и 10 сентября 2009 г.; *Он же*. Умыкание невесты: миф и реальность. // <http://akipress.org/comments/news:10931>

¹⁶ Молодобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник по истории государственности кыргызов. – Б.: 2004. – С. 84.

освободиться от мирских, суетных мыслей. Более восприимчивыми оказываются люди, душевно подготовленные, занимающиеся духовными практиками. В ходе экспериментов установлено наличие позитивного энергетического воздействия эпоса «Манас» через сказителя на людей и на окружающую среду.

Результаты нейрофизиологических, биохимических, биомагнитных, социологических и психологических исследований, проводившихся группой по духовной консолидации в рамках указанного проекта опубликованы в коллективной монографии «Кыргызская матрица». Результаты исследований интересны для широкого круга исследователей феномена эпоса «Манас» и манасчи.

Мир сказания эпоса «Манас» обширен и многогранен. Специалисты различных направлений могут в нем найти то, что их может интересовать. И в этом смысле его можно воспринимать как энциклопедический кладезь наук.

Если говорить о манасчи, то они выступали в роли источника и ретранслятора эпического произведения. К сожалению, они в работах литераторов были также объектом отображения, а не исследования. К примеру, в XX в. были осуществлены съемки ряда документальных фильмов о сказителях¹⁷. Но удивительным стало то, что некоторые из авторов использовали в названии своих фильмов прилагательное «последний», что не могло не тревожить душу тех, кто желал видеть будущее сказительского мастерства, связанного с наитием (непосредственная передача знаний духами, связанными с миром Манаса Великодушного)¹⁸.

История кыргызов во все времена сопровождалась и созидалась великими манасчи, правда, их тогда именовали иначе – *чоң жомокчу* (великие сказители). Почтенный возраст знаменитых манасчи XX в. стал основанием для исследователей и кинематографистов назвать это время временем ухода из мира «акыркы манасчы» (последних манасчи). Им удалось запечатлеть образ великих сказителей не только для кыргызского народа, но и для народов мира. Молодые манасчи на их фоне были не столь значимыми и поэтому не были удостоены внимания кинематографистов, не веривших, что молодые смогут дорасти до уровня великих сказителей. «Акыркы манасчы» были детьми своего времени, и как творческие натуры, они довольно четко почувствовали приближающийся конец советской эпохи. Однако в недрах уходящего, как обычно тихо и незаметно для других, зреет то, что будет основанием нового.

Вся история человечества и по сегодняшний день – это всплеск, взлет и падение, а порой и закат истории народов, культур. И этот механизм защиты культур, как ни парадоксально, заложен в самих культурах: уход одних манасчи является основанием появления других.

Каждый манасчи имеет свое предназначение в духовном пространстве кыргызской культуры. Мир эпоса «Манас» многогранен. Его воздействие на человека, на социальную и окружающую нас природную среду тоже многогранно. Можно привести тому несколько примеров. Талантаалы Бакчиев и Улан Исмаилов накануне ошских событий 2010 г., по собственной инициативе, отправились в город Ош, где сказывали отрывок из эпоса «Манас», именуемый «Чоң

¹⁷ Шамшиев Б. – «Манасчи» – Саякбай Каралаев; Убукеев М. – «Манасчи» – Саякбай Каралаев; Убукеев М. – «Вселенная Манаса» – Саякбай Каралаев, Шаабай Азизов; Котлов И. – «Рождение Манаса» – Кааба Атабеков; Апылов Ш., Убукеев М. – «Музыкальный аил» – Шаабай Азизов.

¹⁸ Убукеев М. – «Акыркы манасчи» – Шаабай Азизов; Jos Kuijer (Голландия) – «Акыркы манасчи» – Кааба Атабеков.

казат» (Великий поход). По личному признанию Талантаалы Бакчиева, прямого желая сказывать именно этот отрывок они не планировали. Оно пришло непосредственно перед началом сказывания эпоса «Манас». Или то, как трое манасчи – Талантаалы Бакчиев, Дөөлөтбек Сыдыков и Улан Исмаилов (в отличие от других манасчи), утром 8 апреля 2010 г. отправились к Дому Правительства, чтобы сдержать разбушевавшийся народ. Встав на пути толпы, они силой сказительского мастерства, данного им миром Манаса Великодушного, остановили свой народ и сохранили «Белый дом» от неминуемого повторного погрома.

Можно предположить, что другое духовное состояние общества потребует появления манасчи иного склада, иного уровня. Каждый манасчи уникален и в силу своего предназначения свыше и с учетом этого может быть «маркирован» как первый или последний манасчи, причем каждый последний предполагает появление нового манасчи.

Приобретение дара сказителя не зависит от желания человека, талант дается свыше, и кыргызы верят, что добровольное отречение от судьбы манасчи несет отказавшемуся несчастье. Общество получает от манасчи духовный посыл и алгоритмы упорядочивания мира материального. Оберегая эпос «Манас» и манасчи, общество оберегает мир своей духовности, оберегая мир духовности, общество оберегает себя и создает условия для сохранения и созидания духовных основ своего будущего. Предназначение манасчи быть энергоинформационным мостом между двумя мирами, миром человеческим и миром трансцендентным, дающим возможность человеку гармонизировать свое бытие с бытием мира, гармонизировать отношения людей различных культур и вероисповеданий внутри общества.

Кыргызский народ, прикасаясь к истокам своей духовности, к эпосу «Манас» благодаря сказительскому мастерству манасчи, возвращает издревле присущую кыргызам соорганизованность духовного и материального начал, где материальное начало направлено на созидание духовного, а духовное придает материальному миру определенную организованность и духовную направленность¹⁹. Сохраняя эпическое наследие поддерживая и культивируя возрождение сакрального отношения к эпосу «Манас» и манасчи общество создает условия для существования самоидентичности кыргызов.

Abdrasulov S.M. The epos «Manas» and manaschy as sacred phenomenae of Kyrgyz spirituality

Summary. The article considers the legal norms of the Kyrgyz people, which can be reconstructed on the epos «Manas». Is a characteristic phenomenon of *manaschy* as translators of centuries-old spiritual traditions of the Kyrgyz.

Key words: epos, legal norms of the Kyrgyz, *manaschy*, traditional Kyrgyz mentality

¹⁹ Абдрасулов С.М. Философское осмысление кыргызской ментальности // <http://akipress.org/comments/news:1981>

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИРОДА ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. I

И.Л. Кызласов (г. Москва)

Резюме. Историко-культурный взгляд на памятники енисейского рунического письма (в первой части статьи преимущественно на эпитафийные стелы) позволяет связать его появление с религиозной практикой глубокой древности, равно как и его культовое применение в раннем средневековье. Приход в Южную Сибирь манихейства с VIII в. существенно укрепил социальные позиции енисейской письменности.

Ключевые слова: енисейская руническая письменность, эпитафийные стелы, происхождение и религиозное применение рунического письма

Руническая письменность тюркских народов была открыта европейской наукой 292 года тому назад – в августе 1721 г. Все началось с памятников так называемого енисейского письма (отличного по набору знаков от других азиатских рунических – орхонского и таласского – алфавитов, обнаруженных лишь в конце XIX в.). Роль полевой археологии в изучении этих монументов (как в их обнаружении, так и в осуществлении изданий, ставших источником для работы филологов) во все времена была особенно высока. К 60-м гг. XX в. именно археологические исследования доказали, что памятники енисейской эпиграфики представляют официальную письменность южносибирского Древнехакасского государства [Кызласов Л.Р. 1960; 1965].

С тех пор научная мысль избирала самые разные направления их исследования: по большей части филологические, в меньшей мере – исторические и специальные палеографические, и, пожалуй, в самой малой степени – историко-культурные. Фактически вне поля зрения учёных оставалась связь енисейской письменности как с общественным мировоззрением той эпохи в целом, так и с определенными формами религии. Исходя из содержания текстов и соседства их с курганами, изначально признавалась очевидная принадлежность надписей на стелах к погребальной обрядности. Общим местом фольклористики и литературоведения наших дней стало утверждение об их жанровой связи с народными надгробными плачами. Енисейские письмена, нанесённые на скалы и предметы, не получили, увы, и такой разработки.

Между тем, раннесредневековая словесность, запечатленная в разнообразных памятниках енисейской письменности – известное общее число которых сегодня уже намного превышает три сотни – представляет собою обширный и вполне самобытный духовный мир, с разной степенью полноты доступный нашему пониманию. Поэтому излагаемые далее наблюдения по заявленной теме, несомненно, являются лишь первым приближением к ней. И задача моя – показать ключевые, исходные для неё позиции, а также проблемы, требующие будущих изысканий.

Поскольку прямых источников, указывающих на взаимодействие религии и енисейской рунической письменности, нет, всё сказанное основывается на косвенных данных.

1. Религиозная природа рунического письма и языка

Нельзя отрицать ранние факты применения людьми письменности как средства учёта, т.е. для нужд хозяйственных, материальных. Как и нельзя отрицать убеждённости древних обществ в том, что письменность – дар божий, доступный лишь посвящённым, т.е. сфера духовного. В отношении тюркской рунологии не всегда осознаётся общеизвестное и потому стоит напомнить, что рождение всякой древней письменности произошло внутри религии и осуществилось благодаря осознанной культовой деятельности специально обученного профессионального жречества.

Азиатские руны долго воспринимались как явление довольно позднее, как сознательное авторское изобретение, недалёкое от VI в. н.э. Но анализ двух рукописных фрагментов рунических азбук, найденных в Восточном Туркестане, выявил расхождения современного учёного восприятия и знаний грамотеев раннего средневековья. Строй рунического письма оказался чрезвычайно древним, восходящим к слоговым принципам бронзового века; выявились и главные этапы пройденного им с тех пор пути. Известные сегодня енисейское и орхонское письмо образуют две самостоятельных ветви, в разное время разошедшиеся от общего ствола [Кызласов 1994а: гл. III; 1998а].

Исследования последнего времени позволяют видеть особое положение третьей азиатской рунической письменности, таласской, сформировавшейся примерно в X в. на неизвестной пока алфавитной основе под прямым влиянием енисейского письма. Таласская камнеписная традиция возникла в условиях миссионерской деятельности и распространения сибирско-тюркского манихейства на землях нынешних Кыргызстана и Казахстана. Судя по палеографическим, лексико-фразиологическим и орфографическим признакам, особую роль в этом процессе сыграли алтайские религиозные центры того времени [Кызласов 2005а; 2005б; 2012].

Ныне в науке о письменности азиатское руническое письмо стоит рядом с другими историческими, длительно развивавшимися письменностями человечества. Следовательно, общественные законы, познанные наукой в отношении древних этапов становления письменности в целом, вполне могли распространяться и на её столь же древний частный вид – азиатские рунические письмена.

Восхождение проторунического письма к далекой эпохе учетных жреческих записей выявляют разновидности древнейших письменных документов и книг тюркских народов. Их облик, как оказалось, хранят каменные столбы енисейских эпитафий. На этих монументах высекались не только рунические знаки текста, но и воспроизводились внешние особенности тех черновиков, которыми пользовались каменотёсы. Уже само размещение кратких текстов на двух-трех, а то и на всех четырех гранях вертикальных стел отражало форму деревянных образцов. Архаичность южносибирских протографов VIII–X вв. оказалась поразительной.

Преобладали два варианта – это были деревянные стержни или дощечки, иногда связанные в складные листы, подобно циновкам. К тому времени такие разновидности письменных документов давным-давно устарели и вышли из употребления во всех областях тюркского письма, кроме ритуального. В нем сохранилась и древнейшая манера размещения текста от нижней строки к верхней (так называемое письмо по восходящей лесенке), сложившаяся в забытую эпоху ведения учётных записей на разрозненных дощечках. Судя по общим культурным аналогиям, эта эпоха на Западе и Востоке Азии наступила в бронзовом веке. Сохраняясь как среди енисейских, так и среди орхонских эпи-

тафийных памятников, этот способ письма, тем самым, восходит к их общему и древнему прототипу [Кызласов И.Л. 1998б].

Тем самым, енисейские эпитафии выявляют былую святость проторунического письма, его применение и сохранение в узком и замкнутом жреческом кругу: древнейшие особенности письма и письменные документы архаичнейшего облика не случайно сохранились только в консервативной, насквозь обрядовой области – в поминальном обряде. Следовательно, весьма вероятно, что древнейшая письменность тюркских народов остается для нас неведомой по двум причинам: из-за применения для письма тленных материалов и ограниченности самой области использования грамоты, отнесения ее к особой сфере священных и тайных знаний.

В условиях этой жреческой скрытности были некогда заложены и веками осознанно сохраняемы при создании сакральных, богослужебных текстов основы того общерунического письменного литературного языка, который в готовом виде неожиданно для современной науки проявляется уже в первых известных памятниках VIII в. Его ярко выраженная обработанность (отчетливый наддиалектный характер, полученный сплавом нескольких морфологических начал и строгой фонетической нормированности, богатая и устойчивая фразеологическая формульность, функционально-стилистическая вариативность и др.) предполагает длительную историю предшествующего развития [Тенишев 1976; 1979; 1983; 1988; 2005]. Ныне, с выделением хотя и косвенных, но материальных свидетельств длительного все еще скрытого от науки периода существования рунической письменности в глубокой древности, становится ясным: обладание рунами не было в культуре тюркских народов небольшим историческим эпизодом.

Так же как прочие литературные языки древности и средневековья, письменное руническое койне возросло на почве устной наддиалектной речи. Наиболее вероятно, таковой явился язык не одной лишь эпической, но и культовой поэзии. Енисейские эпитафии сберегли в строе и содержании своих скорбных текстов один из видов такой поэзии – погребальные плачи. Но поскольку те же памятные камни, как говорилось, сохранили в своем облике внешние особенности деревянных протографов, становится ясно, что устное койне рано приобрело в обрядах письменную форму. Об этом еще придется сказать в разделе 3.

Показательно также, что глубина авторитета рунического письма в тюркоязычных обществах проявилась во введении орхонского и енисейского его вариантов в качестве официальных, государственных письменностей раннесредневековых держав – соответственно, с одной стороны, Восточнотюркского (и политически и культурно преемственного ему в Центральной Азии Уйгурского) каганата (отвергнувших официальную роль согдийской речи и письменности, до того свойственную Первому Тюркскому, Западнотюркскому и Тюркешскому каганатам), а с другой стороны – Древнехакасского (Кыргызского) государства. Этим названные государства осознанно демонстрировали окружающему миру свою древнюю самобытность и независимость. Прямая связь применяемых алфавитов с официальной идеологией общества отчетливо проступает в прочих случаях смены систем письма в связи с победой новых религиозных доктрин в тюркских государствах средневековья. Хорошо известны основные вехи письменной культуры, последовательно отмеченные глобальным распространением в тюркоязычном мире то так называемого уйгурского письма, то арабицы, то – на новейшем этапе – латиницы и кириллицы, то вновь латиницы.

Сохранение рунописности в Уйгурском каганате и в последующих уйгурских государствах Восточного Туркестана прослеживается прежде всего именно в консервативной религиозной сфере. Официальное использование курсивного, так называемого уйгурского письма, сложившегося на основе согдийского, известно уже на рубеже VIII и IX вв. Доказательством служат начертания монетных легенд [Thierry 2005: 411, 412, fig. 11]. Поныне не учитываемая в перечнях уйгурской эпиграфики надпись на столике бронзового буддийского алтаря, найденного в Хакасии у с. Батени [Мудрак 2010], очевидно, являвшегося трофеем войны 820–840 гг., уничтожившей Уйгурский каганат, пожалуй, не могла быть создана позднее первой трети IX в. Близ того же села в древнехакасском погребении встречена и серебряная чаша с надписью уйгурским письмом – ставшая добычей той же войны [Гаврилова 1968; Щербак 1968].

Для построения истории уйгурского алфавита и постижения условий его распространения весьма важен вопрос о датировке Улангомской надписи [Щербак 1961; 2001; работа П. Циме мне недоступна, ее положения восприняты по изложению [Щербак 2001]; новые публикации С.Г. Кляшторного – 2003: 282–288 – воспроизводят авторское мнение 1961 и 1963 гг.).

Решающими здесь являются не исторические аллюзии (см. отрицание прочтения в стк. 5 этнонима *tüğeş* со стороны П. Циме), а жанр, общий строй, стандартные формулы, идущие от лица самого умершего, и язык текста, свойственные не обобщенно воспринимаемой «орхоно-енисейской эпиграфике», а канону одних лишь енисейских эпитафий. Этому целиком отвечают и, увы, оставшиеся археологически не исследованными, но указанные находчиком обрядовые особенности размещения стелы – у восточной полы каменного погребального (не поминального, как у тюрок) кургана, и соседство памятника с другим классическим курганным комплексом, оснащенным енисейской рунической эпитафией, т.е. изначальная принадлежность памятника к могильнику конкретной раннесредневековой культуры (выделение этих признаков см.: [Кызласов Л.Р. 1960; 1965]). Даже без столь необходимых в этом редчайшем случае, но не проведенных археологических раскопок кургана, оторванная от изначально связанных с нею древностей и изолированно сугубо филологически рассматриваемая Улангомская надпись, благодаря краткому описанию условий ее размещения несет все необходимые обрядовые черты для ее историко-культурного определения. Она представляет собою первую, но не тюркскую, а единственную пока древнехакасскую (кыргызскую) эпитафию, выполненную по всем местным установлениям, хотя и не руническим лапидарным письмом, но уйгурским курсивом, кроме графической основы, во всем подчинявшимся здесь древней культовой традиции Енисея. Такое определение отвечает каждому отдельному и всем воспринимаемым заедино известным культурным признакам (ср. также соответствующее одному лишь енисейскому камнеписному именованию прочтение П. Циме имени меморанта: *Vars-tegin*). Данные полевой археологии порождают прогноз: будь раскопан этот курган, он содержал бы захоронение по обряду трупосожжения на стороне и характерный сопроводительный инвентарь так называемой тюхтятской археологической культуры [Кызласов Л.Р. 1981б]. Иными словами, возвращаясь к датировке памятника, комплекс, включавший Улангомскую надпись, а *rigi*, следует отнести к периоду не ранее первой четверти IX в., а в историческом отношении, может быть, соотносить с Суджинской надписью. Поскольку археологические позиции в этом случае незыблемы, тонкие морфологические и палеографические наблюдения, сделанные при изучении письменного памятника А.М. Щербаком,

вероятно, имели бóльшую временную протяженность.

Между тем, наблюдая указанные изменения в рамках средневековья, отметим важный для нашей темы второй показатель общепризнанного и давнего авторитета рунической письменности. Его отразила история ранних литературных языков тюркских народов, оказавшаяся в известной мере независимой от определяющих графических основ. Дело в том, что характерные морфологические и фонетические черты рунического койне, с его явной архаичностью и оторванностью от обыденной речи общества, сначала составили базу последующих форм письменных литературных языков, а затем продолжали сохраняться в них в виде заметных пережитков вплоть до позднего средневековья [Тенишев 1976; 1979; 1983; 1988; 2005]. Тем самым, древняя письменная речь, первоначально связанная с рунической словесностью, еще очень долго служила, оказывается, у тюркских народов признаком высокой образованности.

Вполне понятно, что для наших разысканий не имеет значения ни степень осознанности этого наследования (непреренно уменьшавшаяся со сменой алфавитов и, в конце концов, исчезнувшая), ни расширение доли новых строевых элементов с формированием каждого нового варианта литературного языка (особенно увеличивающихся от эпохи к эпохе с возрастанием его популярности), ни политический аспект этой темы. К последнему заметим, что официальный, государственный статус письменного языка, и тем отрицание его национального характера, нередко отражены в его названии – так караханидский литературный язык именовался «кашгарским» (т.е. столичным), «буграхановским», «хакановским» или «хакановским тюрки», а тимуридский – «чагатайским» [Тенишев 2005].

Здесь, однако, особенно значима сама преемственность языкового развития в сфере письменности, то наследование авторитетной традиции, которая отличает литературные языки вообще¹, а в нашем случае, позволяет ретроспективно выделить исходное состояние. Оно, как мы видели, теснейшим образом связано с культовой практикой, глубоко уходящей в века от рубежного для тюркской рунологии VIII столетия.

Какая религия издревле владела руническим письмом (а значит, имела Писание), ныне неизвестно. Но такая древняя религия в Южной Сибири была. Археологические работы последних десятилетий показали, что в конце VIII в. она была побеждена, а к XI в. вытеснена манихейством. Древняя сакральность енисейского рунического письма подтверждена восприятием его новой пришедшей религией в качестве собственной священной письменности.

2. Манихейская религия и енисейское письмо

В самом появлении многочисленных енисейских надписей мы можем, таким образом, видеть внешнюю для общества побудительную причину. Рождение этого нового в раннесредневековой культуре Южной Сибири явления – как по рассмотрению курганных захоронений, снабженных эпитафийными памятниками, так и по датировке предметов, несущих надписи, – сегодня определяется археологами поздним VIII в. К тому же времени принадлежит и начало строительства в Хакасии кирпичных храмов, открытых и изученных Л.Р. Кызласовым. Сравнительный анализ письменных источников позволяет установить принадлежность всех этих культовых зданий к манихейству [Кызласов Л.Р.

¹ Это общее положение проиллюстрирую примером с вымеренной хронологией: в надписях Фессалии ряд морфологических и фонетических признаков микенского койне XIV–XII вв. до н.э. сохранялся еще через 1000–1100 лет [Гринбаум 1994: 158].

1998; 1999; 2001]. Следовательно, с приходом на Енисей этой религии завершается скрытый пока для науки древний этап жреческого применения енисейского письма и начинается новый и явный его этап – публичного применения рунической письменности. В этом, прежде всего, и заключена в наших глазах особая роль манихейства в развитии енисейского рунического письма.

Две хорошо известных коренных духовных особенности манихейства позволяют принять высказанное допущение. Во-первых, эта религия, отводя человеку особую роль в познании изменчивого и противоречивого мира, обращалась к книжным знаниям и старательно распространяла грамотность среди своих приверженцев [Бартольд 1963: 218, 222; Литвинский, Смагина 1992: 511, 515-518, 520, 530]. При каждом манихейском храме существовали библиотека и класс для занятий. Во-вторых, манихейская церковь всюду вела свою деятельность на национальных языках верующих и единственная в Азии применяла руническое письмо тюркских народов [Габен 1986: 171]. Манихейские тексты на бумаге, записанные по-тюркски рунами, найдены германскими экспедициями в Восточном Туркестане в начале XX в. Ради изучения рунического письма были сделаны и упомянутые выше записи алфавитов, которые сохранили нам истинный строй рунических знаков в азбуке. В рукописи из оазиса Тойок ряд рун дублирован буквами манихейской письменности.

С выходом манихейства на арену сибирской истории впервые явно проступает образованное сословие, древнетюркская интеллигенция – профессионально подготовленные люди, видевших своё предназначение в духовности, умственном труде и письменности [Кызласов И.Л. 1999а; 2013]. Широкая для средневековья грамотность населения и привела к многочисленности енисейских рунических памятников. Не будем забывать, что до нашего времени дошла малая часть того, что было в реальной жизни. Енисейская эпиграфика отмечает разнообразное применение письма и вне религиозной сферы, например, для создания на предметах пояснительных, владельческих, фискально-даннических и благопожелательных надписей [Кызласов И.Л. 1994а. С. 199–203]. Однако нет сомнения, что в эпоху раннего средневековья наибольшее применение имела религиозная письменность.

Археологические памятники отмечают две области обрядового применения енисейской письменности, порождённые приходом в Древнехакасское государство манихейской религии: эпитафийные надписи на стелах и наскальные написания. Своеобразие их очевидно даже в сравнении с близкородственным миром орхонской камнеписности Центральной Азии, испытавшей в области памятных надписей на стелах сильное воздействие имперских традиций Китая и, весьма вероятно, изначально не знавшей культовых начертаний на скалах. Напротив, именно в этих областях енисейской эпиграфики прослеживаются наиболее глубинные черты общетюркской культуры. Тем показательнее здесь и сохранившиеся особенно древнего мировоззрения, и воздействие на развитие письма новой идеологии.

В этих, глубоко консервативных обрядовых сферах удалось выделить тексты, содержащие явные признаки вероучения и словесные формулы, присущие манихейской религии [Кызласов И.Л. 2001; 2003; 2013].

3. Рождение енисейских эпитафий

По современным данным стелы с енисейскими эпитафиями создавались с VIII по XI в. включительно. Они принадлежат к древностям трёх последовательно сменявшихся друг друга древнехакасских археологических культур: к позднему этапу культуры чаатас (VIII – первая половина IX в.), к тюхтятской (середина IX – конец X в.) – в подавляющем большинстве – и к начальным этапам аскизской культуры (конец X – XI в.) [Кызласов Л.Р. 1960; 1965; 1981а: 52, рис. 28; 1981б.: 58, рис. 33; Кызласов И.Л. 1981: 206, 207, рис. 74; 1983: 21, рис. 26, Б, 1, 15]. Цепь этих куль-

тур Хакасии, как известно, берет начало в таштыкской (середина I в. до н.э. – V в. н.э.) и при сквозном обзоре выявляет древнейшую форму поминальных памятников тюркских народов.

Таковыми были обращенные на восток необработанные вертикальные стелы, каждая из которых в обряде символизировала собою умершего. В таштыкскую эпоху водружаемые у коллективных захоронений стелы образовывали ряды [Кызласов И.Л. 1975; Грязнов 1979: 128–142]. Позднее они одиночно устанавливались к востоку и юго-востоку от персональных каменных мавзолеев (развалины которых сибирская археология именует каменными курганами) [Кызласов Л.Р. 1960; 1965].

Надпись – наиболее поздняя и явно привнесенная составляющая давным-давно сложившегося обряда. Форма строк и размещение букв на енисейских стелах показывают, что текст высекался уже на вертикально установленном камне, он лишь дополнял завершённый памятник – бессловесный менгир, знакомый по многим предшествующим столетиям. Эта особенность, по-разному проявляющаяся на многих енисейских надмогильных памятниках, хорошо видна, например, на одной из наиболее ранних енисейских эпитафий – стеле с Ташебинского чаатаса (Е 40) (рис. 1).

Рис. 1. Эпитафия Ташебинского чаатаса (Е 40). VIII в. Хакасия. Хранится в Минусинском музее, инв. № 43. Прорисовка автора.

С завоеванием Тувинской котловины северянами возникли новые формы енисейских эпитафий. Памятные тексты IX–X вв. в 13 случаях оказались на безкурганых одиночных или образующих ряды стелах, вероятно, отмечавших

Ряд букв дважды теряет здесь прямое направление (с третьего и семнадцатого знаков) и не только изгибается дугами, загнутыми по направлению письма, но и ступенчато срывается к низу строки. На этом памятнике явно проступает и иное подтверждение нанесения текста уже после установки стелы, на завершающем этапе обряда. Пустая вершина камня, пригодная для резьбы, но не занятая ею, доказывает цельность камнеписного текста. Однако фраза в нем остается незаконченной: (e)r (a)t(i)m : (a)n(a)r : t(a)z : ökä : el(i)m : t(a)yi : b(a)r : (a)ltun «Моё имя мужа-эра – Анар Таз-огя. Моё владение-эль и имеющееся (у меня) золото (я оставил)»². Очевидно, древнехакасский обычай (в отличие от тюркского или уйгурского, сопровождавшегося длительными работами по составлению и высеканию эпитафийного текста; см.: [Кызласов И.Л. 1999а: 103–104]), по крайней мере в VIII в. требовал быстрого изготовления надписи на уже водруженном камне – за один прием. Отсюда и неразмеченность камнеписных строк, и незавершенность конечных фраз. Последняя особенность также присуща нескольким енисейским памятникам (Е 1, Е 19, Е 26, Е 46, Е 51).

² Изучение подлинника уточняет неудачные прочтения предшественников [см.: Малов 1952: 69–70; Кормушин 1997: 128–129; 2008: 128–129].

своеобразные поминальные кенотафы [Кызласов Л.Р. 1960: 119, 120; 1965: 42, 43, 46–48, рис. 6]. Для нашей темы важно, что эти стелы не водружались на Верхнем Енисее специально, резчики средневековых эпитафий использовали стоявшие на своих первоначальных местах, нередко в прямоугольных каменных оградках, менгиры и скульптуры (оленные камни) раннего железного века. То есть и в этих случаях текст стал последней, дополнительной частью памятника и наносился уже на вертикально стоящий камень.

Выход эпитафийного письма за первоначальные пределы среднеенисейских долин привел в Туве и на Алтае к соседству архаичных поминальных стел без текстов с исписанными камнями. Среди местных тюркоязычных горцев новый обычай так и не получил широкого распространения – большинство символов умерших (ставившихся не к востоку от курганов, как у древних хакасов, а к западу или северу от жертвенных курганчиков) сохранило вид немых необработанных камней [Кызласов И.Л. 2010].

Вторичность, привнесённость надписи на извечно существовавший поминальный каменный знак объясняет многие особенности облика енисейских эпитафий, долго не понимавшиеся наукой. Необработанность камней для надписей по сей день расценивается исследователями как свидетельство неаккуратности и, следовательно, культурной неразвитости их создателей. Авторитетные учёные писали и пишут о грубых енисейских подражаниях «царским» поминальным стелам Орхона [Clauson 1962: 68, 69, 72; Кормушин 1997: 4; Щербак 2001: 8]. Такой вывод далёк от действительности.

Археологу вполне очевидно, что для нанесения эпитафий на Енисее использовались только древние камни, к раннему средневековью уже простоявшие в степях тысячелетия. Таковы изваяния энеолита (так называемые тазминские или окуневские), скульптурные оленины камни и простые менгиры раннего железного века. Для первых двух категорий обычны не только рельефные древние изображения, но и общий фаллический облик камней, а признак двух последних групп – намеренно скошенные вершины, см.: Е 1 – Е 3, Е 5 – Е 11 и т.д.) [Васильев 1983: 82-84, 87-94, 96, 101-109, 111-113, 120; Кормушин 2008]. У всех них к моменту нанесения рун были уже иссеченные ветрами и древними людьми, покрывшиеся пустынным загаром и первобытными петроглифами поверхности.

Ни один камень в средневековье не был специально добыт и обработан ради енисейской эпитафии. Когда видишь следы набора из 3–5 каменных инструментов, применённых для высекания каждой памятной енисейской надписи [Кызласов И.Л., 1992; 1994б: 59, 60], понимаешь, что обработка камня (по большей части осадочной породы – песчаника или сланца) не представляла для мастера-профессионала особой сложности. Осознаёшь, что он был способен и снаряжён, но не имел права тронуть древнюю поверхность.

Следовательно, облик енисейских эпитафий не есть свидетельство неумелости их создателей, а весьма устойчивый показатель особенностей мировоззрения. Предки очень точно именовали эпитафийные стелы *bençü taş* – «вечный камень» (ДТС 1969: 94), поскольку вечным для них был только изначально, от создания мира стоявший на земле камень. Таковыми, как видим, они считали рукотворные каменные столбы неведомой им древности. Даже самые величественные собственные произведения они полагали бранными. Чтобы создать вечный памятник, надо было сойтись с вечностью, а не сотворить её. Их представления о вечности отличались от наших и составляли, можно думать одну из основных черт пратюркского космогонического мировоззрения.

Зависимость енисейского эпитафийного письма от древних местных поминальных традиций яснее ясного проявляется в манере повествовать от первого лица («Моё имя мужа-эра...» и т.д.). В последней трети VIII в., с приходом на Средний Енисей распространявшего грамотность манихейства, веками безгласные камни, символизировавшие умерших, заговорили от их имени. Отсутствие портретных скульптурных черт позволило наносить тексты на поминальные камни, исконно символизировавшие самих умерших. Между тем, поминальные камни тюркок-тугю (а за ними древних уйгуров, кыпчаков и других, безымянных для нас тюркоязычных народов) уже в VI в. превратились в портретные изваяния. Откуда шёл этот культурный толчок сегодня точно сказать невозможно, но портретность памятников не позволила наносить на них поминальные тексты – потому эпитафии не получили в Тюркских каганатах и у их последователей массового распространения. Знаменитые орхонские стелы как по форме, так и по назначению (но не по языку и письменности) – плод воздействия китайской имперской традиции [Кызласов И.Л. 1998б: 82, 83].

По-видимому, в церемонии при свершении поминок плач от лица умершего издревле произносился стоявшим у стелы жрецом, подражавшим голосу почившего героя. Жрец не импровизировал, а читал заранее подготовленный текст, записанный на деревянные стержни или дощечки, – они-то, как мы видели, со временем и стали черновиками-протографами для резчиков енисейских эпитафий. Применение письменности в вековечном поминальном обряде, таким образом, началось задолго до VIII в. Приход манихейства, однако, вызвал качественное изменение в использовании письма: из записи, предназначавшейся лишь для действовавшего жреца, оно превратилось в камнеписный текст, доступный всем участникам церемонии, как и их потомкам. Письменность стала массовым достоянием.

Содержание и форма текста енисейских эпитафий, тем самым, сохраняют древнейшие особенности культовой речи – устной и письменной. Их горестные строки лаконично повествуют о жизненных ценностях, почитавшихся изначальными и вечными. Перед нами редкий источник для постижения духовных основ не только раннесредневекового общества, но и значительно более древнего времени, того длительного периода, который предшествовал приходу на Енисей манихейской идеологии. В енисейских эпитафиях нет ни обращений к божествам, ни ожидания загробного воздаяния, ни представлений о возможности вечного и блаженного бытия за пределами земного. Напротив, человеческая жизнь мыслится авторами этих памятных текстов как единственное и абсолютно счастливое время, а смерть как горестная и безвозвратная утрата [Кызласов И.Л. 2001: 243, 244].

Жизнь видится чередой этапов, на каждом из которых необходимо соответствовать определенным устоям и достичь соответствующего социального уровня. Достойное прохождение каждого из жизненных состояний и создает условия беспечального существования. Мужская доля в этом не отличается от женской, хотя последняя и выступает через взаимоотношение с сильным полом. Несмотря на принадлежность к аристократическому слою общества VIII-XI вв., эти памятники сохраняют много архаичного, восходящего к древности, не знавшей столь явного социального неравенства.

Изучение жизненных ценностей, отраженных в енисейских эпитафиях, – самостоятельная и важная задача рунологии.

Литература

- Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. II, ч. 1. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. – С. 167–433.
- Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л.: Наука, 1983. – 127 с.
- Габен А. фон.* Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. – М.: Наука, 1986. – С. 159–190.
- Гаврилова А.А.* Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов // КСИА, вып. 114. 1968. – С. 24–30.
- Гринбаум Н.С.* У истоков первого поэтического языка Европы // ВДИ, 1994, № 4.
- Грязнов М.П.* Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89–146.
- ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1969. – XXXVIII + 676 с.
- Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб.: Филологич. фак-т СПбГУ, 2003. – 560 с.
- Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 303 с.
- Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. – М.: Наука, 2008. – 342 с.
- Кызласов И.Л.* Поминальные памятники таштыкской эпохи // СА, 1975, № 2. – С. 30–47.
- Кызласов И.Л.* Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 200–207.
- Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е3–18. – М.: Наука, 1983. – 128 с.
- Кызласов И.Л.* О профессиональных писцах-каменотесах Древнехакасского государства // Вторые Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 2. – Омск, 1992а. – С. 45–47.
- Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература, 1994а. – 327 с.
- Кызласов И.Л.* Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. – М.: Восточная литература, 1994б. – 102 с.
- Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА, 1998а, № 1. – С. 71–83.
- Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА, 1998б, № 2. – С. 68–84.
- Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА, 1999а, № 4. – С. 99–117.
- Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Вост. лит-ра, 2001. – С. 243–270.
- Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М.: Гуманитарий, 2003. – 109 с.

Кызласов И.Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. – Бишкек: Илим, 2005б. – С. 51–64.

Кызласов И.Л. Новый тип поминальных памятников тюркоязычного населения Южной Сибири (К расселению и ранней истории чиков) // РА, 2010, № 4. – С. 88–100.

Кызласов И.Л. Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов междунар. научно-практического семинара. – Алматы: Service Press, 2012. – С. 40–44.

Кызласов И.Л. Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе матлов конф. «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Б. И. Маршака (1933–2006) / Тр. Гос. Эрмитажа. Т. LXII. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 266–294.

Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА, 1960, № 3. – С. 93–120.

Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА, 1965, № 3. – С. 38–49.

Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981а. – С. 46–52. Рис. 28, 29.

Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX-X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981б. – С. 54–59. Рис. 33, 34.

Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Серия 8. История. 1998. № 3. – С. 8–35.

Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА, 1999, № 2. – С. 181–206.

Кызласов Л.Р. Сибирское манихейство // ЭО, 2001, № 5. – С. 83–90.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.

Мудрак О.А. Тюркская надпись на Батеневском алтаре // Вопросы тюркологии. – М.: Ин-т тюркологии, 2010, № 1. С. 21–35.

Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. – М.: Наука, 1992. – С. 508–532.

Тенишев Э.Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // СТ, 1976, № 1. – С. 27–33.

Тенишев Э.Р. Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте // Вопросы языкознания, 1979, № 2. – С. 80–90.

Тенишев Э.Р. Огузские элементы в древнеуйгурском языке // Восточная филология. Вып. 5. – Тбилиси, 1983.

Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // СТ, 1988, № 1. – С. 67–78.

Тенишев Э.Р. История тюркских письменных литературных языков донациональной поры // Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество. 1921–2004. – М., 2005. – С. 78–91.

Щербак А.М. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // ЭВ, XIV, 1961 – С. 23–25.

Щербак А.М. Древнеуйгурская надпись на серебряной чарке из могильника Над Поляной // КСИА, вып. 114, 1968. – С. 31–33.

Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы её распространения и особенности использования. – СПб., 2001. – 148 с.

Clauson G., sir. Turkish and Mongolian Studies. – L., 1962. – XVII+261 с.

Thierry F. La monétarisation de la société türke (VIe – IXe siècle). Influence chinoise, influence sogdienne // Les Sogdiens en Chine (Études thématiques. 17). – Paris: École française d'Extrême-Orient, 2005. – P. 397–417.

***Kyzlasov I.L.* The religious nature of the Yenisei inscriptions. I**

Summary. Historical-cultural look at the monuments of the Yenisei runic inscriptions (the first part of the article considers mainly the epitaph steles) allows to associate its appearance with the religious practices of the ancient times as well as its cultic application in the early middle ages. The occurrence of Manichaeism in the 8th century in Southern Siberia greatly strengthened the social position of the Yenisei writing.

Key words: the Yenisei runic inscriptions, epitaph steles, origin and religious application of runic inscriptions

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ТОБОЛО-ИРТЫШСКОМ
ДИАЛЕКТЕ СИБИРСКИХ ТАТАР

Х.Ч. Алишина (г. Тюмень)

Резюме. В статье даются сведения о грамматических категориях имени существительного, представленных в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар.

Ключевые слова: тоболо-иртышский диалект, имя существительное, грамматическая категория

Имени существительному в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар свойственны категории числа, принадлежности и падежа, оно может принимать аффиксы сказуемости [Алишина 1994: 73].

Категория числа

Множественное число выражается аффиксами *-лар/-лэр, -нар/-нэр*: *куй* ‘овца’ – *куйлар* ‘овцы’, *сэтэп* ‘пуговица’ – *сэтэплэр* ‘пуговицы’, *тумарлар* ‘кочки’, *туннар* ‘тулупы’.

Категория принадлежности

Значение принадлежности какому-либо лицу или чему-либо выражается синтетически с помощью аффиксов принадлежности или аналитико-синтетическим способом – аффиксами принадлежности и родительным падежом местоимений.

Е д . ч и с л о

- 1 л. *тусым* – мой друг, моя подруга
- 2 л. *тусың* – твой друг, твоя подруга
- 3 л. *тусы* – его друг, его подруга

М н . ч и с л о

- 1 л. *тусларыбыс* – наши друзья
- 2 л. *тусларыгыс* – ваши друзья
- 3 л. – *туслары* – их друзья

Имена, обозначающие родственные отношения, употребляются в звательной форме: *инэкәү* – мама (обращение к матери), *этикәү* – папа (обращение к своему отцу), *әннэкәү* – бабушка, *тэтэкәү* – дедушка, *цэцэкәү* – обращение к старшему брату, *цэцэбәү* – обращение к старшей сестре и т.д. При склонении эти имена изменяются с аффиксами принадлежности: *инэкәмнән сурарым* – спрошу у своей мамы, хотя параллельно может употребляться форма: *инэкәүтән сурарым* – спрошу у мамы. К именам, обозначающим родственные отношения, аффиксы принадлежности 1 и 2-го л. ед. ч. могут присоединяться до аффикса *-а^олар*: *цэцэкәма^олар* – мои старшие братья, *цэцэбәма^олар* – мои

старшие сестры, *әннәкәма*°лар – семья моей бабушки. *Тәтәма*°ларга китеп *па*°рам – Я иду в дом моего дедушки, *Олла*°бәма°ларга кереп *цықты*м – Я навещил [дом] тети и т. д. Аффиксы принадлежности могут присоединяться и после аффикса *-лар/-ләр*: *Кеңегәләрең па*°рма? – У тебя есть младшие братья и сестры?; *Па*°лларыңа *уйынцыг а*°л – Купи своим детям игрушку.

Возвратное местоимение может не принимать аффикса родительного падежа: *Ус күләгәңне үсең та*°нымайсың. – Сам свою тень не узнаешь; *Ус а*°вылына *қа*°айтты – Вернулся в свою деревню; *Ус па*°шыма *па*°ша°wрық *пулты* – Стал головной болью для своей же головы.

При сочетании с местоимениями 1 и 2 л. ед. и мн. ч. в родительном падеже определяемое имя может употребляться без аффикса принадлежности: *Минең өй әллә га*°йтан *күренеб утырат* – Мой дом издалека уже виднеется; *Песнең төстә төрлөсә үсәте*. – В нашем лесу всякая всячина растет; *Синең күс йа*°қшы *күрәте*. – Твои глаза хорошо видят; *Синең та*°выш *үткер*. – У тебя голос пронзительный.

Местоимения и имена существительные в форме на *-нықы/-неке, -ныңқы/-неңке* со значением принадлежности употребляются в функции определения, заменяя собой форму родительного падежа в составе изафетной конструкции. При этом определяемое может быть без аффикса принадлежности: *А*°навы *қыснықы китабы* – Книга той девушки; *Песнеңке қа*°пқа *төптә үтырып қа*°лты – Он остался сидеть возле наших ворот; *А*°нтай *төйгәцә песнеңке тә ба*°р – Такая толкушка и у нас имеется; *Йырнықы көйөн онтоп киттем ицмасам*. – К сожалению, забыл песенный мотив; *Рузиләнеке туйына қа*°йтамсың? – Поедешь домой на свадьбу Рузили?

Если значение второго компонента – определяемого – известно из предшествующего контекста, то оно опускается. Определение, выраженное формой на *-нықы, -ныңқы, субстантивирюясь*, может принимать аффиксы числа и падежей. В таких случаях форма на *-нықы* выполняет функцию подлежащего в основном падеже или дополнения в косвенных падежах: *Сеснеңегә йетә а*°лмайтла – С вашим'то не может сравниться; *Сеснеңкеләр сураусыс цыгып китмәйтләр* – Ваши без спроса не уходят; *А*°ларнықытан *песнеңке әйбәтрәк* – Наш лучше, чем их.

Если речь идет о двух или более лицах, относящихся к определенной территории, то при наличии определения, выраженного местоимением 1 или 2 л. мн. ч. в родительном падеже, аффикс *-нықы/-неке* может опускаться, напр.: *Песнең йа*°қлар *тәйән па*°ратлар *а*°нта *а*°ңтыңқалы. – Из наших краев всегда туда ездят охотиться; *Песнең а*°выллар *кәнцирт қуйғалы киттеләр*. – Наши односельчане поехали ставить концерт.

Форма на *-нықы/-неке* употребляется в качестве присвязочного члена в именном сказуемом: *Пы сыйыр а*°ларнықы – Эта корова – их; *У ба*°лацықлар *кеңе гысымныңқы* – Те детишки – младшей дочери моей.

Категория падежа

В тоболо-иртышском диалекте шесть падежей.

Основной – Ø

Притяжательный *-ның/-нең, -нықы/-неке, -ныңқы/-неңке*

Направительный *-га/-гә, -қа/-кә, -а/-ә*

Винительный *-ны/-не*

Исходный *-тан/-тән/-нан/-нән*

Местно'временной *-та/-тә*

Основной падеж не имеет формальных показателей, то есть выступает в основной форме, напр.: *А°шықма, ба°лам, па°лаң па°лалы булса – пеләрсең тителәр зуй елекке па°байлар.* – Не торопись, сынок, узнаешь, когда у сына сын родится, у дочери – дочь, – говорили старики.

Родительный, или притяжательный падеж, выражает принадлежность предмета или явления другому предмету или явлению, напр.: *Кемнеке үсәр йеләге? – У кого вырастут ягоды?; Ручканың са°бы та йук, тик стержень пелән кенә йа°сыб утырам* – У ручки и ручки нет, одним только стержнем пишу.

Имя существительное в направительном падеже выступает в предложении как косвенное дополнение или обстоятельство места, времени, причины, цели: *Пыррас Са°матқа пулышлық пулыр, Нәркисә тә сиңә пулышыр* – Немножко Самату помощь будет, и Наркиса тебе тоже поможет; *Пер а°йның пуйына түбә та°қтаг, а а°ңырып йа°ттым сесең адресығысны пелмәй* – В течение целого месяца лежал, глаза в потолок, не зная вашего адреса; *Ә мынта йа°т кешегә па°шқаца га°райтлар* – А здесь на чужого человека иначе смотрят.

В древнетюркском языке направительный падеж образовывался аффиксом -*гару/-гәру*. Д.Г. Тумашева в тоболо-иртышском диалекте зафиксировала несколько слов, превратившихся в наречия с архаическим суффиксом: *йоңқары* – в стороне, в сторону, *артқары* – назад, позади, *оцгары* – на самом краю, на самый край, *тышқары* – снаружи, наружу, *ецкәре* – внутрь, внутри [Тумашева 1977: 136]. У Г.Х. Ахатова аналогичные слова классифицируются как прилагательные: *артқары* – задний, *алгары* – передний, *тышқары* – внешний, *елгәре* – передний, *ецкәре* – внутренний [Ахатов 1963: 92]. В активном употреблении сейчас находятся два-три слова: *оцқары* – «близко к краю», *тискәре* – «наизнанку». *Оцқары теқмә, өсөлөп китер* – Не пришивай близко к краю, оторвется (или: Не пришивай небрежно, оборвется); *Та°йақ пеләкләгән итем, оцқары тейте.* – Бросил было палку, чуть-чуть задел.

Древним направительным падежом является также падеж на -*ра, -ру, -ри*. На наш взгляд, он сохранился в застывших формах: *отра* – навстречу, *иң қа°йтара* – напротив, наоборот.

Винительный падеж выражает прямой объект действия: *Пы, йа°ққа, қа°итып па°қсаң, кеше шигелле пырас па°шыңны син тә йа°л иттерер итең* – Когда вернешься в эту сторону, и ты бы, как другие люди, немного отдохнула; *Ша°лай булып көннәрне үткәрәбес* – Таким образом проводим дни; *Ешине* (вм. *ештән*) *теңкәлән, отставка просить итеп йөрөйте* – Устав от работы, ходит просить отставку; *Па°шлапқы көннәрне а°вырсынып а°лым* – В первые дни мне пришлось тяжело; *Менә бер а°тнаны уғып та қуйтык* – Вот и прочились одну неделю; *Ша°лай итеб а°қцаны пөтөрөп қуйтым, қа°йтқалы пер тинем қа°лматы* – Таким образом деньги я прикончил, ни копейки не осталось для того, чтоб вернуться; *Бандерольне йебәртем игенце көнне уқ, тик менә пер нимәнә онтопмон әйткәле.* – Бандероль я отправил на другой же день, только вот одну вещь забыл сказать.

Исходный падеж выражает точку, от которой начинается действие, место отделения предмета от чего-либо. Он оформляется аффиксами -*тан/-тән* после гласных, звонких и глухих согласных, -*нан/-нән* после носовых согласных.

В предложении слово, стоящее в исходном падеже, выполняет функцию косвенного дополнения или обстоятельства: *Инәкәм цықты пұльництән, өйтә йөрөгән пулаты* – Мама моя вышла из больницы, потихоньку ходит дома; *Әмирғаннан қа°т килте, а°ғылта ша°л көйе тип йа°сқан* – Пришло письмо от Амирхана, он написал, что в деревне все по-прежнему; *Ештән тә пушана*

а°лматым – И от работы не мог освободиться; *Ша° муллатан пирелгән исем* – Имя, данное муллою; *Килеү әйбәт нүлты, туқталыш иц қа°йта йүк, персеннән төшөп игенцесенә утырам* – Ехать было хорошо, нигде задержки нет, с одного слезая, на другой сажусь; *Тавты йул пулмагац песнең а°вылтан игенце йыл йул са°лмақцы пулганнар* – Поскольку Тавдинского тракта не было, в следующем году хотели через нашу деревню проложить дорогу; *Ескеләр Урал та°улары йа°қтан килеп утырган* – Искинцы пришли со стороны Уральских гор и поселились; *Мәвлетебес қа°йтматы әрмийәтән* – Наш Мавлид не вернулся из армии.

Местно-временной падеж употребляется при указании на местонахождение предмета или время совершения действия: *А°вылта йәмсес қаллар булты көскө йа°ққа* – Ближе к осени в деревне случились неприятные события; *Йа°л көннө ул та йа°ңа өйөнтә пырас нүлышыб а°лың тите* – Немного помогите мне в новом доме в выходной день, просит он; *Менә йул сыйарат өстөтә йа°сай баишлатылар, қәбернең өстөнтә* – Вот начали на верху кладбища строить дорогу, на верху могил.

Иногда в качестве определения в словосочетании выступает имя существительное с аффиксом *-тагы/-таге*: *Құратагы күпрәк йемерелепте* – Погреб, что во дворе, обрушился; *Өйтәге лампочка көйөп цыгыпты* – Лампочка, которая в доме, перегорела.

Иногда в тоболо-иртышском диалекте встречается смешение функций падежных форм. Так, например, в предложении *Қывырайық, ошоңа* – Давай поджарим в этой сковородке – вместо *ошонта* в местно-временном падеже используется *ошоңа* – дательно-направительный. Для обозначения срока, даты какого-либо события вместо местно-временного падежа используется направительный: *Утысына пирәм экзамен.* – Тридцатого сдаю экзамен. Если нужно сказать о годе рождения человека, применяют родительный падеж: *Мин йегермә бернең тите.* – Он сказал, я с двадцать первого. Зафиксированы случаи использования основного падежа вместо местно-временного падежа: *Ша°ңа қайгырып ошо көннәр йа°қшы гына угый а°лмайсыу та йөрөп киттем.* – В эти дни, горюя из-за того, даже как следует учиться не могу, хожу.

Случаи смешения функций падежных форм встречаются и в памятниках древнетюркской эпохи [Малов 1952: 201].

Литература

Алишина Х.Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. – Казань. 1994.

Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. – Уфа, 1963.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. – М.; Л., 1952.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар: опыт сравнительного исследования. – Казань, 1977.

Alishina Kh.Ch. Noun in the Tobol-Irtysh dialect of Siberian Tatars

Summary: The article deals with the information about grammatical categories of a noun presented in the Tobol-Irtysh dialect of Siberian Tatars.

Key words: Tobol-Irtysh dialect, noun, grammatical category

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАДПИСИ С ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

Напил Базылхан (г. Алматы, Казахстан)

Резюме. Древнетюркские письменные памятники Казахстана и близлежащих регионов, найденные в 1935–2012 гг., демонстрируют разнообразие сфер применения рунического письма на землях Казахстана, а также бытование нескольких разных алфавитов.

Ключевые слова: руническое письмо, виды алфавита, письменные памятники, дешифровка

На территории современного Казахстана широко распространены древнетюркские городища, святилища, курганы, оградки, каменные изваяния, балбалы и надписи. Особенно известными являются святилища древних тюрков в районе центрального [Маргулан 2013], восточного и южного Казахстана (Семиречье, Мерке) [Досымбаева 2002; 2006]. Здесь жили тюркские племена он-ок, тюргешы, огузы, карлуки, кипчаки совместно с согдами и другими среднеазиатскими этносами.

Памятники рунической (орхоно-енисейской) тюркской письменности были распространены на громадном географическом пространстве. Это современные Монголия, Алтай, Тува, Хакасия, Бурятия, Саха-Якутия, Восточный Туркестан (СУАР), Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Восточная Европа (Северный Кавказ и др. территории) [Байчоров, 1989, Dogan Ismail, 2002]. Историки связывают эти тюркские письменные памятники непосредственно с различными периодами истории каганатов или других кочевых государств; например, памятники периода Тюркских каганатов, памятники периода древнего Хакаско-киргизского государства, памятники периода хазаро-печенежского союза, памятники периода Тюргешского государства и др. [Кызласов 1994; Васильев 2003; Базылхан 2003; 2005].

Древнетюркские письменные памятники Казахстана и близлежащих регионов найдены в долинах рек Талас, Сырдарья, Или, Иртыш, Урал и др. Они свидетельствуют об употреблении здесь древнетюркской письменности во времена Западнотюркского каганата, Тюргешского, Он-окского (термин автора. — ред.), Огузского и Кипчако-йемекских государств. Особенно следует упомянуть нижеследующие находки, обнаруженные в разное время. До определенной степени они демонстрируют разнообразие сфер применения рунического письма на землях Казахстана, а также бытование нескольких разных алфавитов.

1. Урджарское бронзовое зеркало с древнетюркской надписью, найденное на склоне большого кургана, на берегу арыка в местности Сасыкбастау, в 20 км от села Уржар Восточно-Казахстанской области в 1935 г. экспедицией Общества изучения Казахстана [Бернштам 1948]. Данное китайское зеркало было изготовлено в танское время (VII–X вв.). Надпись из 14 букв. Транскрипция и перевод с др.-тюрк. А.С. Аманжолова: *eg čüčük ösüz ölüť* 'Муж, (пить) вино —

безвременная (преждевременная) гибель (букв: убийство)' [Аманжолов, 1980,1993,1996, 2003]. Хранится в Эрмитаже (г. Санкт-Петербург).

Урджарское бронзовое зеркало с древнетюркской надписью (Прорисовка А. Аманжолова)

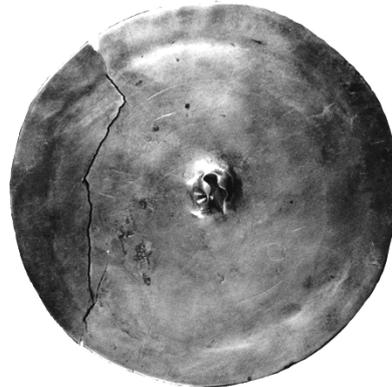

(Санкт-Петербург, Эрмитаж, Фото – Н.Базылхана, 2004 г.)

2. Иртышское бронзовое зеркало с древнетюркской надписью найдено в 1969 г. при раскопках древнетюркского кургана на правом берегу Иртыша, близ с. Зевакино Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области. Руководитель раскопок археолог Ф.Х. Арсланова. Диаметр зеркала 10 см. Надпись из двух строк. Транскрипция и перевод с др.-тюрк.: 1. *isi künisin seser quty basar* 'Знатная женщина освобождается от своей зависти (чувства) гнева. Ее счастливый удел (ее благодать) наступает; 2. *jebci jegren sn (?) lü* 'Ябчи, рыжий.....дракон' [Арсланова, Кляшторный 1973] и по А.С. Аманжолову: 1. *jebci jegren ar lü* 'Покровитель –красновато рыжий дракон'; 2. *iši künisin esser qutı basar* 'Если знатная женщина уменьшает (сдерживает) свою зависть, она обретает счастье' [Аманжолов 2003. 201-202]. Хранится в Восточно-Казахстанском историко-краеведческом музее в г. Семипалатинске.

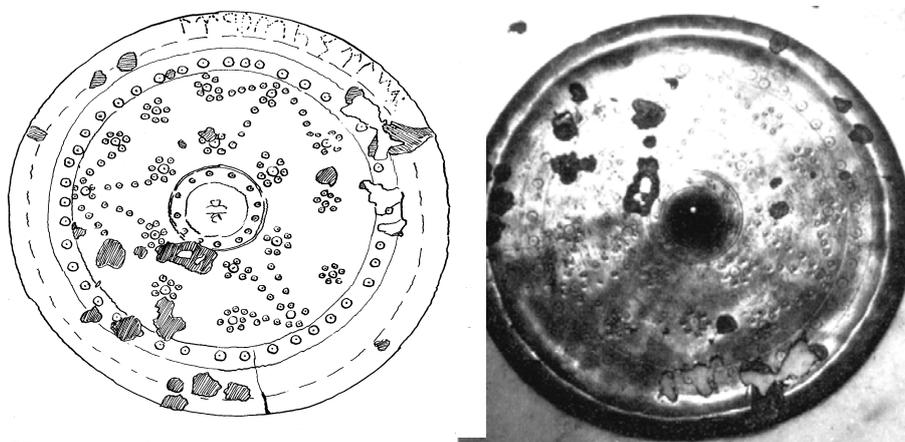
Иртышское бронзовое зеркало (Прорисовка С.Г. Кляшторного по: [Арсланова1973])

Восточно-Казахстанский историко-краеведческий музей. Фото – (З.Самашева, 2005 г.)

3. Илекское бронзовое зеркало с древнетюркской надписью найдено при раскопках курганов в долине Илека, левого притока р. Урал в Актюбинской

области. Раскопки проводила в 1909 г. Оренбургская архивная комиссия [Кас-танье 1908]. В 1930 г. из коллекции музея г. Оренбурга поступило в ЦГМ РК (КП № 22425). Диаметр 17,1 см. Вес 56 гр. Транскрипция и перевод с др.-тюрк. А.С. Аманжолова: *taš tegrek teg(e) jeg esen* 'благополучный и невредимый подобно каменному кругу' [Аманжолов, 1986, 1996, 2003]. По нашим наблюдениям, на данном зеркале остались только некоторые знаки: «...г.к..t...jeгі...».

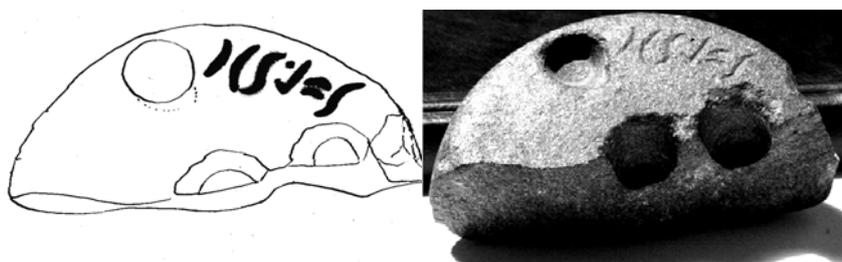
Илекское бронзовое зеркало с

древнетюркской надписью.

Центральный государственный музей РК. КП № 22425

(прорисовка и фото – Н. Базылхана, 2004 г.)

4. Таразский каменный диск с древнетюркской надписью найден в 1987 г. при раскопках городища Жуван-тобе в 15 км от г. Тараза. Руководитель раскопок К.М. Байпаков [Байпаков 1998]. Размер 11,7 x 5,2 x 4,8 см. Вес 680 гр. Надпись из пяти знаков. Транскрипция и перевод с др.-тюрк.: *Atlay* 'Атлак' (букв: место переправы) [Кляшторный 1995]; *Ab albay* 'Охота (на диких зверей) – развлечение' [Аманжолов 1981]. Хранится в ЦГМ РК, КП № 20488.

Таразский каменный диск с древнетюркской надписью.

Центральный государственный музей РК . КП № 20488.

(прорисовка и фото – Н. Базылхана, 2003 г.)

5. Койтубекская (Маркакульская, Ертишская) древнетюркская надпись на скалах обнаружена в 1985 г. в местности Булгартабыты у хребта Кызылгас, на Койтубекской скале в Маркакольском районе Восточно-Казахстанской области. Первое чтение и перевод А.С. Аманжолова: *aj elig jurti* 'Становища Лунного правителя (Ай-элиг)' [Аманжолов 2003: 203]. Повторно изучена и скопирована

в 2010 г. археологом А.Рогожинским [Рогожинский 2010: 329], по его данным, текст длиной 50 см, высота тамги и знаков 5–9 см [Базылхан, 2008: 117–122]. По новой прорисовке прочтение и перевод И.Л. Кызласова: *üsiklig ajurtim* ‘Я велел изъясняться письменно’ [Кызласов 2011: 62–74], а С.Г. Кляшторного: *qaş külüg : aj urti (urtim?)* ‘Каш Кюлюг (или: Я, Каш Кюлюг?) вырезал (на скале) луну’ [Кляшторный 2012а: 64–66; 2012б: 45–47]. Наше прочтение по эстампажу и фотографии А.Рогожинского: *t i k l g a u r t i m – Ati külüg yurtim* ‘Знаменитая земля, моя’.

↑ ^ 4 > 0 J E Y M

Прорисовка А.С.Аманжолова, 1985г.

0 ↑ ^ 4 > 0 J E Y M ~

0 10 см

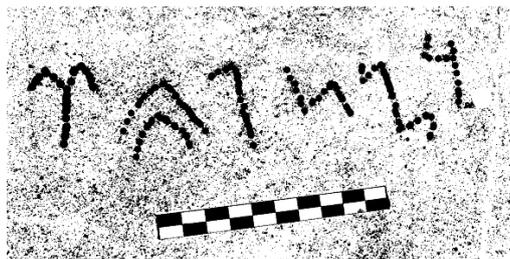
Койтубекская древнетюркский надпись
(фото, прорисовка и эстампаж А. Рогожинского, 2008 г.)

6. Древнетюркская надпись на Танбалы тас найдена в 1991 г. археологом А.Рогожинским на скале Танбалы тас в 170 км на северо-запад от г. Алматы. Текст состоит из 1 строки, 6 знаков. Первое прочтение сделали А. Рогожинский и И.Л. Кызласов [Рогожинский, Кызласов, 2004: 41–46]: *Eg atı Öñün* ‘Его имя эра – Онюн’; они относят памятник к IX–X вв. Нами при участии археолога А. Рогожинского и реставратора Кырыма Алтынбекова надпись была повторно

изучена в 2011 г.; наше чтение: $r\ t\ i\ q\ n\check{c}\ \ddot{u}$ – $Er\ at\ i\ Aq\ In\check{c}\ddot{u}$ ‘Ер аты (геройская имя) Ак Инчу’.

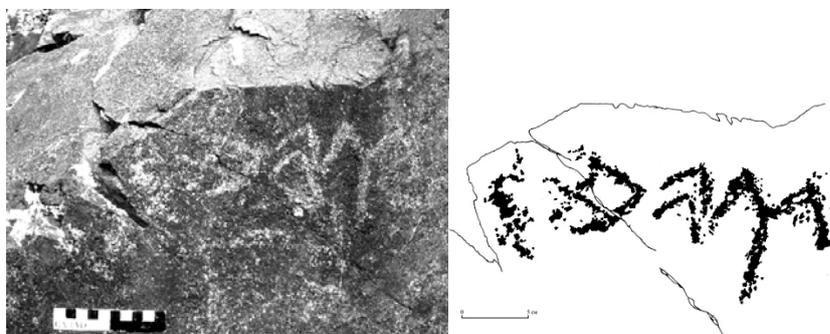

Древнетюркский памятник на скале Танбалы тас.
Прорисовка А.Рогожинского, 2008 г.

Прорисовка Н. Базылхана, 2011 г.

7. Актерекская древнетюркская надпись найдена в 2009 г. археологом А. Рогожинским на скале Актерек в 4 км от села Актерек в хребтах Или-Алатау, Жумбульского района Алматинского области. Длина строки 26 см, высота знаков 5–10 см [Рогожинский 2010]. Первое прочтение надписи И.Л.Кызласовым: $Er\ at\ i\ m\ en$ ‘Мое имя мужа-эра – (обычный) грешник. (Боже, услышь меня!)’ [Кызласов 2010: 345–346]. По нашим данным, надпись такова: $Er\ at\ i\ m...$ ‘Имя батыра (мое)...’

Актерекская древнетюркский надпись.
(Фото и прорисовка А.Е. Рогожинского, 2008 г.)

8. Древнетюркская надпись Кулжабасы-1 найдена в 2009 г. археологом А.Е. Рогожинским в Жамбульской области, в Кордайском районе, в 30 км на северо-запад от станции Отар, на скале Жаксылык в горах Кулжабасы. Длина надписи 26 см, высота знаков 5–10 см, высечены также 2 тамги [Рогожинский 2010]. Нижнюю строку, считая ее отдельной надписью и именуя ее Жаксылыксай 1, И.Л. Кызласов прочитал так: $Er\ at\ i\ Tek\check{a}\check{s}$ ‘Его имя мужа-эра – Текеш’ [Рогожинский, Кызласов 2011: 331]. По фотографии и прорисовке А.Е. Рогожинско-

го мы сделали предварительное чтение всех трех вырезанных на скале надписей:

1. Er atı Aq kişi 'Имя батыра Ак-киши'.
2. İŝit taşya qaray ücün 'На теплом камне для посмотра, сторожа'
3. ed er 'сделано'.

Древнетюркская надпись «Кулжабасы-1».
(Фото и прорисовка А.Е. Рогожинского, 2009 г.)

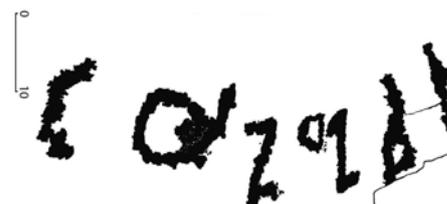
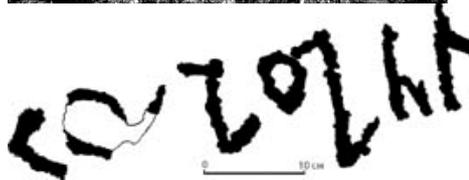
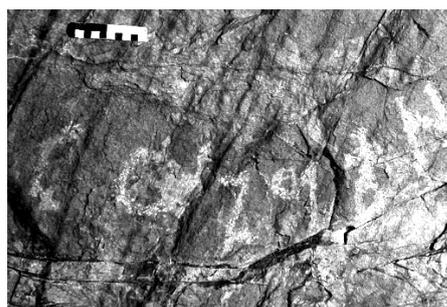
9. Кемерская древнетюркская надпись найдена в 2009 г. А.Е. Рогожинским [Рогожинский 2010: 332–333] в Жамбульской области, Таласский район, село Каратау, в 20 км на северо-восток, на скале Кемер в горах Кызылтау. Длина строки 114 см, высота знаков 2–5 см. Текст надписи пока не прочитан. Графика данной надписи аналогична ачикташским (на что уже указал И.Л. Кызласов [Кызласов 2013: 164]) и хазарскими надписями.

Кемерская древнетюркская надпись.
(Фото и прорисовка А.Е. Рогожинского, 2009 г.)

10. Древнетюркская надпись Котыр-2 найдена в 2012 г. А.Е. Рогожинским в Жамбульской области, Талаский район, село Каратау, на скале Котыр. Предлагаем нашу транскрипцию и чтение: q č γ a b u – Aq čaγa bu ‘Это – Ак Чага (имя собств?)’.

Древнетюркская надпись Котыр-2.
(Фото, эстампаж и прорисовка А.Е. Рогожинского, 2012 г.)

11. Древнетюркская надпись Кулжабасы-2 найдена во время экспедиции 2012 г. в горах Кулжабасы в Жамбульской области, Кордайский район. На плоской скальной части высечена надпись в 1 строку. Всего 18 (19?) знаков. Длина надписи 78 см, высота знаков 10–11 см. По фотографии мы можем предварительно толковать данную надпись следующим образом: Igidmiš: jer: el: jiče : kü: jegen: ermiš: penčig? ‘Превосходная Земля, Эль-народу, очень славный Йеген (племянник) был, жаль! [Базылхан, Железняков, Хермани, Жамбулатов 2013; Железняков, Базылхан, Херманн 2013: 147–151].

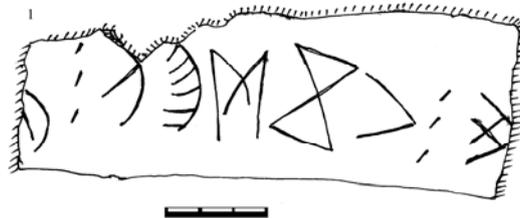
Древнетюркская надпись Кулжабасы-2.
 Фото – Б. Железнякова, прорисовка с фото – Н.
 Базылхана , 2013 г.

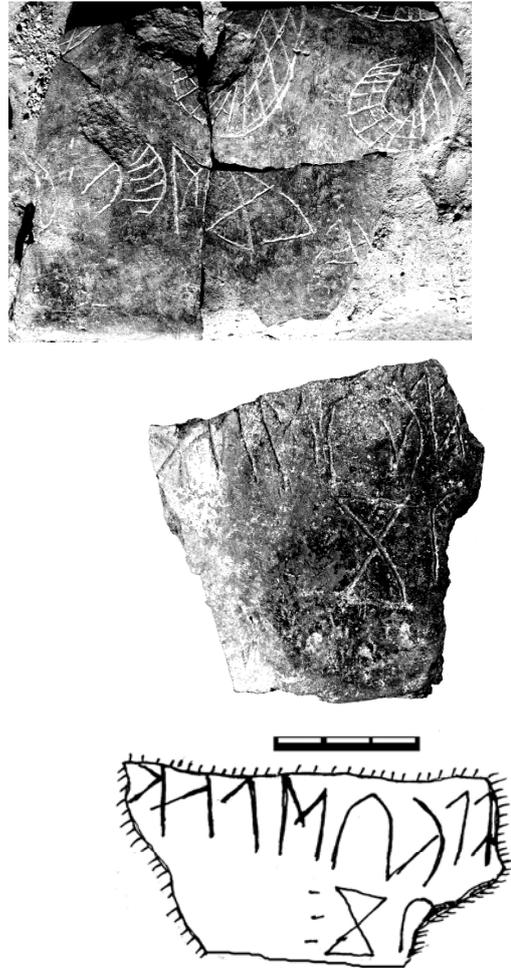
12. Баянжурекская древнетюркская надпись найдена З. Самашевым в 2009 г. в Алматинской области, Капальский район, в горах Баян-журек. По фотографии мы можем предварительно прочитать: *Eg atim Oq ...* ‘Имя батыра моё Ок...’ [Самашев 2013: 14, 17].

«Баянжурекская» древнетюркская
 надпись
 (Фото – З. Самашева 2009 г.)

13. Древнетюркские надписи на керамическом сосуде, найденном в городище Каратобе (Сауран), Южный Казахстан в 2008 г. во время археологических раскопок под руководством Е.А. Смагулова. Фрагменты керамического сосуда с частично сохранившейся надписью обнаружены при снятии верхних слоев заполнения пом. 3 / 3СГ на сев. 1 участке, прирезанном в сентябре 2008 г. к раскопу [Смагулов 2009; 2011: 137–139, рис. 3–5, 38]. И.Л. Кызласов относит эту надпись выделенному им ранее ачикташскому руническому алфавиту, объединяя с некоторыми другими письменными памятниками [Кызласов 2013: 164–173]. Нам также представляется, что тамги или знаки по своему графическому облику аналогичны ачикташским и хазарским надписям; наше предварительное чтение: *... m...uluq: ergin..y..* ‘...великий еркин...’. Требуется дальнейшее тщательное изучение данного текста.

Надписи на керамическом сосуде,
городище
Каратобе (Сауран)
(Фото и прорисовка Е.А. Смагулова, 2008 г.)

Литература

- Аманжолов А. С.* Тюркская руническая графика (методическая разработка). – Алма-Ата, 1980. – С.18.
- Аманжолов А.С.* Две таласские рунические надписи из городища Атлах // Тюркская руническая графика – II (наглядный материал). – Алма-Ата, 1981. – С. 12.
- Аманжолов А.С.* Қола айнадағы қол таңба // Білім және еңбек, 1986, №2. 26–27 б.
- Аманжолов А. С.* Түркі филологиясы және жазу тарихы. – Алматы, 1996. – 95 б.

Аманжолов А.С. Две наскальные рунические надписи в долине Иртыша // История и теория древнетюркского письма. – Алматы: ЗАО «Изд-во Мектеп», 2003. – С. 203–204.

Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы, 2003. – 210 б.

Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. 1972. – М., 1973. – С. 306–315 (Таб. 2).

Базылхан Н. Древнетюркский битик: фоно-морфемная структура письменности и проблемы интерпретации текстов // Тувинский ин-т гуманитарных исследований «Письменное наследия тюрков». Международный симпозиум, посвященный 110-летию дешифровки орхон-енисейской письменности и 100-летию выхода в свет труда Н.Ф. Катанова «Опыт исследование урянхайского языка». 14–17 октября 2003 г. Тезисы. – Кызыл, 2003. – С.31–35.

Базылхан Н. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас) // Серия: «Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері». II том. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 252 +144 б. жапсырма.

Базылхан Н. Древнетюркские письменные памятники Казахстана // «Түркология», №5–6 (37–38), қыркүйек-желтоқсан. – Түркістан, 2008. – 117–122 б.

Базылхан Н., Железняков Б.А., Хермани Л., Жамбулатов К. Находка памятника древнетюркской письменности в горах Кульжабасы (предварительное чтение) // V халықаралық түркология конгресі: Мәдени ықпалдастық және өркениеттер бірлігі баяндамалар жинағы. – Түркістан: Қ.А. Ясауи атындағы халықаралық қазақ-түрік университеті, 2013. – 664–669 б.

Байпаков К.М. Камень с древнетюркской рунической надписью «Атлах». VI–VIII вв. // Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы, 1998. – С. 91.

Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. – Ставрополь, 1989. – 294 с.

Бернштам А.Н. Новые эпиграфические находки из Семиречья // Эпиграфика Востока. 2. – М.;Л., 1948. – С. 107–110.

Васильев Д.Д. Евразийский ареальный аспект руноподобной письменной культуры древних тюрков // Теория и методы исследования восточной эпиграфики / отв.ред. Д.Д. Васильев; Ин-т востоковедения. – М.: Вост.лит., 2006, – С. 30–43.

Досымбаева А. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. – Тараз, 2002.

Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы, 2006. – 180 с.

Железняков Б.А., Базылхан Н., Херманн Л. Новый памятник древнетюркской письменности в горах Кулжабасы (предварительное чтение) // Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия обществ. и гуманитарных наук. 3 (289). – Алматы: НАН РК, 2013. – С. 147–151.

Кастанье И.А. Отчет о раскопках 6 курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1908. Вып. 19. – С. 102–106.

Кляшторный С.Г. Рунические памятники Таласа (проблемы датировки и топографии) // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек, 1995. – С. 154–159.

Кляшторный С.Г. Наскальная руническая надпись из урочища Койтубек (Восточный Казахстан). Новое прочтение // Российская тюркология, 2012, № 1. – С. 64–66.

Кляшторный С.Г. Наскальная руническая надпись из урочища Койтубек (Восточный Казахстан) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. мат-лов междунар. практ. семинара. 30 ноября 2012. – Алматы: Service Press, 2012. – С. 45–47.

Кызласов И.Л. Рунические письменности Евразийских степей. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1994. – 327 с. ил.

Кызласов И.Л. Прочтение рунической надписи урочища Актерек // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения Н.Э. Масанова: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. – Алматы: Print-S, 2010. – С.345–346.

Кызласов И.Л. Как называли руническое письмо сами тюркские народы // Российская тюркология, 2011, № 2 – С. 62–74.

Кызласов И.Л. Характер и значение находок рунических надписей на Сырдарье // Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия обществ. и гуманитарных наук. 3 (289). – Алматы: НАН РК, 2013. – С. 147–151.

Маргулан А.Х. Сочинения. Т. 3, 4. – Алматы, 2003.

Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения Н.Э. Масанова: Сб.мат-лов Междунар. науч. конф. – Алматы: Print-S, 2010. – 333 с.

Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая надпись из урочища Тамгалы (Семиречье) // Краткие сообщения ин-та археологии РАН. Публикации и полные исследования. – М., Вып. 216, 2004. – С.41–46.

Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л. Руническая надпись ущелья Жаксылыксай (Семиречье) // Маргулановские чтения – 2011. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 330–334.

Самашев З. Жетісу жартас суреттері. Баян-жүрек. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астана қаласындағы баспа тобы. – Астана, 2012. – 240 б.

Смагулов Е.А. Продолжение исследования стратиграфии древнего Саурана // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2008 жылғы Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. – Алматы, 2009 (Қазақ және орыс тілдерінде). – 204–209 б.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. – Алматы: АБДИ Компани, 2011. – 436 с.

Табалдиев К., Белек К. Памятники письменности на камнях Кыргызстана. – Бишкек, 2008. – 336 с.

Amanjolov A.S. Kazakistan'da bulunan Çin aynası ile Sasanid tabağındaki runik türk yazıları // Türk Dili Araştırmaları, Bulletin, 1993. –Ankara, s. 115–119.

Dogan Ismail. Doğu Avrupa'daki Göktürk (Runik)işaretli yazıtlar. – Ankara, Türk Dil Kurumu, 2002. – 259 с.

Bazylkhan Napili. Old Turkic inscriptions in the Kazakhstan's region

Summary. This article highlights new findings of Old Turkic inscriptions found in Kazakhstan between 1935–2013 in such places as Urdzar, Ertish, Taraz, Ilek, Tanbaly, Koytubek, Akterek, Kuljabasi, Kotir. It explores the issue of 13 Old Turkic scripts' translation and interpretation.

Keys words: Old Turkic inscriptions, variety of alphabets, de-ciphering

**РУССКИЕ ОЙКОНИМЫ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ,
ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ СЛОВ, ОПИСЫВАЮЩИХ ОКРУЖАЮЩУЮ
ПРИРОДУ**

Р.И.Куряева (г.Казань)

Резюме. В статье предлагаются этимологии названий русских населённых пунктов Среднего Поволжья, которые восходят к тюркским корням. Рассмотрены ойконимы, производные от основ, дающих качественную и ориентировочную характеристику местности, а также от названий растений и животных.

Ключевые слова: тюркология; тюркские заимствования, ономастика; этимология

Объектом исследования являются названия русских населённых пунктов (ойконимов) семи республик и областей Среднего Поволжья, а именно: Марий Эл (РМЭ), Мордовия (РМ), Татарстан (РТ), Чувашия (ЧР) и Пензенской (Пен. обл.), Самарской (Сам. обл.) и Ульяновской (Ульян. обл.).

Этимологический анализ ойконимов позволил разделить их исходные тюркские основы на тринадцать лексико-семантических групп. В данной статье рассмотрены ойконимы, производные от основ только четырех групп, дающих качественную и ориентировочную характеристику местности, а также фитоойконимов и зооойконимов.

1. Ойконимы, производные от основ, дающих качественную характеристику местности.

а) От русской основы тюркского происхождения *кремляк* “камень-голыш” образован ойконим д. Кремлёнки, Новот. р. РМЭ.

Название восходит к слову *кремлёвый* “крепкий, прочный (о строительном лесе)”, например, *кремлёвая сосна* – сосна, растущая на опушке леса, на сухой почве [15-II, 371]. Словом *кремляк* в русском языке обозначали камень-голыш [1, 48]. У Даля для слова *кремляк* даётся значение «человек кремень» [4-II, 189]. В XV в. словом *кремль* обозначали крепость внутри города. В XIV в. эту крепость обозначали также словом *кремникъ* [15-II, 370], а камень-голыш обозначали словом *кремневик*, *кремняк* [4-II, 189]. Наиболее раннее древнерусское слово, упоминающееся в значении «укрепление», – это *керемь* [18, 179]. Полагаем, что последнее слово проникло в русский язык из крымско-татарского, где имеется слово *кермен* “крепость”, хотя М.Фасмер выступает против такого заимствования из тюркских языков [15-II, 371]. В татарском языке оно имеет форму *кирман*, то же самое и в болгарском – *кирман*. Полагаем, что цепочку изменений значений слов в русском языке можно выстроить следующим образом: сначала было заимствовано слово *керемь*, поэтому слово *кремневик* имело первоначальное значение “камень для построения керемья”. После этого прочный строительный материал приобрёл определение *кремлёвый*.

б) От татарской основы *таш* “камень” образованы ойконимы Ташлиярка, Ташлыярово, Каменный Починок (тат. назв. Ташлы).

д. Каменный Починок (тат. назв. Ташлы) Мам. р. РТ. Ойконим является полукалькой с татарского, здесь переведено татарское прилагательное *ташлы*

“каменный”, производное от тат. *таш* “камень”. Тюрк. *таш* “камень” широко употребляется в топонимии. Слово имеет практически одинаковую форму во всех тюркских языках.

2. Ойконимы, образованные от основ, дающих ориентировочную характеристику.

а) От русской основы тюркского происхождения *крым* образован ойконим Крым.

Крым Зем. р. Пен. обл. Ойконим является вторичным, то есть он восходит к названию полуострова Крым. Появление этого названия в Пензенской области известный топонимист В.А. Никонов объясняет таким образом: «Вся лежащая к югу от “синбирской черты” сторона называлась “ногайской”, “крымской” или просто “степью”, отголоски этого звучат во многих названиях деревень, дорог и рек: р. Ногайка, д. Крымка...» [9, 185]. В основе слова *крым* лежит др.-тюрк. *qoqum* “каменистые россыпи, обломки скал, валунов” [5, 460], ср. тув. *хорум* “каменная россыпь, груды камней, курган”, хакас. *хорым* “россыпи, скалы”, якут. *курум* “россыпи, осыпи на склонах, в руслах рек” [8, 320]. Слово *курум* / *курум* используется в русской географической литературе в качестве термина для обозначения каменистых россыпей на склонах и плоских вершинах плато; нагромождений камней на склонах гор и в русле реки.

б) От тюркской основы *янтык* “сторона” образован ойконим Русский Янтык.

д. Русский Янтык (тат. назв. Рус Янтыгы) Лаиш р. РТ. В основе ойконима – мишар. *янтык* “сторона”, то есть название имеет значение “Русская сторона”. В татарском литературном языке *янтык* имеет значение “бок”, ср.: др.-тюрк. *уаҗақ* “сторона, бок” [5, 233], *йан* “сторона, бок” [5, 231].

3. Фитоойконимы – ойконимы, производные от названий растений:

а) от русских основ тюркского происхождения *калганник* “ковыльное поле”, *камыш*, *тальник* “ивняк” образованы ойконимы Калганник, Камышево, Камыши-Хвощи, Камышинка, Камышовка, Тальники.

п. Калганник Алек. р. Сам. обл. В основе названия – слово *калган* “многолетнее травянистое растение” [19-1, 445]. Оно появилось в русском языке в XVIII в. и встречается также в формах *галган* и *калкан*. Полагаем, что это заимствование из тюркских языков, ср. тат. *кылган* “ковыль”, *кылганлык* “ковыльное поле, ковыльник” [13, 180], кирг. *калкан* “ковыль” [18, 154]. Отметим, что ковыль тоже является многолетним травянистым растением, и его существует около 300 видов [3, 543], а слово *ковыль* давно существует в русском языке [10, 227]. Следовательно, под влиянием татарского языка один из его видов был назван *калган*, а поле из этих растений в соответствии с татарским *кылганлык* – *калганником*. Слово восходит к глаголу *калгы-* “раскачивать”, *калгын-* “раскачиваться, шевелиться”.

д. Камыши-Хвощи Пен. р. Пен. обл. В основе ойконима – слово *камыш*. Оно появилось в русском языке только в XVIII в. из тюркских языков [17, 185], ср. тат. *камыш*, *камышлык* “заросли камыша”, др.-тюрк. *камыш* “тростник, камыш; заросли тростника, камыша”, *камышлан-* “зарасти тростником, камышом”, *камышлыг* “поросший, заросший камышом” [5, 415]. Огиенко считает слово *камыш* заимствованием из турецкого языка [18, 158]. А. Жаримбетовводит тюрк. *камыш* из *камш-а* “трястись” [6, 12].

п. Тальники Кин.-Чер. р. Сам. обл. В основе названия лежит слово *тальник* “ивняк, ивовые заросли”, появившееся в русском языке только в XVIII в. Н.М. Шанский *тальник* считает собственно русским словообразованием [17, 436]. Но в древнерусском языке слово имело форму *талиа* [18, 303], полагаем, что

слово *тальник* появилось в результате русской адаптации тюркского слова *таллык* “ивняк”(возможно, с учётом мягкого *ль* в слове *талия*). Ср.: др.-тюрк. *tal* “ива, ивовый прут” [5, 528].

б) От марийской основы тюркского происхождения *олма* “яблоко” образованы ойконимы Олма-Шойская, Малая Олма, Пукшалма.

дд. Олма-Шойская (мар. назв. Руш Олма), Малая Олма Пар. р., Пукшалма (старое назв. Пукша-Олма) Куж. р. РМЭ. В основе ойконимов – марийское слово *олма* “яблоко, яблоневоый” [7, 378], заимствованное из тюрк. *алма* “яблоко”, ср.: др.-тюрк. *alma* “яблоко” [5, 36].

в) От чувашской основы *улма* “яблоко” образован ойконим Яблоновка (чув. назв. Улмалла Ял).

Яблоновка (чув. назв. Улмалла Ял) ЧР. Русское название является полукалькой чувашского названия. Чув. *улмалла* является прилагательным со значением «яблоневоый», образованным от чув. *улма* “яблоко” [16, 455]. Слово *улма* проникло в чувашский язык из татарского, где *алма* “яблоко”.

г) От татарских основ *арпа* “ячмень”, *чия* “вишня”, *борчак* “горох”, *солы* “овёс”, *тал* “ива” образованы ойконимы Арпаяз-Янга-Сала, Вишнёвая Поляна (тат. назв. Чияле), Гороховое Поле (тат. назв. Борчаклы Яз), Зай-Солояз, Таллы-Буляк.

д. Арпаяз-Янга-Сала (тат. назв. Арпаяз Яңа Сала) Арс. р. РТ. Здесь первично татарское название. Оно является перенесённым, так как оно дано людьми, выселившимися из д. Арпаяз Кук. р. РТ, и имеет значение “Новое село Арпаяз”. Первая часть ойконима является сложной, она состоит из двух компонентов: первый компонент – тат. *арпа* “ячмень”, второй компонент *яз* в современных тюрк. языках практически не употребляется. В татарском языке оно входит только в состав словосочетания *язы-тау* “плато, плоскогорье” [8, 646]. Тюркские соответствия: осман. *уаз* “открытая равнина” [11-III-1, 226], алт. *язы* “поле, равнина, степь; гладкий, широкий”, хакас. *чазы* “поле, степь” [11-III-2, 1911]; др.-тюрк. *уаз* “равнина, степь” [5, 251]. Таким образом, Арпаяз – “ячменное поле”.

с. Вишнёвая Поляна (тат. назв. Чияле) Окт. р. РТ. Русское название является калькой с татарского. Название восходит к тат. *чия* “вишня” в сочетании с тюркским суффиксом наличия *-ле / -лы*.

д. Гороховое Поле (тат. назв. Борчаклы Яз) Тюл. р. РТ. Русское название является калькой с татарского. Название образовано от тат. *борчак* “горох” в сочетании с татарским суффиксом наличия *-лы / -ле*, что даёт прилагательное «гороховый». Ср.: др.-тюрк. *buğçaq* “горох и другие растения из семейства бобовых” [5, 125].

п. Зай-Солояз (тат. назв. Зэй-Солуяз) Буг. р. РТ. Вторая часть ойконима является сложной, она состоит из двух компонентов: первый компонент *соло / солу* восходит к тат. *солы* “овёс” [13, 264], второй компонент *яз* “поле, равнина, степь” рассмотрен выше при анализе названия Арпаяз-Янга-Сала. Таким образом, *Солояз* – “овсяное поле”. Древность тюркского корня *яз* говорит о том, что первичным является татарское название населённого пункта.

д. Таллы-Буляк Буг. р. РТ. В основе ойконима – татарское слово *тал* “ива”, которое имеется во многих тюркских языках и существовало в древнетюркском языке в той же форме и с тем же значением [5, 528]. Тюркский суффикс наличия *-лы* придаёт ойкониму значение «с ивами, ивовый ручей».

4. Зооойконимы – названия, образованные от названий животных.

а) От русских основ тюркского происхождения *казарка* (птица семейства утиных), *коза*, *сазан* производны ойконимы Казарка, Козий, Козий Починок, Козлятское, Сазанье.

Казарка Никольск. р. Пен. обл. В основе ойконима – русское название белолобого гуся *казарка*. Имеется также русское слово *казара*, обозначающее вид диких гусей. Полагают, что слово имеет тюркское происхождение и восходит к тюрк. *qaz* “гусь” [5, 438].

пп. Козий Новосп. р. Ульянов. обл., Козий Починок (тат. назв. Кечкенэ Починка) Пестреч. р. РТ, Козлятское Нижнел. р. Пен. обл. В основе названий находятся русские обозначения животных *козёл*, *коза* и название их детёнышей во множественном числе *козлята*. Н.А.Баскаков считает слово *коза* заимствованием из тюркских языков, ср. тар. *коза* / *козу* “годовалый ягнёнок” [11-II-1, 629], куман., телеут., алт., уйгур., чагат. *козы* / *коза* “ягнёнок”, [11-II-1, 630], крым.-тат., кирг., осман., караим. *козу* / *кузу* “годовалый ягнёнок, ягнёнок” [11-II-1, 631], новоуйг. *коза* “ягнёнок”, др.-тюрк., казах. *qozı* “ягнёнок”, крым.-тат., турец. *kuzu* / *kozi* “ягнёнок”, казан., тобол. *кэзэ* “ягнёнок”, мишар. *кэзэ* “коза”. Как пишет Н.А.Баскаков, слово «могло быть заимствовано для названия другого животного, близкого по характеру к овцам, – козы, козлёнка, и таким образом утвердилось в значении “коза”, от которого позже образовалось и название для самца этого животного – *козёл* по аналогии с названием другого домашнего животного *осёл*» [2, 131].

Сазанье, г. Сердобск Пен. обл. В основе ойконима – название рыбы *сазан* “вид карпа” [14-IV, 24]. В русском языке это слово появилось в XVI в. из тюркских языков [17, 399], ср. турец., казах., калм., кирг., узб. *сазан*, чув. *сасан*, чагат. *сазар* [18, 270]. Слово восходит к тюрк. *саз* “болото, ил” + тюрк. *аң* “всякое животное, на которое охотятся” [12, 152].

б) Тюркская основа *турна* “журавль” входит в состав ойконима Турнояс.

Д. Турнояс Окт. р. РТ. Это название является сочетанием двух тюркских слов: тюрк. *turna* “серый журавль” [5, 588], ср.: тат. *торна* “журавль” [13, 306], и *яз* “поле” которое мы уже рассматривали при анализе названия Арпаяз-Янга-Сала. Таким образом, Турнояс “журавлиное поле”. Слово *турна* было заимствовано в марийский язык в форме *турня* с тем же значением “журавль” [7, 601].

Список названий районов

Алек. р. – Алексеевский р-н	Нижнел. р. – Нижнеломовский
Арс. р. – Арский р-н	Никольск. р. – Никльский
Буг. р. – Бугульминский р-н	Новосп. р. – Новоспаский
Зем. р. – Земетчинский р-н	Новот. р. – Новоторьяльский
Кин.-Чер. р. – Кинель-Черкасский р-н.	Окт. р. – Октябрьский район
Куж. р. – Куженерский р-н	Пар. р. – Параньгинский район
Кук. р. – Кукморский р-н	Пен. р. – Пензенский район
Лаиш р. – Лаишевский р-н	Пестреч. р. – Пестречинский р
Мам. р. – Мамадышский р-н	Тюл. р. – Тюлячинский район

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барашков В.Ф.* Топонимия Ульяновской области. – Ульяновск, 1974. – 80 с.
2. *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. – М.: Наука, 1979. – 279 с.
3. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, СПб.: Норинт, 2002. – 1456 с.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь. – В 4-х томах. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей: 1955.
5. *Древнетюркский словарь.* – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
6. *Жаримбетов А.* Тюркизмы в русских названиях растений / Автреф. канд. дис. – М. 1976.
7. *Марийско-русский словарь.* – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 1956. – 863 с.
8. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 656 с.
9. *Никонов В.А.* История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // Вопросы географии, вып. 50. Историческая география. – М.: Географгиз, 1960. – С.172–194.
10. *Ожегов С.И.* – Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.
11. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – В 4-х томах. – СПб., 1882.
12. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с.
13. *Татарско-русский словарь.* – Казань: Таткнигоиздат, 1988. – 464 с.
14. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. – В 4-х томах. – М., 1938.
15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – В 4-х томах. – М.: Прогресс, 1964.
16. *Чувашско-русский словарь.* – М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей. 1961. – 630 с.
17. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
18. *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.
19. Энциклопедический словарь. – В 2-х томах. – М.: Сов. энциклопедия, 1963.

***Kuryayeva R.I. Russian oikonyms of Turkic origin
derived from the words describing the nature***

Summary. The article proposes the etymology of the names of Russian settlements of the Middle Volga region, which date back to the Turkic roots. Oikonyms derived from the basics giving qualitative and approximate characteristic of the area and the names of plants and animals, are considered in the article.

Key words: Turkology, Turkic borrowings in Russian language, onomastics, oikonym, etymology

РЕЦЕНЗИИ

Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Летягин А.Ю., Шевела А.И., Добринина А.А., Эсенбаева Г.А. Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии) / отв. ред. Н.Н. Широбокова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012 (Серия: Интеграционные проекты. Вып. 41). – 374 с. ==

Selyutina I.Ya., Urtegeshev N.S., Letyagin A.Yu., Shevela A.I., Dobrinina A.A., Esenbaeva G.A. Articulatory Bases of the Indigenous Turkic Ethnoses of Southern Siberia (MRI and Digital Roentgenography Data). Executive editor *N.N. Shirobokova*. Institute of Philology of SB RAS – Novosibirsk: Publishing house of SB RAS, 2012. Series: Integration projects. Vol. 41. – 374 P.

Монография «Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии)», которая написана коллективом авторов – представителей различных научных дисциплин, является результатом междисциплинарного интеграционного исследования, выполняемого с использованием сложной разноплановой методики. Эта методика включает как собственно лингвистические методы фонетического и фонологического анализа, так и современные высокотехнологичные медицинские аппаратные методы.

Фонетистами Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН (ИФЛ СО РАН) проводится фронтальное инструментальное изучение различных аспектов звуковых систем языков Сибири и сопредельных регионов. Описаны более сорока языков различной типологии – тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, самодийские, обско-угорские, енисейские и палеоазиатские. Результаты введены в научный оборот в виде серии статей, монографий и учебных пособий. Исследование такой глубины и таких масштабов проводится впервые. Вклад сибирских фонетистов в развитие общей и экспериментальной фонетики признан как в России, так и за границей.

Однако на рубеже веков масштаб задач, стоящих перед фонетистами Сибири, вошел в противоречие с материальной базой проводимых разработок. В период развития высокоточных рентгеновских и электронных технологий представляется необходимым перевод экспериментально-фонетических исследований на качественно новый методологический и аппаратный уровень. Переход на современную ступень исследований исчезающих миноритарных языков Сибири стал возможен благодаря грантовой поддержке Президиумом СО РАН в рамках конкурса фундаментальных исследований.

Кооперация усилий ученых, программистов и инженеров трех Институтов Сибирского отделения РАН – Института филологии, Института химической биологии и фундаментальной медицины (ИХБФМ) и Института «Международный томографический центр» (МТЦ) позволила впервые получить и ввести в информационное поле научного сообщества большой объективный экспериментально-фонетический материал, полученный на высокопольном магнитно-резонансном томографе (Philips medical systems), а также на низкодозовом цифровом рентгенографе «Сибирь-Н» (производство Института ядерной физики СО

РАН). При этом сотрудниками ИХБФМ и МТЦ проделана огромная необходимая работа по адаптации программ медицинского рентгенографирования и МР-томографирования в соответствии с потребностями экспериментально-фонетических исследований, а учеными ЛЭФИ ИФЛ СО РАН обработаны и интерпретированы с лингвистических позиций полученные данные.

Уникальность работы заключается уже в том, что благодаря усилиям сотрудников трех Институтов СО РАН сформирована электронная база данных по фонетике автохтонных этнических групп Сибири: получены серийные цифровые рентгенограммы и МР-томограммы анатомических речеобразующих структур, синхронизированных с фазами речепорождения у носителей исчезающих миноритарных языков и территориальных диалектов Сибири и сопредельных регионов. Наиболее полно представлены данные по тюркским языкам России.

Результаты сбора, анализа и обработки полученных материалов нашли отражение в монографии «Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии)». Монография посвящена разработке проблемы типологии и специфики артикуляционно-акустических баз, поставленной основателем ЛЭФИ В.М. Надеяевым в 80-е гг. прошлого столетия и вызвавшей большой научный резонанс в стране и за рубежом. Ценность проводимых исследований заключается в возможности использования данных инструментальной фонетики в качестве одного из информативных историко-лингвистических источников для реконструкции истории языков и этнических групп, что особенно важно при решении проблем глоттогенеза бесписьменных языков народов Сибири.

В работе внесены уточнения в теорию и типологию артикуляционно-акустической базы, выявлены соматические параметры настроек, ранее не учитывавшиеся в фонетическом анализе и не принимавшиеся во внимание в типологических построениях, уточнены принципы классификации согласных в тюркских языках Южной Сибири по способу образования, по артикуляторному ряду, введена дополнительная градация согласных по степени признака. Выявлены характеристики консонантных единиц по основной и дополнительной артикуляции.

Разработанная исполнителями комплексного интеграционного проекта новая междисциплинарная инновационная парадигма изучения звуков речи, безусловно, найдет применение в изучении языков различных семей, а также при разработке проблем аппаратной медицины.

Работа, представленная как итог коллективной деятельности специалистов различных научных направлений, безусловно, актуальна, поскольку языки народов России как основная составляющая их культурного наследия являются объектом этнолингвоэкологии – приоритетного направления научной и общественной деятельности. К тому же задача планомерного изучения звуковых систем малочисленных языков является наиболее безотлагательной.

Инструментальные данные и теоретические положения, приведенные в монографии, представляют несомненный интерес для специалистов в области общей и экспериментальной фонетики, фонетической типологии, тюркологии, а также медицины (логопедия, неврологическая практика).

С.Б. Сарбашева, канд. филол. наук, доц.,
декан ф-та алтаистики и тюркологии,
Горно-Алтайский гос. ун-т, Республика Алтай

PERSONALIA

ИЛИДА БАСЫРОВНА БАШИРОВА
(к 75-летию ученого)

Илида Басыровна Баширова родилась 23 ноября 1938 г. в с. Старо-Аширово Матвеевского района Оренбургской области. В 1961 г. она окончила татарское отделение историко-филологического факультета Казанского государственного университета по специальности «филолог». В 1961 – 1963 гг. работала учителем татарского языка и литературы в д. Бакаево Камышлинского района Куйбышевской области. С 1963 г. по 1966 г. – обучалась в аспирантуре Института языка, литературы и истории КФ АН СССР (Казань). В 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию, в 2000 г. – докторскую диссертацию. С 15.05.2001 работает в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, ныне – главный научный сотрудник. За активную научную деятельность и значительный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов, И.Б. Башировой присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан» (21.02.2005 г.).

Многогранная научная деятельность И.Б. Башировой успешно сочетается с педагогической работой в вузах. С 1988 г. по 2006 г. (последние 6 лет в должности профессора) кафедры татарского языка КГУ она вела лекционные курсы: «Теоретические основы стилистики и культуры речи», «Общее языкознание», «История татарского литературного языка»; спецсеминары: «История татарского литературного языка конца XIX – начала XX века», «Лингвистическая терминология в татарском литературном языке», «Современный татарский литературный язык. Семасиология».

Научно-исследовательскую работу И.Б. Баширова начинала с изучения проблем стилистики, чему была посвящена ее кандидатская диссертация «Слово-образ в татарской поэзии», которая была издана в 1974 г.

Результатом изучения творчества известных татарских писателей-просветителей и писателей-классиков явилась монография «Сэнгатыле чэчмэ эсэрлэр теле: Татар прозасында хикяләү стилиенең үсеше һәм аның эсэр теленә тээсире» («Язык художественной прозы: Развитие повествовательного стиля в татарской прозе и влияние его на язык произведения») (1979 г.). В ней автором впервые в татарской филологии были определены этапы развития повествовательного стиля татарской художественной прозы и сформулированы принципы анализа художественного текста с позиции лингвиста-стилиста. История пове-

ствования в татарской прозе И.Б. Баширова делит на три периода. Первый период начинается с новелл «Нахж-эл-фарадис» (XIV в.) и доходит до прозы К. Насыри (1825-1902). Второй период связан с национальным романом М. Акджигита «Хисамеддин менла» (1886) и включает прозаические произведения таких писателей-просветителей, как З. Бигиев, Р.Фахрутдинов, Ф.Карими, Ш.Мухамедов, З.Хади, в трудах которых четко вырисовывается авторская позиция, все более эмоциональным, выразительным, насыщенным становится язык прозы. Третий период в становлении татарской прозы начинается с творчества классиков Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Ш.Камала и др. Здесь язык литературного произведения превращается в слово-образ, т.е. лексическая единица языка обогащается эстетической смысловой нагрузкой, соответствующей определенному авторскому замыслу.

В 1981–85 гг. И.Б. Баширова занимается проблемой художественного восприятия и его словесного выражения в прозаических произведениях Г.Баширова, А.Еники, М.Амира, Ф.Хусни, Г.Абсалямова, А.Расиха, А.Гиляева, Г.Ахунова, Р.Тухфатуллина, М.Юнусова и др. татарских советских писателей. В результате работы над рукописями классика татарской прозы Г.Баширова была издана книга «Жидегэн чишмэ моңы...» («Мелодия родника: из творческой лаборатории Г.Баширова») (1995 г.).

С 1986 г. И.Б.Баширова является одним из авторов коллективной монографии «История татарского литературного языка». Данная исследовательская работа отражается в многочисленных статьях (свыше 50) и в монографии «Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола» (1999 г., на тат.яз.). Объектом исследования является татарский письменный литературный язык этого периода, представленный всеми его функциональными стилями. Повторное издание труда «Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: Жанры и стили, норма и вариативность в отдельных грамматических категориях» было осуществлено в 2008 г.

С 2001 года И.Б.Баширова участвует в авторском коллективе многотомного труда «Татарская лексикология». Актуальность избранной темы определялась недостаточной разработанностью теории лексико-семантических систем в языке, проблемы значения языкового знака. В рамках этой темы изданы монографии: «Современный татарский литературный язык. Семасиология: системные связи-отношения в татарской лексике» (2006 г., на тат.яз.); «Татарский литературный язык. Семасиология. (2010 г., на тат.яз.). В монографиях были исследованы основные проблемы семасиологии татарского языка, такие как компоненты лексического значения слова (денотативные и сигнификативные); типы лексических значений слов (объектные, субъектные, структурные); парадигматические, синтагматические, ассоциативно-эпидигматические и когнитивно-концептуальные связи-отношения в татарской лексике; проведен анализ лексико-семантических категорий (полисемия, омонимия, энантиосемия, синонимия, антонимия) на основе инвариантно-парадигматических отношений.

С 2007 г. И.Б.Баширова возглавляет авторский коллектив многотомного труда «История татарского литературного языка». Как известно, за последние годы сделан новый шаг в изучении многовекового письменного наследия татарского народа. поэтому встала задача описания литературной нормы и ее вариативности на основе единого метода и в свете непрерывной эволюции татарского письменного языка. Для решения этих задач И.Б. Башировой была составлена Программа исследования истории татарского литературного языка,

которая предполагает издание следующих трех томов: «Фонетика. Графика и орфография: норма и вариативность»; «Морфология. Норма и вариативность в грамматических категориях»; «Лексико-семантические связи-отношения в тюрко-татарских словах и арабо-персидских и других заимствованиях».

И.Б.Баширова активно работает над пропагандой научных знаний. Систематически выступает с научными докладами на международных, региональных, республиканских и др. конференциях. Ее теоретическими трудами пользуются не только языковеды, но и литераторы, историки, учителя и др., ее работы широко используются в вузах республики.

НАЖИБА ХАЕРЗАМАНОВНА МАКСЮТОВА
(К 80-летию со дня рождения)

В 2014 г. исполнится десять лет со дня кончины и восемьдесят два года со дня рождения выдающегося башкирского языковеда, видного специалиста в области башкирской и тюркской диалектологии, известного общественного деятеля, педагога, доктора филологических наук, профессора, главного научного сотрудника, заведующего в 1988–2000 гг. Отделом диалектологии и топонимики Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН (ныне – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН»), заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, Нажибы Хаерзамановны Максютовой.

Нажиба Хаерзамановна родилась 27 ноября 1932 г. в деревне Сулейманово (башк. *Һөләймән*) Мечетлинского района Башкирской АССР. Ее детство и юность прошли там же; после окончания школы она поступила в Башкирский государственный педагогический институт им. К.А.Тимирязева, который окончила в 1951 г. Затем шесть лет преподавала башкирский язык и литературу в школах республики. Так, она несколько лет проработала преподавателем башкирского языка и литературы в Саятбабинской средней школе. Уже работая в системе АН, она принимала неоднократное участие в работе в ГАК Стерлитамакского государственного педагогического института. В 1979–1984 гг. она вела в Башкирском государственном педагогическом институте такие курсы, как «Башкирская диалектология», «Сравнительная грамматика тюркских языков», а также спецкурс по исторической диалектологии башкирского языка. В 1981 году была избрана по конкурсу профессором данного вуза.

В 1957 г. Нажиба Хаерзамановна Максютова начинает работать младшим научным сотрудником Сектора языка Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. В 1964 г. на заседании Ученого совета Института языкознания АН (Москва) успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Говор айских башкир» (научный руководитель – д. ф. н. К.З. Ахмеров).

В 60–70-х гг. XX в. Н.Х. Максютова организовала ряд диалектологических экспедиций, результаты которых затем были обработаны и использованы при составлении всех трех томов и сводного тома «Словаря башкирских говоров», хрестоматии «Образцы башкирской разговорной речи» и, конечно же, «Диалектологического атласа башкирского языка», в который она вложила много сил.

В 60–90-х гг. XX в. она достойно представляет нашу республику на всевозможных научных мероприятиях различного уровня, тем самым завоевывает заслуженный авторитет не только среди языковедов-тюркологов, но и среди финно-угроведов, монголоведов и теоретиков языкознания.

В 1980 г. в г. Баку, в Институте языкознания им. Насими АН АзССР, Н.Х. Максютова защищает докторскую диссертацию «Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное ис-

следование)». В 1981 году утверждается в ученой степени доктора филологических наук.

В 1982 г. Нажиба Хаерзамановна избирается заведующим Отделом диалектологии и топонимики Института истории, языка и литературы БФ АН СССР. За пять лет ее руководства Отделом, т.е. до 1987 г., была завершена работа над крупным академическим проектом «Диалектологический атлас башкирского языка» (1986), изданы третий том «Словаря башкирских говоров: Западный диалект» (1987), хрестоматия «Образцы башкирской разговорной речи» (1988), пять научных сборников статей по актуальным проблемам тюркской диалектологии, ономастике и ареальной лингвистике (1982, 1985, 1986, 1988), а также проведена IX региональная конференция по тюркской диалектологии (1982). В работе этой конференции, организованной в Уфе под эгидой Советского комитета тюркологов при ОЛЯ АН, приняло участие около двухсот человек, на пленарных заседаниях было сделано двадцать два доклада, на секционных заседаниях – сто шестьдесят. В современной тюркологической науке даже по прошествии тридцати двух лет эта конференция продолжает ассоциироваться с именем и образом её вдохновителя, Нажибы Хаерзамановны Максютовой.

В содержательном плане хрестоматия «Образцы башкирской разговорной речи» имеет большое значение не только в качестве памятника культуры и духовной жизни башкирского народа, но и как свод текстов живого разговорного языка. Здесь представлены сведения по истории Башкортостана, в частности, по истории заселения деревень и сел, о народных традициях и народном творчестве башкир.

В 2008 г. был издан список основных научных трудов Н.Х. Максютовой [Псянчин Ю.В. Список основных научных трудов Н.Х. Максютовой // Тр. ИИЯЛ УНЦ РАН / Сост. Р.А. Сулейманова. Вып. II. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – С. 116-124.]. Наличие данного списка позволило определить те направления и проблемы, над которыми в течение пятидесяти лет успешно работала Н.Х. Максютова. Судя по содержанию списка, это девять направлений: 1) проблемы монографического описания башкирских диалектов и говоров; 2) проблемы теоретической грамматики башкирского языка; 3) проблемы лингвогеографии и ареальной лингвистики; 3) история башкирской лингвистической науки; 4) диалектная лексикография; 5) традиционная и отраслевая лексикология башкирского языка; 6) языковые контакты и историческая лексика; 7) проблемы тюркской и башкирской ономастики; 8) вопросы функционирования башкирского литературного языка и лингвопоэтики; 9) вопросы текстологии.

Как видим, профессор Н.Х. Максютова обладала широким научным кругозором, что, несомненно, отразилось и на ее изысканиях в области башкирской диалектологии. Здесь остановимся только на некоторых из упомянутых проблем, интересовавших ученого. Самой главной работой Н.Х. Максютовой следует признать ее капитальную монографию «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)» (1976). В ней описаны все 5 говоров данного диалекта: айский, аргаяшский, сальютский, миасский, кзылский. В монографии восточный диалект охарактеризован в синхронном и диахронном аспектах. Каждому говору здесь посвящена отдельная глава, где подробно излагаются фонетические, морфологические, лексические особенности в сравнении с данными южного диалекта башкирского языка. В качестве дополнительного сравнительного материала привлекаются факты других родственных и даже неродственных языков.

Следующая монография Н.Х. Максютовой «Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении» (1996). Ею были исследованы аргаяшский,

сальютский и оренбургские говоры. При этом особого внимания заслуживает авторский подход к описанию оренбургского говора, его оригинальность заключается, прежде всего, в отказе от бассейнового принципа выделения границ говора.

В области диалектной лексикографии профессором Нажибой Хаерзамановой было сделано очень много, так как именно она выступала ответственным редактором и одним из составителей всех трех томов «Словаря башкирских говоров (1967, 1970, 1987). Первый том данного словаря посвящен восточному диалекту, второй – южному диалекту башкирского языка, третий том, изданный только через двадцать лет после выхода в свет первого тома, посвящен западному (северо-западному диалекту башкирского языка), наличие которого вызывало и вызывает неоднозначные споры среди наших татарских коллег. Второй том «Словаря башкирских говоров», вышедший под редакцией Н.Х. Максютовой, важен тем, что в нем, по инициативе редактора, в составе южного диалекта выделено четыре говора – демский, среднеуральский, ик-сакмарский и караидельский. В третьем томе довольно успешно применена классификация говоров западного диалекта, автором которой выступила сама Н.Х. Максютова, здесь включены следующие говоры: 1) гайнинский говор; 2) северо-западный говор; 3) тук-соранский говор; 4) ниже-сакмарский говор; 5) среднеуральский говор; 6) иргизский говор.

Именно Н. Х. Максютовой были заложены теоретические основы исследования отраслевой лексики башкирского языка на примере свадебных терминов. В этом плане примечательна статья Н.Х. Максютовой «Герминология коневодства у башкир», в которой остро поставлен вопрос о необходимости сохранения терминов традиционного коневодства в башкирском языке, так как в то время нависла реальная угроза постепенного исчезновения данной отрасли хозяйства у башкир.

В историю тюркской диалектологии имя Н.Х.Максютовой вписано золотыми буквами наряду с именами таких выдающихся отечественных языковедов-тюркологов, как Э.Р.Тенишев (диалекты уйгурского, саларского, сарыг-югурского языков), Э.А. Грунина (диалекты турецкого языка), Д.Г. Тумашева (диалекты татарского языка), М.Ш. Ширалиев, М.И. Исламов (диалекты азербайджанского языка), Н.А. Баскаков (диалекты алтайского языка), Ж.Амансарыев (диалекты туркменского языка), Ш.Ш. Шаабдурахманов (диалекты узбекского языка), Ш.Ш.Сарыбаев (диалекты казахского языка), Б.М.Юнусалиев (диалекты кыргызского языка), Н.И. Ашмарин (говоры чувашей) и др.

Различные аспекты проблемы «Языковые контакты и историческая лексика» отражены в ряде её статей, среди которых хочется выделить хотя бы две из них: «Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков» (1967) и «Башкирско-монгольские языковые связи» (1973).

Научные изыскания Н.Х. Максютовой по башкирской диалектологии не потеряли своей актуальности и сегодня. Под ее научным руководством защитили свои кандидатские диссертации Э.Ф. Ишбердин, У.Ф. Надергулов, М.И. Дильмухаметов, Ю.В. Псянчин, М.Г. Усманова. Трое из этого списка – Э.Ф. Ишбердин, Ю.В. Псянчин и М.Г. Усманова – стали докторами филологических наук.

За большой вклад в развитие башкирского языкознания Н.Х. Максютова была награждена Почетной грамотой Президиума АН СССР (1974), Почетной грамотой Республики Башкортостан (2000). В 1983 г. она удостоилась почетного звания «Заслуженный деятель науки Башкирской АССР».

Запомнили в республике Н.Х.Максютову и как активного общественного деятеля: ведь ее стараниями было возрождено Общество башкирских женщин; именно она с 1990 г. и по 2000 г. являлась председателем этой организации. Она же с 1994 г. по 2000 г. руководила Терминологической комиссией при Правительстве Республики Башкортостан. Всю эту работу она успевала совмещать с обязанностями члена Исполкома Всемирного Курултая башкир.

Нажиба Хаерзамановна запомнилась и как прекрасная исполнительница башкирских народных и популярных песен, поскольку с детства обладала чудесным голосом.

26 июня 2005 г. в д. Сулейманово Мечетлинского района состоялось торжественное открытие мемориальной доски, посвященной Нажибе Хаерзамановне. Доска была установлена на здании школы, которую когда-то она окончила. Так земляки чтут и помнят свою известную и любимую землячку.

Ю. Псянчин, д. филол. н., проф.
ФГБОУ ВПО «Уфимский гос.
университет экономики и сервиса»,
кафедра «Зарубежное регионоведение»

ИБРАГИМ ХАШИМОВИЧ АХМАТОВ
(К 75-летию со дня рождения)

В 2013 г. исполнилось 75 лет со дня рождения видного языковеда-тюрколога, академика Международной тюркской академии, заслуженного деятеля науки КБР, доктора филологических наук, профессора И.Х. Ахматова. Он рано ушел из жизни – в апреле 1998 г. Тогда ему еще не исполнилось и шестидесяти, что по меркам традиционного горского мировосприятия составляет только лишь половину жизненного пути, т.е. зрелый возраст, предначертанный для дальнейшей плодотворной деятельности.

Родился Ибрагим Хашимович 27 декабря 1938 г. в п. Былым Эльбрусского района Кабардино-Балкарской АССР. Ещё в детском возрасте, вместе со своим народом, пережил годы тягот. Суровое голодное детство и очень ранняя трудовая деятельность закалили И.Х., который ребёнком остался в семье за старшего мужчину и был основной поддержкой матери, когда отец ушёл на фронт и потом – ещё на десять лет после ареста Хашима Локмановича за побег из немецкого плена. Впереди семью Ахматовых, как и весь народ, ожидали также долги и полные лишения годы депортации.

В 1962 г. И.Х. окончил Кабардино-Балкарский госуниверситет по специальности балкарский язык и литература, русский язык и литература и начал свою трудовую деятельность в качестве редактора Комитета по телевидению и радиовещанию Кабардино-Балкарии, где в полной мере раскрылся его журналистский талант. В это время и начинается для него период вдохновенной работы со словом.

В 1967 г. Ибрагим Хашимович перешел на работу в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт в качестве научного сотрудника сектора балкарского языка, в 1969 г., после защиты кандидатской диссертации, он был избран заведующим сектором и на этой должности работал до 1974 г. С 1974 г. до 14 апреля 1998 г. Ахматов бессменно заведовал кафедрой балкарского языка и литературы КБГУ.

И.Х. Ахматов внес значительный вклад в развитие не только карачаево-балкарского языка, но и тюркологии в целом. Он является автором свыше 150 научных и учебно-методических работ.

Одним из приоритетных направлений для карачаево-балкарского языкознания была и остается лексикография. Сегодня многих любителей и ценителей карачаево-балкарского слова радует значительное количество словарей различной направленности, в том числе и трехтомный «Толковый словарь карачаево-балкарского языка», ставший заметным событием в культурной жизни КБР. Но мало кто знает, что выходу этого издания предшествовала скрупулезная и кропотливая работа, у истоков которой стоял проф. И.Х. Ахматов. С одной стороны, это продолжительные командировки в ведущие лексикографические центры страны с целью приобретения необходимого опыта, с другой – сбор и систематизация языкового материала, а затем и создание словарной картотеки, включающей 1 млн. карточек, отражающих богатство и изобразительные возможности родного языка. Инструкции для составления этого словаря (1976), разработанная И.Х., по существу стала основой, фундаментом для под-

готовки первого нормативного филологического толкового словаря языка карачаевцев и балкарцев.

И.Х. Ахматов значительное внимание уделял изучению лексики родного карачаево-балкарского языка в сравнительном плане, в основном в учебно-методических работах. В ряде его трудов нашли свое место и вопросы, связанные с различными аспектами ономастики.

В 1966 г. была издана первая описательная грамматика карачаево-балкарского языка, вышедшая под грифом КБНИИ. Перу И.Х. Ахматова принадлежат разделы, посвященные служебным частям речи: союзам, частицам, междометиям и звукоподражательным словам.

Но главной музой И.Х. Ахматова всегда был синтаксис родного языка, который он считал краеугольным камнем грамматики. В 1968 г. им издана монография «Главные члены предложения и средства их выражения в карачаево-балкарском языке». Она явилась первой монографией, посвященной синтаксису простого предложения карачаево-балкарского языка. В ней достаточно полно определены грамматические функции подлежащего и сказуемого как организующих членов предложения, выявлены их структурные типы, причем особое внимание уделено средствам их выражения.

В 1969–1973 гг. под его непосредственным руководством сектором балкарского языка создается «Грамматика карачаево-балкарского языка» (1976 г.) – первый опыт относительно полного описания всех уровней карачаево-балкарского языка, получивший высокую оценку среди тюркологов. Раздел, посвященный синтаксису простого предложения (12 а. л.), написан Ибрагимом Хашимовичем. В соавторстве с известными тюркологами Н.А. Баскаковым и А.З. Абдуллаевым подготовлены и другие ее разделы – «Словосочетание» и «Сложное предложение».

Конец 70-х гг. XX в. ознаменовался для тюркологии в целом зарождением нового научного направления в исследовании синтаксиса тюркских языков. Благодаря неустанной научной деятельности проф. И.Х. Ахматова впервые в тюркском языкознании был сделан крупный шаг в изложении теоретических принципов семантического подхода к изучению предложения, который был представлен в его монографии «Проблемы семантического анализа простого предложения» (1979 г.). На основе этого научного труда была подготовлена диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, защищенная в Институте языкознания РАН. В 1983 г. расширенный вариант этой работы увидел свет под названием «Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке». Со временем эта важная проблема в тюркологии находит дальнейшую разработку не только в других исследованиях И.Х. Ахматова, но и в работах его аспирантов и соискателей. В русле его научно-теоретических изысканий подготовлены десятки докторских и кандидатских диссертаций на материале различных тюркских языков (азербайджанского, башкирского, казахского, татарского, тувинского, узбекского, шорского и др.), опубликован целый ряд научных монографий. Это свидетельство того, что работы И.Х. Ахматова получили широкое признание и оказали заметное влияние на развитие тюркского языкознания в области семантического синтаксиса.

Судьбы средней и высшей школы, вопрос о преподаваемых в них предметах, о программах по этим предметам, о месте филологии среди них, в частности об объеме и методах преподавания языков – все это глубоко волновало ученого, и он посвятил этим вопросам немало работ различного характера. Всю жизнь он стремился к тому, чтобы достижения теоретического языковедения

нашли приложение в школьном и вузовском преподавании языков, чтобы школа и вуз развивали мыслительные способности ученика и студента, помогали формированию их индивидуальности и давали бы знания, которые делают учащегося полезным членом социума. Многие положения, разработанные в научных трудах профессора И.Х. Ахматова, нашли практическое применение в курсах синтаксиса тюркских языков, при составлении программ, учебников, учебно-методических пособий для обучения карачаево-балкарскому и другим тюркским языкам в высшей и средней школе. Ученый обосновал и представил правила пунктуации карачаево-балкарского языка, которыми мы сейчас пользуемся.

И.Х. Ахматов считал, что каждый лингвист должен «активной проповедью» вмешиваться в языковую жизнь общества, в практику школьного лингвистического образования. Он разъяснял, что только сознательное владение грамматикой делает человека по-настоящему грамотным, помогает ему культурно говорить. Нам представляется, что этими и другими не менее важными соображениями руководствовался И.Х. Ахматов, когда активно участвовал в работе учебно-методического совета МОН КБР, в разработке проекта «Закона о государственных языках Кабардино-Балкарской Республики», а также государственной «Программы сохранения и развития государственных языков Кабардино-Балкарской Республики».

Ахматов И.Х. был членом бюро Советского комитета тюркологов и членом редколлегии журнала «Советская тюркология», членом ученых советов КБГУ, Кабардино-Балкарского ИПК, Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

Ибрагим Хашимович принимал активное участие и в общественно-политической жизни КБР. Его заслуги перед Родиной отмечены медалями «За освоение целинных земель», «За трудовую доблесть».

Сегодня Ибрагима Хашимовича Ахматова с нами нет, но он был и останется в нашей памяти крупным ученым-тюркологом, человеком высокой нравственной культуры и интеллекта, чутким и отзывчивым наставником и другом.

*Н.Э. Гаджихамедов, доктор филол. наук, проф.,
М.Б. Кетенчиев, доктор филол. наук, проф.,
М.З. Улаков, доктор филол. наук, проф.*

НЕКРОЛОГ

МАЙЯ ИВАНОВНА ЧЕРЕМИСИНА**(30. 09. 1924 – 5. 12. 2013)**

5 декабря 2013 г. на 90-м году ушла из жизни Майя Ивановна Черемисина, выдающийся ученый, талантливый лингвист, основатель новосибирской синтаксической школы, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Майя Ивановна Черемисина в 1947 г. окончила Московский государственный университет по специальности «Русский язык и литература», затем аспирантуру при Московском городском педагогическом институте им. В.П. Потемкина, где позже защитила кандидатскую диссертацию на тему «Система иносказаний в очерках М.Е. Салтыкова-Щедрина “За рубежом”». По окончании аспирантуры работала в Томском государственном педагогическом институте, затем в Тульском государственном педагогическом институте.

В 1955–1956 гг. находилась в спецкомандировке в КНР, где исполняла обязанности советника кафедры лексики в Институте русского языка в Пекине.

С 1965 г. Майя Ивановна работала в Сибирском отделении АН и одновременно вела преподавательскую работу на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета.

Свою лингвистическую деятельность М. И. Черемисина начала с исследования структуры русского сложного предложения и синтаксических конструкций. Докторская диссертация, которую она защитила в 1974 г., посвящена сложным сравнительным конструкциям русского языка. Майя Ивановна также активно занималась изучением лексической семантики, в частности явлением синонимии, вопросами отношений между грамматическим статусом лексических единиц и их функциональными особенностями. С группой лингвистов она разрабатывала проблему образности лексики на материале зооморфных слов-характеристик разных языков: русского, английского, французского. Многие идеи, высказанные в ее лексикологических статьях, были новаторскими для того времени и остаются актуальными в контексте современной лексической семантики.

Постепенно в исследованиях Майи Ивановны начала доминировать типологическая проблематика, и ее внимание привлекли языки коренного населения Сибири. Во второй половине 1970-х гг. М.И. Черемисина возглавила очень важную и актуальную работу над темой «Синтаксические исследования языков народов Сибири (сопоставительно-типологические исследования строя сложного предложения в алтайских языках Сибири)». Отправной точкой исследова-

ния послужила мысль, высказанная известным тюркологом Е.И. Убрятовой, о том, что тюркские языки используют одни и те же языковые средства для установления связей как между словами, так и между единицами других языковых уровней (словосочетаниями и предложениями). Позже Е.И. Убрятова скажет: «Благословен тот день и час, когда мы с Владимиром Михайловичем Надеяевым свернули Майю Ивановну с “истинного пути русистики” и она пришла в сибиреведение».

Майя Ивановна стала главой продуктивной научной школы, включающей в том числе и исследователей из числа представителей коренных народов Сибири. Под ее руководством был проведен ряд лингвистических экспедиций в разные районы Сибири, собраны картотеки и анкетные материалы по языкам Сибири и Дальнего Востока (тувинскому, бурятскому, хакасскому, алтайскому, нанайскому, эвенкийскому). Итоги исследования были изложены

в двух коллективных монографиях по теории сложного предложения – «Предикативное склонение причастий в алтайских языках» (Новосибирск: Наука, 1984) и «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» (Новосибирск: Наука, 1986) и более чем в двадцати тематических сборниках, монографиях учеников и членов синтаксической группы.

М. И. Черемисиной было введено в научный оборот понятие «полипредикативная конструкция», которое позволило осознать и детально изучить широкий круг синтаксических явлений, ранее ускользавших от внимания исследователей. Ею была разработана типология зависимых сказуемых в составе полипредикативных конструкций языков коренных народов Сибири.

Майя Ивановна руководила работой аспирантов, стажеров и, на общественных началах, большой группой сотрудников региональных национальных научно-исследовательских институтов, занимающихся синтаксисом алтайских и других языков. Координирующую роль играла ежегодная конференция «Сложное предложение в языках разных систем», которая проводилась 6 раз начиная с 1978 г.

М. И. Черемисина и возглавляемый ею коллектив добились больших успехов в разработке методов сопоставительно-типологических исследований и в построении единой синтаксической теории, ориентированной на языки разных систем, что значительно ускорило описание синтаксиса многочисленных малоизученных языков Сибири. На этой базе были созданы описания как научного, так и практического характера, предназначенные для педагогической практики.

Изучение сибирских языков привело к необходимости иначе взглянуть на русский и на другие европейские языки, а иногда и пересмотреть лингвистические представления о них. Классической стала совместная с Т.А. Колосовой фундаментальная работа «Очерки по теории сложного предложения» (1987), выполненная на материале языков разных систем.

М. И. Черемисина заложила также теоретические основы типологии простого предложения в языках Сибири, разработала методику сравнительно-сопоставительного описания простого предложения в языках разных систем, в основе которой лежит моделирование структуры и семантики простого предложения как двусторонней единицы языка. Исследование структурно-семантических моделей простого предложения обуславливает необходимость изучения типологии предикатов, т. е. прежде всего глаголов с их возможностями управления.

М.И. Черемисина автор более 200 статей и монографий. Методы и терминология синтаксической школы М.И. Черемисиной и в настоящее время широ-

ко используются при описании языков Сибири её многочисленными учениками и последователями, поскольку Майя Ивановна всегда привлекала к решению сложнейших задач студентов, аспирантов, молодых специалистов и щедро делилась с ними своими знаниями.

В начале 1990-х гг. помимо подготовки через аспирантуру открылась возможность экспериментального обучения специализированных групп студентов из числа коренных народов Сибири. В 1994 г. в Новосибирском государственном университете была создана кафедра языков и фольклора народов Сибири, первым заведующим которой стала М.И. Черемисина. Она интенсивно разрабатывала лекционные курсы по синтаксису, лексикологии тюркских языков Сибири, создавала пособия по лекционным курсам и практикумам, руководила дипломными работами.

М.И. Черемисина внесла огромный вклад в подготовку национальных кадров высшей квалификации для научных центров Сибири: около половины диссертаций под ее руководством защищены лингвистами-носителями сибирских языков. Всего под ее руководством подготовлено и защищено 50 кандидатских и 5 докторских диссертаций.

Майя Ивановна была страстным человеком, человеком с горячим сердцем. Во всё в своей жизни она вкладывала подлинные сильные чувства и эмоции. Это проявлялось и в полной самоотдаче в работе, и в неподдельном, живом интересе к окружающим ее людям. Майя Ивановна зажигала людей, могла вести за собой. Таких личностей, способных вдохновлять своими идеями целые коллективы так, чтобы они сохранялись на протяжении нескольких поколений, – в мире единицы. Всю свою жизнь Майя Ивановна посвятила изучению языка, который она считала большим чудом и великим достоянием человечества. Ее перу принадлежат замечательные слова: «Язык всегда представлялся мне чудом. Я так и не могу понять, как люди могли создать его, а тем самым и самих себя, – совсем как барон Мюнхаузен, которому удалось за волосы вытащить из болота себя самого вместе с конём. Ведь именно так должно было происходить, когда неразумные ещё наши предки создали орудие мысли, которое вывело их на дорогу разумной жизни» (Язык и его отражение в науке о языке. – Новосибирск, 2002. – С. 5).

Ученики и коллеги

НАШИ АВТОРЫ

Абдрасулов Советбек Мисиркулович, канд. философ. наук, зав. кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, Кыргызская гос. юридическая академия. E-meil: s.abdrasulov@mail.ru

Алишина Ханиса Чавдатовна, докт. филол. наук, проф., ФГБОУ ВПО «Тюменский гос. университет». E-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

Бызылхан Напил, научн. сотр., Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан

Боргоякова Татьяна Николаевна, канд. филол. наук, доцент, в.н.с. ФИРО Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович, докт. филол. наук, проф., Дагестанский гос. университет. E-mail: nurl@yandex.ru

Дыбо Анна Владимировна, чл.-корр. РАН, д. филол. наук, проф., зав. Отделом урало-алтайских языков ИЯз РАН, вед. науч. сотр. Центра компаративистики Ин-та восточных культур РГГУ

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой балкарского языка ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова»

Кормушин Игорь Валентинович, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., ИЯз РАН, председатель Российского комитета тюркологов при ОФИН РАН. E-mail: igorkormushin@yandex.ru

Кубатин Андрей Викторович, мл. науч. сотр., Институт востоковедения АН Республики Узбекистан.

Куряева Рауза Исмаиловна, канд. филол. наук, доцент, кафедра «Иностранные языки в профессиональной коммуникации», Казанский национальный исследовательский технологический университет (КНИТУ).

Кызласов Игорь Леонидович, докт. истор. наук, проф., гл. научн. сотр., Институт археологии РАН, г. Москва. E-mail : kyzlasovil@mail.ru

Миннуллин Бахтияр Кимович, канд. филол. наук, научн. сотр., ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань).

Норманская Юлия Викторовна, докт. филол. наук, ст. научн. сотр., ИЯз РАН. E-mail: julianor@mail.ru

Песянчин Юлай Валеевич, докт. филол. наук., проф., ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный университет экономики и сервиса», кафедра «Зарубежное регионоведение», E-mail: yulayps@yandex.ru

Сарбашева Сурна Борисовна, канд. филол. наук, доцент, декан факультета алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский гос. университет. E-mail: surna@rambler.ru

Султанов Казбек Казбек Камирович, докт. филол. наук, проф., зав. Отделом литератур народов РФ и СНГ ИМЛИ РАН

Улаков Махти Зейтунович, докт. филол. наук, проф., зам. председателя КБНЦ РАН по научной работе.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Кормушин И.В.</i> К соотношению вариантов тюркского рунического письма: Палеографические обоснования хронологических оценок	3
<i>Боргоякова Т.Н.</i> (Москва). О функционально-семантических особенностях форманта <i>-п одыр</i> в хакасском языке	11
<i>Кубатин А.В.</i> (Ташкент). Древнетюркские термины в согдийских документах с горы Муг	25
<i>Дыбо А.В., Норманская Ю.В.</i> (Москва). Тюркские заимствования в финно-угорских названиях одежды	42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Султанов К.К.</i> (Москва). От «Манаса» к «Белому пароходу». Феномен эпического в историко-литературной динамике	61
<i>Абдрасулов С.М.</i> (Бишкек). Эпос «Манас» и манасчи – сакральные феномены кыргызской духовности	72
<i>Кызласов И.Л.</i> (Москва). Религиозная природа енисейской письменности. I	79

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Алишина Х.Ч.</i> (Тюмень). Имя существительное в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар	91
<i>Базылхан Напил</i> (Алматы). Древнетюркские надписи с территории Казахстана	95
<i>Куряева Р.И.</i> (Казань). Русские ойконимы тюркского происхождения, производные от слов, описывающих окружающую природу	106

РЕЦЕНЗИИ

<i>Селютин И.Я., Уртегешев Н.С., Летягин А.Ю., Шевела А.И., Добринина А.А., Эсенбаева Г.А.</i> Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии) / отв. ред. Н.Н. Широбокова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012 (Сер.: Интеграционные проекты. Вып. 41)	111
---	-----

PERSONALIA

Илида Басыровна Баширова	113
Нажиба Хаерзамановна Максютлова	116
Ибрагим Хашимович Ахматов	120

НЕКРОЛОГИ

Майя Ивановна Черемисина	123
Наши авторы	126

СОДЕРЖАНИЕ

Как подписаться на ж-л «Российская тюркология»	132
--	-----

CONTENTS**Structure and history of Language**

<i>Kormushin Igor.</i> On the Relations of Turcic Runic Script's Versions: Paleographic Justification of the Chronological Assessments	3
<i>Borgoyakova Tat'yana N.</i> On functional-semantic peculiarities of the formant <i>-n одыр</i> in the khakass language	10
<i>Kybatin Andrey V.</i> Ancient Turkic terms in Sogdian documents from Mount Mug	25
<i>Dybo Anna V., Normanskaya Yulia V.</i> Turkic loanwords in Fenno-Ugric clothes names	42

Literary critics, folklore studies,

<i>Sultanov Kazbek K.</i> From the “Manas” to the “White ship”: The phenomenon of the epic in literary-historical dynamics	61
<i>Abdrasulov Savetbek M.</i> The epos «Manas» and manaschy as sacred phenomenae of kyrgyz spirituality	72
<i>Kyzlasov Igor' L.</i> The religious nature of the yenisei inscriptions	79

Reports and surveys

<i>Alishina Xanisa Ch.</i> Noun in the Tobol-Irtysh dialect of Siberian tatars.....	91
<i>Bazylxan Napil.</i> Old Turkic inscriptions in the Kazakhstan's region ..	95
<i>Kur'ayeva Rauza I.</i> Russian oikonyms of Turkic origin derived from the words describing the nature	106

Reviews

<i>Selyutina I.Ya., Urtegeshev N.S., Letyagin A.Yu., Shevela A.I., Dobrinina A.A., Esenbaeva G.A.</i> Articulatory Bases of the Indigenous Turkic Ethnoses of Southern Siberia (MRI and Digital Roentgenography Data). Executive editor N.N. Shirobokova. Institute of Philology of SB RAS. – Novosibirsk: Publishing house of SB RAS, 2012. Series: Integration projects. Vol. 41. – 374 P.....	111
--	-----

Personalia

Bashyrova I.B.	113
Maks'utova N.X.	116
Axmatov I.X.	120

Obituaries

Cheremisina M.I.	123
--	-----

Our authors	126
-------------------	-----

CONTENTS

How to subscribe.....	132
-----------------------	-----

Правила для авторов

Редакция научного журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами.

Статьи, формленные без соблюдения этих правил, будут возвращаться без рассмотрения.

Научный журнал «Российская тюркология» выходит 2 раза в год и публикует материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований по рубрикам:

◆ Структура	и	◆ Культурология
история языка		◆ Литературоведение
◆ Дискуссии	и	◆ Фольклористика
обсуждения		◆ Сообщения и обзоры
◆ Языковые связи		◆ История науки, документы
◆ Ономастика		◆ Рецензии и аннотации

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

◆ актуальности	◆ доказательности
◆ проблемности	◆ фактологической обоснованности.
◆ научной новизны	

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации.

Все статьи проходят рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему на русском и английском языках и ключевые слова на двух языках (не более 10) – представляются в редакцию в 2-х экземплярах в распечатанном виде, подписанных автором (или авторами), а также в электронном варианте. Если статья отправлена по Интернету, вариант на электронном носителе не обязателен. Нумерация страниц сквозная.

Небольшие исправления стилистического или формального характера вносятся в текст статьи без согласования с автором; статьи, требующие серьезных исправлений, возвращаются на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья не принята к печати.

Датой поступления считается день получения редакцией исправленного варианта статьи.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная. *Шрифт* – Times New Roman (12 пт), межстрочный интервал – одинарный, абзацный отступ – 0,5 см.

Журнал не является гонорарным.

Как подписаться / How to subscribe

**Стоимость журнала «Российская тюркология»/ «Russian Turcology»
по СНГ:**

— стоимость подписки на один год (= два номера) печатной версии журнала РТ — 600 руб;

не в странах СНГ:

— стоимость подписки на один год (= два номера) печатной версии журнала РТ — 50 €.

Оплатить журнал «Российская тюркология» можно в:

ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА

— *Порядок оформления подписки*

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Банк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Банка можно скопировать из настоящего извещения или вырезать из последних страниц журнала.

2. Информацию об оплате, почтовый адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnalrostrukologiya@mail.ru.

3. Номера 2014 г. будут высланы одновременно, в сентябре–ноябре 2014 г., в дальнейшем, в 2015г. и далее, номера два раза в год будут высылаться на указанный адрес заказной бандеролью.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

Price of the Journal «Russian Turcology»:

for CIS countries:

— price for a couple printed issue is 500 RUB.;

outside CIS countries:

— price for a couple printed issue is 50 €.

You can purchase RUSSIAN TURCOLOGY: VIA ANY BANK;

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals

Payment via bank transfer:

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Bank. Presently we accept only banking transfer. The Bank receipt you can copy here below or cut out from the last pages of the journal.

2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnalrostrukologiya@mail.ru.

3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

Attention!

Subscription price include postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФОНDBАНК»

(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФОНDBАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:

«Российская тюркология»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма : _____ р

Плательщик (подпись) _____*Кассир***Квитанция**ИП Кормушин И.В.,

Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФОНDBАНК»

(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФОНDBАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:

«Российская тюркология»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма _____ р

Плательщик (подпись) _____*Кассир***Извещение об оплате подписки****Информация о плательщике:**_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)_____
(ИНН налогоплательщика)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Российская тюркология»

го	1	2
2014/15		